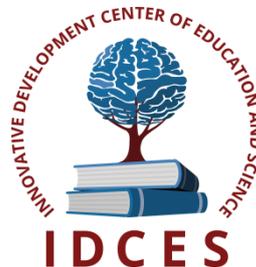

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(10 августа 2015г.)**

**г. Ростов-на-Дону
2015 г.**

УДК 34(06)
ББК 67я43

Теоретические и практические аспекты развития юридической науки / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Ростов-на-Дону, 2015. 71 с.

Редакционная коллегия:

гранд доктор философии, профессор, член-корреспондент, заслуженный деятель науки и образования РАН Апасьямов Р.Г. (г.Миасс), доктор исторических наук Быкова А.Г. (г.Омск), кандидат юридических наук Голубева Л.А. (г.Гатчина), кандидат юридических наук Грузинская Е.И. (г.Новороссийск), кандидат юридических наук, доцент Закиров Р.Ю. (г.Казань), кандидат юридических наук Киракосян С.А. (г.Новороссийск), доктор юридических наук, профессор Кириченко А.А. (г.Николаев), доктор юридических наук, профессор Комарова В.В. (г.Москва), кандидат юридических наук, доцент Корниенко В.Т. (г.Волгодонск), кандидат юридических наук, доцент Краснова К.А. (г.Москва), кандидат исторических наук Кружалова Л. (г.Санкт-Петербург), кандидат юридических наук Кудинов В.В. (г.Курган), кандидат политических наук, доцент Лебедева М.Л. (г.Москва), кандидат юридических наук Павлова А.А. (г.Якутск), кандидат юридических наук, доцент Потапов М.Г. (г.Новосибирск), кандидат юридических наук, доцент Решняк М.Г. (г.Москва), доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Сопов А.В. (г.Майкоп), кандидат юридических наук, доцент Трунина Е.В. (г.Саранск), кандидат юридических наук, доцент Усманова Е.Ф. (г.Саранск), кандидат юридических наук, доцент Шикула И.Р. (г.Москва)

В сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Теоретические и практические аспекты развития юридической науки», (г. Ростов-на-Дону) представлены научные статьи, тезисы, сообщения студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней, научных сотрудников, докторантов, практикующих юристов Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

© ИЦРОН, 2015 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.01)	5
ГЕНЕЗИС ЭЛЕМЕНТОВ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. Ошмарин А.А.	5
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВОВЫХ СТИМУЛОВ Провалинский Д.И.	8
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ, РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ Аристов Е.В.	15
К ВОПРОСУ ОБ ОБЫЧНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ ОКЕАНИИ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОДЫ Рядчин А.А.	16
ОБ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ Алфимцев В.Н.	18
ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ И ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЭВТАНАЗИИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ Летуга Т.В., Фатгахова Д.Р., Хижняк В.Д.	21
СУВЕРЕНИТЕТ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ, СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ Карнаушенко Л.В.	23

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.02)	27
ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Смирнова Т.С.	27
О КОМПЛЕКСНОЙ ПРИРОДЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕГЛАМЕНТОВ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Яхина О.В., Яхин Д.И.	29
РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА Громыко С.В.	30
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ Лихтер П.Л.	34
ЦЕЛЕВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Ефремова Т.Д.	38

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.03)	40
БАНКРОТСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНА Баутин А.В.	40
ВЛИЯНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ НА ПРОЦЕССЫ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ В КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ Придворова М.Н., Чулкова О.С.	42
ДОБРОВОЛЬНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ В КОРПОРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Чулкова О.С.	44
К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «МНОГОКВАРТИРНЫЙ ДОМ» Рубцов В.А.	45
О «МНОГОЛИКОМ» ЕДИНОЛИЧНОМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ОРГАНЕ КОРПОРАЦИИ Киракосян С.А., Власова А.В.	49
ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ Чулкова О.С.	51

СЛУЧАИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГРАЖДАНАМ В АРЕНДУ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЗ ПРОВЕДЕНИЯ ТОРГОВ Балыков А.Н.	53
СЕКЦИЯ №4. ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.05)	55
СЕКЦИЯ №5. ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.06).....	55
СЕКЦИЯ №6. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08).....	55
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ФИЛОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ: ДЕФИНИЦИЯ, ТИПОЛОГИЯ, ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ Пекарская И.В.	55
СЕКЦИЯ №7. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.09).....	57
СЕКЦИЯ №8. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.10)	57
СЕКЦИЯ №9. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.11)	57
ЗАДАЧИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ЗЕМЕЛЬ В ПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ Мирошниченко М.Н.	57
ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА Кузнецова О.Б.	60
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Честина Е.М., Савченко С.А.	62
СЕКЦИЯ №10. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.14).....	66
ПРЕДЕЛЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ, КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИНСТИТУТА СОСЯЗАТЕЛЬНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПУБЛИЧНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ Загривко Д.С.	66
СЕКЦИЯ №11. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.15)	68
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД	69

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.01)

ГЕНЕЗИС ЭЛЕМЕНТОВ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ошмарин А.А.

Юридический институт Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ключевые слова: социальное государство, фабричное законодательство, социальная политика, социальное обеспечение.

Аннотация: статья посвящена анализу элементов социального государства, которые начали формироваться в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Конституция РФ 1993 г. в части 1 статьи 7 провозгласило Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [11]. Однако, в настоящее время в научных кругах нет единого мнения о том, что следует понимать под «социальным государством» и о хронологических рамках его генезиса и развития.

Дискуссии по данным вопросам вспыхнули с новой силой в связи с мировыми событиями, в частности, с кризисом долговых обязательств Греции, который актуализировал проблематику социального государства, поскольку отчасти вина в кризисе лежит именно на нем. Основная проблема Греции – неспособность ее экономики обеспечить функционирование социального государства, в основе которого высокий уровень социальных гарантий населения, значительно более высокие по сравнению с пенсией, зарплатой бюджетников и пр. Этот кризис, по существу выявил одно из основных противоречий между рынком и социальной сферой в основных развитых государствах Европы. Сегодня в Западной Европе, по существу, наблюдается процесс постепенного сворачивания социального государства. При декларировании приверженности ценностям демократии, интересам народа и идеалам социального государства, Запад, по существу, происходит все большее смещение баланса между рынком и социальной сферой. Сегодня во многих странах Евросоюза, особенно в странах Средиземноморья и в странах – «молодых» членах ЕС лозунг «благополучие для всех» уже не отражает реального положения дел.

Анализ публикаций по данной тематике позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время наблюдается тенденция к идеализации социального государства, попыткам «найти» социальное государство в дореволюционной России. Попытаемся выяснить, насколько правомерно говорить о существовании социального государства в Российской империи в XIX – начале XX вв.

Теоретические представления о социальном государстве начали формироваться и сложились в определенную концепцию в XIX в. и связаны с именами Л. фон Штейна, Ю. Оффнера, Ф. Науманна и др. Сам термин «социальное государство» впервые был введен в научный лексикон Лоренцем фон Штейном в 1850 г. Он отмечал, что социальное государство «обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» [12; с. 82].

Катализатором, подтолкнувшим правящие круги к реализации «социальной функции», стало растущее рабочее движение в Европе. Первые акты социальной направленности как практическая реализация идеи социального государства появились в Германии, Англии, США, Франции и ряде других стран. Не стала исключением и Российская империя. Здесь растущая социальная напряженность в обществе привела к появлению такого феномена, как фабричное законодательство.

Следует сразу оговориться, что нормативно-правовые акты, регламентирующие отдельные виды трудовых отношений и социального обеспечения, принимались и в первой половине XIX века (например, Закон «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» от 24.05.1835 г. [10; с. 447], Закон «О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста» от 07.08.1845 г. [9; с. 591] и некоторые другие), однако арсенал мер государственной социальной помощи был чрезвычайно мал, не подкреплялись никакими нормами контроля и фактически не исполнялся. Сама помощь носила эпизодический, «точечный» характер, что не позволяет рассматривать

деятельность государства в этой сфере в качестве широкомасштабной социальной поддержки или социальной защиты. В свою очередь, личность не обладала никакими социальными правами, закрепленными на законодательном уровне [18; с. 14].

С особой интенсивностью фабричное законодательство начинает развиваться во второй половине XIX века. В первое пореформенное десятилетие Россия почти не знала стачек как формы защиты рабочими своих интересов. Беспорядки на предприятиях, отражавшие, по мнению министра юстиции, «безвыходность положения рабочего класса», сопровождавшиеся разрушением машин, поджогами, избиваниями ненавистных мастеров, походили скорее на крестьянские бунты. Однако уже в 70-е гг. прошли стачки на Невской бумагопрядильной фабрике (1870 г.), Кренгольмской (Нарвской) мануфактуре (1872 г.), на строительстве Воронежско-Ростовской, Киевско-Брестской, Азово-Севастопольской железных дорог и т. д. Хотя стачки затронули лишь небольшую часть рабочего класса, они свидетельствовали о появлении новых черт в рабочем движении: выдвижении экономических и правовых требований, товарищеской солидарности, росте человеческого достоинства. Например, на Кренгольмской мануфактуре рабочие просили продлить обеденный отдых на 1/2 часа, раньше прекращать работу детей, обязанных посещать школу, уменьшить размер штрафов, установить более точные расценки.

В 80-х гг. в условиях промышленного кризиса и затяжной депрессии стачки рабочих стали распространяться по всей России, и их количество и интенсивность постоянно увеличивались. Если с 1787 по 1881 гг. были зафиксированы 29 выступлений, в которых приняло участие почти 35 тыс. человек [13; с. 23], то в следующий пятилетний период были отмечены 87 стачек, участниками которых стали 75 тыс. трудящихся [17; с. 364]. В 1910 г. бастовали 47 тыс., в 1911 г. – 105 тыс., в 1912 г. (после Ленского расстрела рабочих) – 400 тыс. человек [3; с. 114].

В условиях социальной напряженности в стране правящие круги вынуждены были кардинально изменить государственную политику, улучшив определенным образом положение населения в аспекте социальной защищенности от комплекса соответствующих социальных рисков [4; с. 44].

Во второй половине XIX – начале XX вв. был издан ряд актов, регулирующих нормы рабочего времени и отдыха несовершеннолетних и женщин, вопросы медицинского обеспечения и социального страхования, деятельность фабричных инспекций и другие аспекты трудовой деятельности и социального обеспечения работников на заводах, фабриках и мануфактурах:

1 июня 1882 г. – закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» [6; с. 265];

3 июня 1885 г. – закон «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» [5; с. 261];

3 июня 1886 г. – Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих [16; с. 554];

14 марта 1894 г. – закон «О преобразовании фабричной инспекции и должностей губернских механиков и о распространении действия правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» [7; с. 106];

2 июня 1897 г. – закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» [8; с. 355];

2 июня 1903 г. – Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности [15; с. 328].

Важно отметить, что элементы социального государства в России возникли еще до завершения формирования капиталистической системы классического типа [2; с. 11]. В силу особенностей развития капитализма в стране господствующий класс феодального общества – помещики-землевладельцы – и в начале XX в. по-прежнему сохранял свою экономическую силу и власть. Для политического строя страны был характерен произвол бюрократии, сохранялись сословные привилегии, национальное неравенство.

В 1906 году первая в отечественной истории Государственная Дума (парламент) приступает к правовому оформлению основ социальной политики. В июне 1912 года был принят целый комплекс законодательных актов в сфере страхования рабочих на производстве – законы «Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих», «Об учреждении совета по делам страхования рабочих», «Об обеспечении на случай болезни», «О страховании рабочих от несчастных случаев» [14; с. 734; 847; 850-882].

Таким образом, за достаточно короткий, по сравнению с большинством европейских стран, хронологический период в Российской империи был принят целый комплекс нормативно-правовых актов, регулирующих сферу трудовых отношений и социального обеспечения трудящихся – длительности рабочего дня,

условий работы женщин и детей, обязанностей предпринимателей при выплате заработной платы, урегулирования трудовых конфликтов и т.д. [1; с. 44]

Однако, говорить о масштабном социальном обеспечении, доступном для всего населения Российской империи здесь не приходится. Фабричное законодательство, являясь прогрессивным явлением в сфере регулирования трудовых отношений, имело ряд недостатков – слабый контроль за исполнением предписаний законов, ограниченность действия в пространстве и по кругу лиц, несовершенство законодательной техники.

В результате нарождавшиеся капиталистические отношения тесным образом переплетались с пережитками феодализма. Новая капиталистическая эпоха еще более остро поставила проблему выбора того или иного пути развития России, породила новые общественные силы, которые оказали решающее воздействие на ход и исход этой борьбы.

Пореформенный период показал способность самодержавия к самореформированию, приспособлению к изменявшимся условиям, но серия реформ, проведенная во второй половине XIX – начале XX вв., при всех их положительных результатах, не была завершена. Поэтому данный хронологический период можно и нужно определить не как социальное государство, а как период становления отдельных его элементов, константных признаков, как начальный этап формирования социального государства, вызванный объективными причинами – ростом забастовочного и стачечного движения, кардинальными изменениями в производственных процессах и отношениях, появлением организованных форм борьбы рабочего класса за улучшение условий труда. Социальное государство начинает появляться в качестве «альтернативы» революционных преобразований и потрясений. Правительство пыталось снять социальную напряженность в обществе путем принятия на себя обязанности по защите социальных прав трудящихся, регулированию трудовых отношений между работником и работодателем.

Список литературы

1. Валетов Т.Я. Фабричное законодательство в России до Октябрьской революции // Экономическая история. Обозрение. Вып. 13. М., 2007.
2. Добрынин Е.Ю. Конституционно-правовая характеристика Российской Федерации как социального государства: автореф. дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.02: защищена 16.02.2012 / Добрынин Егор Юрьевич. - Челябинск, 2011.
3. Жарова Л.Н., Мишина И.А. История Отечества. 1900-1940. СПб.: СММО Пресс, 1998.
4. Журавлев В.И. Конституционная политика в формировании социального государства: концепция и исторический опыт // Юридическая наука. 2014. № 2.
5. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» от 3 июня 1885 г. // ПСЗ РИ - III. Т. V. № 3013.
6. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» от 1 июня 1882 г. // ПСЗ РИ - III. Т. II. № 931.
7. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О преобразовании фабричной инспекции и должностей губернских механиков и о распространении действия правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» от 14 марта 1894 г. // ПСЗ РИ - III. Т. XIV. № 10420.
8. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» от 2 июня 1897 г. // ПСЗ РИ - III. Т. XVII. № 14231.
9. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста» от 07.08.1845 г. // ПСЗ РИ - II. Т. XX. № 19262.
10. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» от 24.05.1835 г. // ПСЗ РИ - II. Т. X. № 8157.
11. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. 1993. – № 237. – 25 декабря.
12. Миленский В.П. Политические процессы в России в сравнительном измерении. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1997.
13. Морозовская стачка. 1885-1935: сборник документов и воспоминаний. М.: Московский рабочий, 1935.
14. Полное собрание законов Российской империи. Том XXXII. №№ 23122, 37444, 37445-37447.

15. Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности от 2 июня 1903 г. // ПСЗ РИ - III. Т. XXIII. № 23060.
16. Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих от 3 июня 1886 г. // ПСЗ РИ - III. Т. VI. № 3769.
17. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М.: Наука, 1989.
18. Шапошников С.П. Социальное государство в России: историко-теоретический аспект // История государства и права. 2010. № 11.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВОВЫХ СТИМУЛОВ

Провалинский Д.И.

Красноярский государственный аграрный университет, Юридический институт, г. Красноярск

Выступая регулятором общественных отношений, право призвано оказывать влияние на поведение участников общественных отношений, корректировать его в соответствии с заданными целями посредством применения тех или иных методов правового воздействия.

Практика свидетельствует о том, что социальное управление осуществляется с помощью стимулов и ограничений, выраженных в правовых, моральных нормах, направленных на формирование компромиссов между различными интересами с тем, чтобы противоречивость не стала непреодолимым препятствием к поступательному движению общества [12].

Закономерностью современного периода развития отечественной системы права является повышение значимости стимулирующих методов правового воздействия, которые представляет собой комплекс мер, направленных на добровольное исполнение участниками общественных отношений своих обязанностей, формирование положительной мотивации поведения, согласование интересов личности, социальных групп, государства.

Объективная необходимость использования правового стимулирования заключается в том, что у государства и общества имеется потребность в активном социально-полезном поведении участников общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности.

Особенными свойствами правового стимулирования является то, что регулирование общественных отношений осуществляется путем побуждения субъекта этих отношений к определенному поведению посредством предоставления (обещания) ему дополнительных возможностей и благ.

Идеи правового стимулирования в теории права России связаны с особенностями отечественного правосознания и закрепившимися юридико-политическими традициями, поэтому эти идеи выражают вполне определенное философское, политическое, нравственное видение государственно-правовых явлений, институтов и учреждений и имеют большое мировоззренческое значение.

Одно из первых упоминаний о стимулировании, как способе воздействия на поведение индивида, встречается в русском политическом трактате «Слово о законе и Благодати», написанном в XI в. Митрополитом Киевским Илларионом. Суть его высказываний сводится к тому, что воздействие на человека милосердием является более действенным, нежели суровое наказание [24].

Милосердие здесь понимается как метод воздействия, выступающий антиподом наказанию.

Известный русский философ XVIII в. А.Н. Радищев выделял три группы правовых средств, при помощи которых «изданием законоположений государственная власть может направлять деятельность граждан – воспретительные, побуждающие и предупреждающие» [19], и в этом смысле к числу правостимулирующих средств в современном понимании он относил побуждающие средства воздействия.

Российский юрист и либеральный политик конца XIX в. начала XX в. Н.А. Гредескул полагал, что воздействие права на общественную жизнь осуществляется не только путем принуждения, применения наказания, но и путем обещаний выгод и наград [6], говоря современным языком, путем применения мер правостимулирующего воздействия.

На рубеже XIX – XX веков известный русский социолог и культуролог П.А. Сорокин, исследуя проблемы применения поощрения и наказания, высказывал мнение о том, что если уголовное право содержит учение о преступлении и о наказании, то наградное право должно состоять из учения о подвиге и учения о награде. В его

понимании награда есть «акт или совокупность актов, вызванных подвигом и представляющих реакцию на акты, квалифицируемые как акты услужливые» [25].

Иными словами, услуга, заслуга, ожидаемое правомерное поведение, влекущие за собой общественное и государственное одобрение в виде поощрений и наград (т.е. правовое стимулирование), в исследованиях ученого ставились в один ряд с такими мерами правового воздействия как принуждение и ограничение.

Философские воззрения этих и многих других российских ученых нашли отражение в законодательстве дореволюционной России [3,18,33] и в настоящее время представляют собой значительный интерес с точки зрения восстановления исторической преемственности политико-правовой мысли, нивелированной в советский период развития Российского государства.

Преемственность в развитии политико-правовой мысли можно определить как связь между этапами, состоящую в сохранении части элементов теорий. Она представляет собой форму овладения опытом совершенствования политико-правового регулирования, творческого его использования в новой исторической ситуации при изменившихся общественных обстоятельствах, необходимую для того, чтобы не потерять достигнутых результатов прошлого [17].

Изучение проблем правового стимулирования в истории политико-правовой мысли России на основе синтеза результатов философского, исторического, диалектико-материалистического, формально-юридического, социологического, политологического, этического и других подходов и методов научного познания имеет особое значение в определении исторической преемственности (передачи и усвоения социальных и культурных ценностей и традиций) как элемента национальной и культурной идентичности современного российского общества.

В этой связи, несмотря на культивируемое забвение современной наукой политико-правовой мысли советского периода, уместно вспомнить слова В.И. Ленина, который отмечал, что очень важно не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление прошло и с точки зрения этого его развития смотреть, чем оно стало теперь. В нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего [11 с.67].

Переход российской экономики от авторитарно-административных методов к внедрению и апробированию децентрализованной системы свободного предпринимательства потребовал не только глобального изменения законодательства, но и пересмотра позиций, касающихся форм и методов социального управления и правового воздействия на процессы общественного развития.

Следует обратить внимание и на факт того, что в условиях происходящих преобразований в числе мер правового воздействия усилилось влияние правостимулирующих средств. Фактически мы становимся свидетелями зарождения новых форм правовых стимулов, изменения содержания ранее существовавших, расширения диапазона их действия, наполнения их новым содержанием.

К примеру, в начале 90-х годов XX в. произошло закрепление такой формы правовых стимулов как гранты, которые первоначально предоставлялись международными и иностранными организациями в виде финансовой помощи, выделяемой на решение социальных проблем и благотворительные цели. Со временем данная форма правового стимулирования видоизменилась и стала активно применяться в качестве стимулирующих мер финансовой поддержки науки, культуры, образования, физической культуры и спорта, охраны здоровья, окружающей среды, инновационной деятельности и др.

В 2009 г. в России начата реализация новой формы правовых стимулов – государственные и муниципальные преференции, смысл которых в создании режима благоприятствования, направленного на стимулирование хозяйствующих субъектов к осуществлению тех вариантов развития их деятельности, которые удовлетворяют государственным целям и общественным потребностям.

В это же время при общей тенденции расширения сферы применения льгот стимулирующего характера, видоизменилось содержание налоговых льгот, которые в настоящее время выступают одним из наиболее действенных стимулов в решении экономических задач, расширении инвестиционной и развитии инновационной деятельности.

Социальная практика свидетельствует о том, что в этот период более широко стали применяться такие меры одобрения правомерной и социально активной деятельности как награды и поощрения, последние из них уже не ограничиваются сферой трудового законодательства [28].

Наградная система современной России насчитывает 16 орденов, 3 знака отличия («Георгиевский крест», «За благодеяние», «За безупречную службу») 16 медалей, 62 почетных звания. Государственные награды являются высшей формой поощрения граждан за выдающиеся заслуги в защите Отечества, государственным

строительстве, экономике, науке, культуре, искусстве, воспитании, просвещении, охране здоровья, жизни и прав граждан, благотворительной деятельности и иные выдающиеся заслуги перед государством.

В целях решения в стране демографической проблемы была введена форма материальной поддержки семей, которая приобрела название «материнский (семейный) капитал» [29].

За период, начиная с января 2007 года, цифры, характеризующие рождаемость, количество тех, кто получил государственный сертификат (4,5 млн. семей) и тех, кто обратился с заявлением о распоряжении средствами (2 млн. семей) свидетельствуют о том, что эта мера государственной поддержки весьма востребована. В настоящее время на законодательном уровне обсуждается вопрос о продлении срока действия ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» еще на 10 лет – до конца 2025 года, высказываются предложения сделать эту меру государственной поддержки семьи бессрочной [14].

В системе механизмов управления обществом, правовое стимулирование будет являться одним из центральных звеньев, поскольку «постоянно направляя мышление и поведение людей в определенное русло, стимулируя появление одних мотивов и сдерживая другие, разумная политика права способна цивилизовать общество и сделать его более нравственным» [15 с.224].

Особенность механизма действия правовых стимулов заключается в том, он «проявляется в виде процесса воздействия данного правового средства на волю, сознание и интересы индивида, работает через внутренний мир человека, представляя собой последовательность взаимосвязанных действий: потребность – интерес – мотив – деятельность человека под воздействием стимулирующих правовых средств» [23 с.297-303].

Исторический опыт подтверждает, что каждому этапу развития общества и государства соответствует своя система правовых стимулов, обусловленная материальными и социально – культурными условиями жизни. «Изменения материальных и социально-культурных условий жизнедеятельности общества приводят к модификации института правового стимулирования. Данный процесс может выражаться в появлении новых видов стимулов, исчезновении устаревших, наполнении их новым содержанием, отражающим специфику государственной и общественной жизни» [16 с.37-39].

Нам представляется, что, определяющим критерием в данном вопросе служило и продолжает служить отношение государства к личности, признанию ее индивидуальности, независимости, ее прав.

Данное утверждение тесно связано с теорией права. Подтверждением этому является исторический опыт развития человеческого общества.

Так, в эпоху абсолютизма в странах Европы, терзаемых мятежами и разбоями, не было и речи о признании прав личности и сущность права видели в уголовном наказании, подразумевая, что каждый разумный человек уступает свои права монарху, чтобы получить защиту. При этом уголовному наказанию подлежало и «неморальное» (аморальное) поведение – распущенность, чревоугодие, пьянство [13 с.343].

Правовая и политическая мысль эпохи Просвещения (конец XVII в. – середина XVIII в.) исходила из осознания того факта, что моральная, запретительная, сословная «законность» на самом деле не уменьшала, а увеличивала количество преступлений, а главное сковывала инициативу людей жесткими традиционными формами. Исходя из постулата о том, что беспощадное наказание не уменьшает преступлений, просветители отстаивали лозунг, согласно которому лучше десятки ненаказанных злодеяний, чем наказание хотя бы одного невинного [13 с.344].

Переворот в запретительном понимании права происходит во второй половине XVIII в. с появлением так называемой либеральной концепции права, которая возникла в рамках просветительской философии и связана с именами Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Ч. Беккариа и др. Смысл её заключается в том, что в праве первичны не запреты и репрессии, не ограничения поведения человека, а наоборот, его права и свободы [30]. Французский философ XX в. М.П. Фуко назвал этот переворот отказом от «права на смерть» в пользу «права на жизнь», когда власть не запрещает, а напротив рекомендует и советует [31].

Мы полагаем, что эти шаги и следует считать началом воплощения в социальную практику правостимулирующих средств.

Следует отметить, что в мировой политико-правовой мысли одним из первых на положительное влияние правостимулирующих средств обратил английский социолог, юрист, основатель одного из направлений английской философии XIX в. – утилитаризма И. Бентам. В своем трактате «Теория наказаний и наград» он писал, что при разработке законов нужно исходить из следующих двух принципов. Первый - принцип наибольшего счастья – является нормативным ориентиром при принятии решений. Вторым принципом психологического гедонизма (от греч.hedonh – наслаждение) – является позитивным представлением о том, как ведут себя люди (следуют своим эгоистическим целям). Закон должен, таким образом, назначать наказания и награды, чтобы учитывать второй принцип поведения людей, заставлять их поступать в соответствии с первым принципом [1].

Идеи И. Бентама впоследствии были поддержаны французскими учеными. Так, Р. Грассери полагал необходимым как поощрять героизм (добродетель), так и наказывать за преступление [2 с.29-31].

Итальянский философ, историк, политолог, представитель течения либерального социализма XX в. Н. Боббио считал, что наиболее важной новацией в системе юридического контроля является не столько увеличение удельного веса «команд» или «позитивных норм», сколько все большее распространение стимулов к выполнению «команд» [4 с.131].

Следует отметить, что и сегодня вопросы, касающиеся изучения взаимоотношения государства, права в части развития института правового стимулирования продолжают оставаться в числе наиболее сложных и недостаточно разработанных.

В подтверждение этого отметим, что ни один из иных известных способов правового воздействия не направлен на интересы и формирование компромиссов между различными интересами (государства и субъектов экономической и хозяйственной деятельности, государства и социальных групп, государства и личности и т.д.) с тем, чтобы существующие противоречия не стали непреодолимыми препятствиями к реализации государственной политики, поступательному движению общества.

В силу исторических особенностей общественно-политического развития Российскому государству всегда принадлежала особая ведущая роль.

Так, до недавнего времени в отношении участников общественных отношений (граждан и хозяйствующих субъектов) в основном применялись меры воздействия, основанные на принуждении, запретах, обязанностях, наказаниях, базирующиеся на принципе «дозволено только то, что разрешено».

Традиционным для достаточно длительного периода являлось поощрение поведения, выгодного в основном для государства и лишь в отдельных случаях – для личности и общества [26 с.11-14].

Так называемый командный тип социального управления преобладал, начиная со времен становления государственности на Руси, метод «кнута» в прямом и переносном значении считался более действенным средством для достижения поставленных целей, нежели метод «пряника».

Так Петр I, обращаясь к чиновникам, грозил: «кто прожекты станет абы как ляпать, того чина лишу и кнутом драть велю» [9].

Само по себе выражение «кнут и пряник» в России начало употребляться на рубеже XIX - XX вв. первоначально в форме «плеть и пряник» (от немецкого «peitsche und zuckerbrot») [5].

Стимулирование рассматривалось как вспомогательное средство правового воздействия и в последующие этапы развития российского государства.

В период административно-командного управления (так называемый советский период) был накоплен значительный опыт правового стимулирования (расширилось влияние на мотивацию человека морально-правовых стимулов; ориентация системы стимулирования на производителя; контроль за применением правовых стимулов).

В то же время имели место и недостатки, требующие серьезных корректив, такие как:

1) «Остаточный» принцип использования правовых стимулов при явном приоритете правовых ограничений в законодательстве.

2) Практически было сведено к нулю такое мощное стимулирующее средство, как право частной собственности.

3) Уравнительно-унифицированная система правового стимулирования формировала соответствующую систему интересов граждан. Не поощрялась инициатива, дифференциация запросов отдельных слоев, лиц и т.д.

4) Жестко централизованный характер осуществления правового стимулирования, не допускавший «местной самодеятельности».

5) Ориентация правового стимулирования в производственной сфере на принцип планирования «от достигнутого». Как реакция на это, повсеместно утверждалась практика на получение возможно более низких планов, сокрытие резервов и т.д. [12 с.212-213]

Однако с переходом к рыночным отношениям стала меняться роль права, характер и методы его воздействия на общественные отношения, на поведение субъектов.

В настоящее время ученые юристы считают, что наряду с традиционными ограничивающими средствами право призвано более широко использовать мотивационно-стимулирующие механизмы, которые должны закладываться в соответствующие юридические нормы уже на законодательном уровне и затем эффективно срабатывать в процессе правореализации [12 с.198].

Мы склонны утверждать, что в современной российской действительности уже трудно назвать такой вид правомерной деятельности, который бы не нуждался в правовом стимулировании.

Исторический опыт подтверждает, что при принципиальном изменении власти, как правило, принципиально менялась и система стимулирующих средств, которая использовалась этой властью в арсенале мер правового воздействия.

Одним из подтверждений этому может служить наградное право России.

Становление и развитие наградной системы в СССР основывалось на отказе от наград Российской империи и отрицании предшествующего опыта использования данного правового института.

Так, первый из учрежденных в Российской империи орденов – императорский орден Святого апостола Андрея Первозванного, учрежденный в 1699 г. Петром I, как знак отличия для лиц, имевших чин не ниже генерал-лейтенанта либо тайного советника, т.е. третьего класса по «Табели о рангах» являлся высшей наградой Российской империи до 1917 г. [10]

Уже 15 декабря 1917 г. декретом Совета народных комиссаров «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» были отменены все существовавшие в Российской империи военные чины и преимущества, связанные с прежними чинами и званиями, равно как и все наружные отличия, было отменено также употребление частных титулов с обращением «господин», упразднены все ордена [7].

И только Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 01.07.1998 № 757 орден Святого апостола Андрея Первозванного был восстановлен как высшая награда России [27].

Следует отметить, что зарождение и эволюция стимулирующих мер воздействия, качественное изменение их содержания и форм всегда были производны и зависимы от состояния базисных отношений. Объем правовых стимулов как и масштаб принуждения обусловлен в своей основе сущностью государства и права.

Соответственно социально-экономическому и политическому развитию общества появляются и совершенствуются новые формы стимулов. Мы считаем, что данный процесс необратим, поскольку «более высокий уровень цивилизованности общества предполагает, что более широкие сферы социальной жизни будут охвачены поощрительными (стимулирующими) средствами» [26 с. 11-14].

Однако независимо от происходящих изменений в социуме: смены общественно-экономических формаций, расцвета и упадка государств неизменной остается человеческая природа, та субстанция мыслей и чувств, к которой на протяжении всей истории существования человечества апеллировали меры стимулирования, закрепленные в нормах права.

По-прежнему остается актуальным дошедшее до наших дней учение одной из брахманских школ в Древней Индии (период между II в. до н.э. и II в. н.э.), положенное в основу законов Ману: «действовать исключительно из-за желания наград не похвально, но независимости от такого желания нельзя найти в этом мире: на (этом) желании основано изучение Вед и исполнение действий, предписанных Ведой. Здесь (на земле) нет ни одного дела, которое было бы совершено человеком, свободным от желания награды; все, что ни делает (человек), есть следствие желания награды» [32 с.27].

Еще философы Древней Греции Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Полибий, выдвигая идеи о естественно правовой природе государства и права, в то же время говорили о необходимости придания большего значения в управлении делами государства законам, нежели обычаям. В основу развития государства ими внедрялись идеи развития частной собственности, поскольку институт общей (коллективной) собственности уже в то время не давал стимулов к работе и развивал лень (Аристотель).

Целью государства и его правителей является достижение справедливости. Справедливость, будучи единой для всех должна быть воплощена в хороших законах (Сократ). Древнегреческие философы считали, что закон определялся как предписание для толпы, помогающее сдерживать зависть и злобу людей (Демокрит); представители государственных органов и граждане обязаны выполнять четкие и жесткие законы, установленные в данном обществе (Платон) [34 с.30-38].

В основе воззрений философов Древнего Рима Цицерона, Сенеки, Марка Авелия, Эпиктета, древнеримских юристов Гая, Павла, Улипиана лежит постулат о том, что право основано на справедливости, которая присуща природе. Соответствие человеческих законов природным является мерой их правильности [34 с.39-44].

Таким образом, уже в древности политико-правовые воззрения философов исходили из понимания государства и права в части развития механизмов правового стимулирования. Эти явления тесно связаны глубоким внутренним единством и многообразием сложных взаимодействий.

Научные исследования свидетельствуют о том, что в Российском государстве применение правового стимулирования как средства воздействия на поведение индивида также имеет многовековую историю [8,20,21,32].

Юридический памятник феодальной Руси «Русская правда» (Пространная редакция) наряду с нормами о наказании содержал и меры поощрения, а также нормы, которые являлись побудительной причиной (стимулом)

для совершения определенного рода действий, поступков (должного поведения). Так, в комментарии статьи 113 указывалось, что за удержание беглого холопа и извещение господина о его поимке, задержавшему полагается вознаграждение от этого господина [21 с.124].

В «Судебнике» Ивана IV (1497 г.) упоминался такой стимул, как предоставление личной свободы [20 с.88].

В Соборном Уложении 1649 г. содержались нормы, направленные на стимулирование усилий помещиков по розыску бесхозных земель, которые содержали обещание передать заявителю в качестве поощрения такие земельные угодья [20,21].

Во второй половине XVII в. в качестве меры поощрения за «ратную службу и полонное терпение» (лишения, связанные с пленом) применялось освобождение от холопства и крестьянства, наделение небольшими поместьями [21 с.124].

В XVIII в. наряду с термином «пожалование» стал появляться термин «награда», в этот же период времени впервые появляются государственные награды и ордена.

В 1882г. с принятием Свода учреждения государственных наград в России было систематизировано законодательство о наградах. При этом наряду с государственными наградами широко применялись меры поощрения, не закрепленные в законодательстве, такие как денежные выдачи, пожалование оружием, драгоценностями, шубами и т.д. [22 с.77]

Одними из самых масштабных и значимых средств правового стимулирования в дореволюционной России явились меры, принятые в рамках проведения Столыпинской аграрной реформы 1906г., представлявшей собой комплекс мероприятий, направленных на две цели: 1) разрешение «аграрного вопроса» как источника массового недовольства; 2) устойчивое развитие сельского хозяйства.

Мероприятия, проводимые в рамках реформы, были направлены на повышение качества права собственности крестьян на землю, состоявшее в замене коллективной и ограниченной собственности на землю сельских обществ полноценной частной собственностью отдельных крестьян-домохозяев; искоренение устаревших сословных гражданско-правовых ограничений, препятствовавших эффективной хозяйственной деятельности крестьян; поощрение покупки частновладельческих (прежде всего помещичьих) земель крестьянами, через разного рода операции Крестьянского поземельного банка (преобладающее значение имело льготное кредитование); поощрение наращивания оборотных средств крестьянских хозяйств через кредитование во всех формах (банковское кредитование под залог земель, ссуды членам кооперативов и товариществ): поддержка кооперативов и товариществ крестьян.

В советский период правовое стимулирование являлось отражением командно-административных методов управления государством и обществом.

Правовые средства не допускали (либо допускали в ничтожно малых пределах) самоопределение субъектов. Определяя правила поведения, государство закрепляло в них преимущественно свою волю, лишая субъектов заинтересованности в достижении предусмотренных нормами права результатов. При отсутствии заинтересованности в добровольной реализации правовых норм государство приводило их в жизнь принудительно [26 с.11-14].

В более поздний период советского государства правостимулирующие средства были закреплены в основном в нормах трудового права и были направлены на повышение производительности труда, качества выпускаемой продукции, укрепления дисциплины труда.

В 90-х годах XX в. продолжилось развитие института правового стимулирования в его современном понимании.

Исследование генезиса института правового стимулирования показывает, что он эволюционировал от простых форм к более сложным. Первоначально стимулы распространялись лишь на небольшой круг общественных отношений. С изменением жизнедеятельности общества и характера социальных связей, с происходящими в государстве изменениями изменялись и подходы к применению правостимулирующих средств. За более чем тысячелетний период своего развития правовые стимулы в российском законодательстве из неупорядоченных и отдельных элементов правового регулирования достигли уровня разветвленной системы, межотраслевого правового института.

Основанием для такого вывода является то обстоятельство, что нормы-стимулы, регулируя взаимосвязанные общественные отношения, присутствуют в составе всех без исключения отраслей права (публичного и частного, материального и процессуального), имея при этом свое собственное содержание и «наполнение».

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что изучение опыта применения правовых стимулов, накопленного в различные периоды развития государственности, является одним из значимых этапов в исследовании сущности и верном понимании данного многогранного феномена.

Список литературы

1. Bentam I. *Qeuvres Theorie des neines et des recompnes. Traite des preuves indiciaires.* –Bruxelles: Nauman, 1829. – С. 129–265.
2. De-la-Grasserie. *Desprincipes sociogigues de la Griminologie.* – Paris, 1901. – С. 29–31.
3. Бердяев Н.А. *Новое религиозное сознание и общественность.* Издание М.В. Пирожкова, С-Пб 1907 г.
4. Боббио Н. *От структуры к функции. Новые исследования в теории права.* Милан, 1977. Цит. По: *Право XX века: идеи и ценности.* М., 2001.-С.131.
5. *Большой словарь цитат и крылатых выражений // Константин Душенко «Эксмо», «ИНИОН РАН», 2011 г.*
6. Гредескул Н.А. *К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права.* – Харьков: ХГУ, 1901.
7. *Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.* М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957.
8. Исаев И.А., Золотухин И.М. *История политических и правовых учений России XI-XX вв.* – М.: АСТ, 1995.
9. Князьков С. *Очерки из истории Петра Великого и его времени* – Пушкино: Культура,1990. Репринтное воспроизведение издания 1914 г.
10. Костина Н.Б., Ручкин А.В. *Государственные награды как фактор социальной стратификации и мобильности // Научный вестник Уральской академии государственной службы : политология, экономика, социология, право. 2011. № 2(15).*
11. Ленин В.И. *Полное собрание сочинений.* Т. 39. – М., 1965-1975. – С. 67.
12. Малько А.В. *Стимулы и ограничения в праве.* – 2-е изд., перераб. и доп.- М.: Юристъ, 2004. – 250 с.
13. Марков Б.В. *Философия: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения* – СПб.: Питер, 2012. – С.343.
14. Маслова Т.А. *Материнский капитал: как получить и распорядиться // выпуск 7, 2-е издание, переработанное и дополненное «Библиотека «Российской газеты»», 2014 г.*
15. Медушевский А.Н. *История русской социологии. Учебное пособие для вузов.* - М., 1993. – С. 224.
16. Мирошник С.В. *Теория правового стимулирования: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. / С. В. Мирошник. - Ростов-на-Дону,2003. -40 с.-Библиогр.: с. 37 - 39.*
17. Навальный С.В., Романенко Е.А. *Преемственность в развитии политико-правовой мысли // Философия права. - 2009. - № 5. - С. 82 – 87.*
18. Новгородцев П.И. *Об общественном идеале.* М., 1911.
19. Радищев А.Н. *О законоположении.* В кн.: *Избранные философские произведения.* – М.: Политиздат, 1949.
20. *Российское законодательство X–XX веков. Акты Земского Собора.* – Т. 3. – М., 1985. – С. 88.
21. *Российское законодательство X–XX веков. Законодательство Древней Руси.* – Т. 1. – М., 1984. – С. 124.
22. *Свод учреждения государственных наград.* – Т. 1. – СПб., 1882. – С. 77.
23. Семенова И.Ю. *Теоретические основы конкретизации механизма действия правовых стимулов и правовых ограничений в российском семейном праве // Вестник ЧГУ . 2014. №1. С.297-303.*
24. *Слово о Законе и Благодати / Предисл. Митрополита Иоанна (Снычева) / Сост., вступ. ст., пер.В.Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской. Коммент.В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 176 с.*
25. Сорокин П.А. *Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали.* – СПб., 1914.
26. Строкин А.А. *Правовое поощрение в истории юридической науки и практики // Вестник Омского университета. Серия «Право». - Омск: Изд-во ОмГУ, 2008, № 4 (17). - С. 11-14.*
27. *Указ Президента РФ от 01.07.1998 N 757 (ред. от 07.09.2010) «О восстановлении ордена Святого апостола Андрея Первозванного» (01 июля 1998 г.) // «Собрание законодательства РФ», N 27, 06.07.1998, ст. 3151.*
28. *Указ Президента РФ от 07.09.2010 N 1099 (ред. от 30.04.2015) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 13.09.2010, N 37, ст. 4643.*
29. *Федеральный Закон от 26.12.2006 № 256–ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // «Собрание законодательства РФ», 01.01.2007, N 1 (1 ч.), ст. 19.*
30. *Философия: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Н. Лавриненко, проф. В.П. Ратникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 584 с.*
31. Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет Пер. с фр., сост., комм. и послесл. С.Табачниковой.* М. Касталь 1996 г. 448 с.
32. *Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т.1. /Под редакцией К.И.Батыра и Е.В.Поликарповой. – М.: Юристъ, 2000. С.27.*

33. Чечерин Б.Н. Философия права. М., 1900 С. 53-56.

34. Шарапова Т.А. История правовых и политических учений: Конспект лекций. // М.: «Приор-издат», 2007. – С. 30-38.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ, РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Аристов Е.В.

Западно-Уральский институт экономики и права, г.Пермь

В развитых демократических странах обеспечение социальности государства является важнейшим результатом длительного процесса, начавшегося в восемнадцатом веке с установлением законных гражданских прав, продолжившегося в девятнадцатом веке с появлением политических прав и достигшего апогея в двадцатом веке с консолидацией того, что называют социальным гражданством. Тем не менее, говорить о том, что государство благосостояния обязательно возникло постепенно как естественное или автоматическое последствие экономического и политического развития, было бы не совсем корректным¹.

На самом деле, предпосылки формирования большинства современных государств благосостояния вряд ли можно определить без учета роли сторонников реформ среди политических деятелей, которые либо таким образом отвечали на требования рабочего класса, либо действовали заблаговременно для предотвращения волнений среди трудящегося населения. В качестве наиболее выдающегося примера можно привести Германию, где в 1880-х годах канцлер Отто фон Бисмарк, фактически являющийся создателем первого современного государства благосостояния, при введении финансируемого государством социального страхования следовал ряду политических мотивов².

После Второй мировой войны реализация концепции государства благосостояния и сопутствующих социальных программ, направленных на обеспечение гарантированного уровня доходов, была присуща послевоенному капитализму³.

Британский социолог Томас Хэмфри Маршалл в 1946 году представил свою интерпретацию государства благосостояния как кульминации усилий по искоренению классового неравенства в индустриальном капитализме с восемнадцатого века. В интерпретации Маршалла движение от «гражданского» к «политическому» и, в конце концов, «социальному» гражданству было отличительной чертой политической модернизации, которая изменила природу рыночного неравенства в западных демократиях.⁴

Эволюционный сценарий, изложенный в трудах Маршалла, породил разнообразные реакции, в том числе, в научном сообществе. Так, указанная точка зрения получила поддержку Уильяма Бевериджа, считающегося создателем концепции государства благосостояния, однако была осуждена либертарианцами, которые сочли, что такая концепция является несовместимой с индивидуализмом и функционированием свободных рынков. В рамках социал-демократической традиции создание современных государств благосостояния рассматривалось как предоставляющее возможность способствовать эгалитарному взгляду на общество, несмотря на то, что он не может быть универсальным⁵.

Многие марксисты и «левые» политические теоретики, как правило, рассматривали капитализм благосостояния как несостоятельный перед лицом классовых неравенств в капитализме двадцатого века⁶.

К 1980-м годам, тем не менее, капитализм благосостояния стал эгалитарной альтернативой свободному рыночному капитализму ввиду правовых и экономических недостатков реализации социализма и возраставших финансовых возможностей государств Западной Европы⁷.

¹ Segura-Ubierno A. Political Economy of the Welfare State in Latin America: Globalization, Democracy and Development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – xix; 320 p. – P. 6.

² Segura-Ubierno A. Political Economy of the Welfare State in Latin America: Globalization, Democracy and Development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – xix; 320 p. – P. 6.

³ Segura-Ubierno A. Political Economy of the Welfare State in Latin America: Globalization, Democracy and Development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – xix; 320 p. – P. 6.

⁴ Brooks C., Manza J. Why Welfare States Persist: The Importance of Public Opinion in Democracies. – Chicago: The University of Chicago Press, 2007. – xii; 195 p. – P. 1–2.

⁵ Brooks C., Manza J. Why Welfare States Persist: The Importance of Public Opinion in Democracies. – Chicago: The University of Chicago Press, 2007. – xii; 195 p. – P. 2.

⁶ Brooks C., Manza J. Why Welfare States Persist: The Importance of Public Opinion in Democracies. – Chicago: The University of Chicago Press, 2007. – xii; 195 p. – P. 2.

Кроме того, в «левом» политическом крыле набиравшее популярность политическое движение сторонников свободного рынка, как на национальных уровнях, так и на мировых экономических форумах, содействовало развитию значительно более благосклонных взглядов на капитализм благосостояния⁸.

Некоторые из первых теоретических концепций природы и основных особенностей «государства благосостояния» также принадлежали английскому историку Эйзе Бриггсу. По мнению указанного исследователя, государство может считаться государством благосостояния, если оно осуществляет три следующих вида деятельности:

1) такое государство предоставляет индивидам и семьям необходимые гарантии доходов с целью предотвращения бедности;

2) такое государство устраняет или в значительной мере смягчает социальные риски, связанные с болезнями, достижением пожилого возраста и безработицей;

3) такое государство предоставляет всем гражданам доступ к определенному спектру социальных услуг⁹.

По мнению Фрэнсиса Касла, в современных государствах благосостояния первые и вторые задачи были решены с помощью социального обеспечения, в рамках которого предоставляется помощь бедным и обеспечивается поддержание доходов тех, кто попадает под широкий спектр социальных рисков. Решение третьей задачи было достигнуто с помощью учреждения и эксплуатации высококачественных систем здравоохранения и образования, права на услуги которых все чаще рассматривались в качестве социальных прав гражданина¹⁰.

Тем не менее, указанные критерии к современным социальным государствам должны применяться с определенной степенью осторожности, поскольку при строгом их применении лишь небольшое количество государств благосостояния сможет действительно считаться таковыми¹¹.

Список литературы

1. Brooks C., Manza J. Why Welfare States Persist: The Importance of Public Opinion in Democracies. – Chicago: The University of Chicago Press, 2007.
2. Castles F. Comparative Public Policy. – Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, Inc., 1998.
3. Segura-Ubierno A. Political Economy of the Welfare State in Latin America: Globalization, Democracy and Development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЫЧНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ ОКЕАНИИ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОДЫ

Рядчин А.А.

Волгоградский Государственный Университет

Океания – один из тех уникальных регионов мира, где длительное время многочисленные местные микронезийские, меланезийские и полинезийские племена существовали, никак не контактируя с другими людьми. Это на определенном этапе развития позволило народам создать свои обособленные, устойчивые традиции, которые довольно интересны для изучения и значимы для формирования определенной системы мнений и взглядов на разные сферы жизни данного общества. К той же категории относятся и аборигены Австралии, где на протяжении долгого времени формировалась своя самобытная культура. Так, на протяжении многих веков все представители этих народов пользовались в повседневной жизни обычаями и традициями, которые формировались и передавались из поколения в поколение. [5. Р. 96]. Но с появлением европейских колонизаторов в 16 веке жизнь вышеназванных народов стала меняться. Европейцы принялись за христианизацию и радикальное искоренение существовавших обычаев жителей тихоокеанских островов.

⁷ Brooks C., Manza J. Why Welfare States Persist: The Importance of Public Opinion in Democracies. – Chicago: The University of Chicago Press, 2007. – xii; 195 p. – P. 2.

⁸ Brooks C., Manza J. Why Welfare States Persist: The Importance of Public Opinion in Democracies. – Chicago: The University of Chicago Press, 2007. – xii; 195 p. – P. 2.

⁹ Segura-Ubierno A. Political Economy of the Welfare State in Latin America: Globalization, Democracy and Development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – xix; 320 p. – P. 7.

¹⁰ Castles F. Comparative Public Policy. – Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, Inc., 1998. – P. 146.

¹¹ Segura-Ubierno A. Political Economy of the Welfare State in Latin America: Globalization, Democracy and Development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – xix; 320 p. – P. 7.

Представители Франции, Британской империи, а после США и Германии внедряли свое писаное право, а незадолго до них такие попытки предпринимали и испанцы, голландцы, португальцы. При этом немаловажным является то, что часть народов Океании вступила в открытую конфронтацию с колонизаторами, противясь их влиянию и пытаясь сохранить свои самобытные ростки права.

Но колонисты не смогли смириться со многими традициями туземцев, особенно с теми, которые регулировали брачно-семейные отношения. При этом особое внимание стоит уделить той детали, что семьи в Океании нельзя рассматривать отдельно, в отрыве от общины, так как они, как и многие другие народы, находящиеся на данном этапе развития, зависели от своих соплеменников. Перед ними стояли такие задачи, которые были неразрешимы силами одной семьи. Да и само понятие семьи у народов Океании не было таким, как у европейцев, в понимании которых семья – это социальная группа, состоящая из родителей и детей. Народы же Океании воспринимали семью преимущественно шире, семья для них – это община, и совсем необязательно, чтобы представители одной семьи жили под общей крышей, или даже в одном поселении [6].

Как и у других древних народов, стоящих на начальной ступени своего развития, у аборигенов Океании были и довольно жестокие, кровопролитные и дикие обычаи, не принимаемые колонизаторами тогда, и совсем непонятные, непринятые в наше время. Так, многие народы Океании придерживались полигинии, у других считалось нормальным явлением убийство и каннибализм по отношению к предателям. У некоторых же народов браки носили заранее подготовленный характер. Так, одним из многочисленных примеров таких браков, согласно обычаям австралийских аборигенов, считался брак юноши, будущую супругу которому подбирали старшие родственники мужского пола [1. С. 55- 56]. В период колонизации некоторые из таких обычаев были отменены, но при этом большинство все же продолжало применяться в правовом регулировании. Часть из них впитали христианские элементы и западные традиции, впоследствии видоизменяясь и приобретая качественно новые формы.

Деколонизация в Океании началась в 60-х годах XX века. Первым независимым государством становится Самоа, далее последуют и другие территории. Последствия данного процесса можно наблюдать и в настоящее время. Но с деколонизацией пришли и новые проблемы, вставшие перед правительством молодых государств. Одной из них было стремление вернуть традиционный уклад с приобретением и сохранением независимости, но присутствовало и большое количество западных ценностей, не говоря уже о христианстве, которое основательно пустило корни в данном регионе. Острейшей проблемой для независимых государств становился вопрос о способе реформирования правовой системы государства так, чтобы в ней гармонично работали как «родные», издревле сложившиеся правовые обычаи, так и «новые» законы, которые были привнесены западными колонизаторами, многие из которых в той или иной форме действуют и в наши дни. Ярким примером таких стран служат Фиджи, Кирибати, Соломоновы Острова, которые имеют идентичное законодательство, выработанное специалистами Великобритании. Таким же образом поступило государство Вануату, управляемое британцами и французами до обретения независимости, которое наняло в качестве судей юристов Великобритании и ее бывших колоний. [3. РР. 11,40].

Многие исследователи отмечают, что регулирование семьи в законодательстве народов Океании занимает немалую его часть. Так, по мнению П.И. Джалал, государства Океании незамедлительно определили обычно-правовые нормы в качестве важного элемента своих правовых систем, едва обретя независимость. Многие государства поступили так, юридически признав обычное право в своих конституциях и законодательных актах. Однако, что понималось под обычным правом - устные ли традиции, присущие государствам на время получения независимости, или сложная комбинация древних обычаев, заимствованных религиозных норм и колониального права - неизвестно. [3.Р. 46]. Таким образом, мы видим часто встречающийся в истории феномен перехода к правовому плюрализму, который подразумевает взаимодействие нескольких правовых систем в рамках единой. Прямое воздействие это оказало и на регулирование семейно-брачных отношений, что позволило сохранить самобытность народов Океании. Эту мысль справедливо высказывает и К. Браун, отмечая, что обычное право оказало наиболее существенное влияние именно на семейное право. [2.Р.14].

Но даже после многочисленных вековых попыток искоренения старых обычаев, общее положение в сфере брачно-семейных отношений до сих пор носит противоречивый характер. Так, в большинстве стран Океании мужчины находятся в более привилегированном положении, чем женщины. В государствах Тонга и Тувалу женщины ограничены в правах на усыновление детей. Но все же конституции подавляющего количества стран Океании запрещают многие социально негативные обычаи, которые являются отпечатком уклада, сформированного на протяжении веков в традиционном обществе. Даже в такой развитой демократической стране, как Новая Зеландия, до сих пор существует проблема насилия в семье. Например, в среде маори, по статистике, примерно 43 процента всех женщин хотя бы раз в жизни подвергались насилию в семье [4]. Приведенные цифры шокируют, так как в Новой Зеландии очень низок общий уровень преступности и действуют

законодательные акты Domestic Violence Act 1995 года и Guardianship Act 1968 года, которые направлены прежде всего на устранение насилия внутри семьи. Это еще раз показывает, насколько сильны и глубоки обычаи народов Океании, существовавшие до колонизации.

Все вышеперечисленное доказывает, насколько сложно сосуществуют обычное право и привнесенные западные правовые системы. Часто у нас есть возможность наблюдать их открытое противостояние, что снова показывает силу традиций, передаваемых из поколения в поколение. Но стоит отметить, что именно благодаря такому взаимодействию постепенно удастся найти решение многих проблем, в частности, в области брачно-семейных отношений. Ведь основная цель данного симбиоза – сохранение самобытных традиций народов Океании, их социальной и правовой культуры, сонаправленных с общим вектором современного мира – уважением прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине. – М.: Наука, 1987.
2. Brown K. Reconciling Customary Law and Received Law in Melanesia: The Post-Independence Experience in Solomon Islands and Vanuatu. – Darwin NT: Charles Darwin University Press, 2005.
3. Jalal P.I. Law for Pacific Women: A legal rights handbook. – Suva, Fiji: Fiji Women's Rights Movement, 1998.
4. Recent Family Violence Statistics– [Электронный ресурс] – Режим доступа – http://www.areyouok.org.nz/files/statistics/ItsnotOK_recent_family_violence_stats.pdf, свободный
5. Zorn J.G. Custom the changing then and now: Melanesian family in A. Jowitt., Tess Newton Cain Passage of Change: Law, Society and Governance in the Pacific. – Canberra: ANU E Press, 2011.
6. Grattan F. J. H. An Introduction to Samoan Custom. – Papakura, New Zealand: R. McMillan – Publisher, 1948. [Электронный ресурс] – Режим доступа – <http://nzetc.victoria.ac.nz/tm/scholarly/tei-GraIntr-c2.html>, свободный

ОБ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ

Алфимцев В.Н.

ГУ МВД России по Московской области, г.Москва

Учитывая современное состояние межнациональных отношений, отличающееся крайней неустойчивостью и склонностью к эскалации противоречий, представляется, что дискурс о межнациональных проблемах требует, выражаясь словами П. Татариновой, «продуманной государственной политики очищения слов, так как российское общество при высокой образованности населения сильно идеологизировано, ибо имеет непропорционально большую и крайне претенциозную культурную элиту («инженеры человеческих душ»), которая довольно успешно узурпирует массовое сознание в пользу своих субъективных представлений» [6].

«Подвергнуть понятийный аппарат критическому анализу и оставить лишь необходимое для государственной национальной политики» - интересная идея. Однако с чего начать ее реализацию? Что лежит у истоков современной национальной политики, как политики по обеспечению межнационального мира и всестороннего развития наций? Ответ однозначен – это национальный вопрос, как явление, и соответственно, как понятие. Ведь именно с правового (Декларация прав народов России 1917 г.) и окончательного конституционно-правового решения (Конституция СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г.) государственная национальная политика берет свое полноценное начало.

Однако прежде чем ставить вопрос об актуальности данного понятия, в первую очередь следует рассмотреть национальный вопрос во всей полноте своего феномена, для чего необходимо подвергнуть анализу условия его возникновения, а также его отражение в общественно-политической мысли периода с момента начала осмысления и до его окончательной постановки. Истории национального вопроса, абстрагируясь от вопроса об его актуальности, посвящена данная статья.

Как отмечал В.И. Ленин крупная машинная индустрия необходимо создает подвижность населения; торговые сношения между отдельными районами громадно расширяются; железные дороги облегчают передвижение. Спрос на рабочих возрастает в общем и целом, то поднимаясь в эпохи горячки, то падая в эпохи кризисов, так что переход рабочих с одного заведения на другое, из одного конца страны в другой становится необходимостью. Крупная машинная индустрия создает ряд новых индустриальных центров, которые с невиданной раньше быстротой возникают иногда в незаселенных местностях, - явление, которое было бы

невозможно без массовых передвижений рабочих.

Процент городского населения постоянно возрастает, т. е. происходит отвлечение населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям. Города растут вдвое быстрее, чем остальное население: с 1863 по 1897 г. все население увеличилось на 53,3%, сельское на 48,5, а городское на 97,0%. Громадный рост крупных индустриальных центров и образование целого ряда новых центров есть один из характернейших симптомов пореформенной эпохи [3].

Тем самым, историческими условиями возникновения национального вопроса являются: изменение производственных отношений, связанное с ростом производительных сил; переход к машинному производству; рост городов; увеличение подвижности населения; хозяйственное освоение окраин. В межнациональной сфере главной тенденцией второй половины XIX века и начала XX века становится увеличение контакта между представителями различных наций, вызванное изменением производственных отношений и облика городов страны, приводящее к высоко интегрированному конгломерату наций, обладающему признаком внутреннего единства, отличающегося невозможностью искусственного физического разделения.

Отмеченные изменившиеся условия жизни общества стали источником возникновения соответствующих общественных идей, отраженных в трудах представителей различных политических сил, кульминацией которых стала окончательное формулирование и постановка национального вопроса в начале XX века в трудах русских революционеров.

В осмыслении национального вопроса можно условно выделить несколько составляющих, отправной точкой для которых будет попытка определения феномена нации, предпринятая в середине XIX века. Наибольшее внимание национальной проблематике уделял В.Г. Белинский, выработавший основные подходы к национальному вопросу, используемые в последующем большинством либеральных мыслителей. Он постулировал стадильность в формировании нации, прохождение этапов племя-народ-нация [2, с. 25].

Вместе с тем, во второй половине XIX века представления о сущности и признаках наций претерпели значительную трансформацию, заключающуюся прежде всего в отходе идеализма, путем исключения из признаков нации неизменной духовной субстанции. Процесс формирования наций приобретает более естественно-исторический характер (Б.Н. Чичерин). Нация рассматривалась как этно-политическая общность (А.Д. Градовский, В.М. Гессен), либо как этно-социальная общность (П.Н. Милюков). Однако на первый план выходит восприятие нации как результата осознания единства совокупностью личностей, в итоге их совместного исторического сосуществования и при наличии понимания общих перспектив. Единственным «традиционным» признаком национальности рассматривался язык, постепенно отвергается тезис о биологической (физиологической) детерминированности наций, ставится под сомнение необходимость единства территории.

Следующим неотъемлемым элементом, вслед за определением сущности понятия нации, в формировании национального вопроса стало рассмотрение права наций на самоопределение и создание собственных государств.

Как отмечает Т.Я. Хабриева, в Европе вопросы права наций (народов) на самоопределение впервые начали ставить австрийские социал-демократы в конце XIX в. В Российской империи, как и в Австро-Венгрии, проживало множество народов, и решение национального вопроса имело для страны принципиальное значение [7, с. 12].

М.А. Бакунин отрицал безусловное право наций на создание своих государств, сохраняя приверженность федерализму, в рамках которого нации могли свободно развиваться, имея равные права с территориальными единицами. Помимо этого, П.Л. Лавров предполагал возможность федеративных отношений, П.Н. Ткачев считал их вредными для Российской империи.

Рассматривая самоопределение через призму сущности нации, в решении национального вопроса для С.Н. Южакова, Н.В. Шелгунова, И.И. Каблица главенствующим принципом стало сохранение России в существовавших границах. В их работах российская нация трактовалась как форма политической солидарности, полиэтничное и поликонфессиональное сообщество, для стабильности которого стремление отдельных составляющих его национальностей к сохранению языка, культуры, традиций поощрительно.

Камнем преткновения в общественно-политической мысли, наиболее ярко показавшей непримиримость позиций различных течений, стала проблема равенства наций, в том числе право пользования родным языком в воспитании и обучении. Этому способствовали, в том числе, неудавшиеся попытки русификации Польши и Финляндии, «еврейский вопрос», нашедшие отражение в действующих на тот момент законодательных актах (Высочайше утвержденное 13 апреля 1835 года Положение о Евреях; Высочайше утвержденные 29 февраля 1868 года дополнительные Правила к Положению 19 (31) декабря 1866 года о губернском и уездном управлении в губерниях Царства Польского; Учреждение Управления губерний Царства Польского (издание 1892 года) и др.).

И если одни (И.С. Аксаков), не скрывая юдофобии, требовали полного отказа иудеев от своей религии и перехода их в христианство, то другие (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, В.С. Соловьев, М.Н. Катков) настаивали на

недопустимости дискриминации по национальному или религиозному признаку. Кроме того, М.Н. Катков ставил под сомнение целесообразность и эффективность сохранения черты оседлости для евреев и призывал к отмене всех дискриминационных мер.

А.Д. Градовский, всесторонне изучавший национальный вопрос, в своих трудах пришел к выводу о его естественно-исторической, культурной и политической основе, главное положение из которых занимает последняя. «Другими словами, национальный принцип отныне формулировать следующим образом: «Каждая народность, то есть совокупность лиц, связанных единством происхождения языка, цивилизации и исторического прошлого, имеет право образовать особую политическую единицу, то есть особое государство». Такова политическая основа национального вопроса в современном смысле этого слова» [1, с. 10].

Глубокое рассмотрение национального вопроса с позиции марксизма в 1913 году дал И.В. Сталин, сведя его решение к пяти основным пунктам, а именно: полная демократизация страны; право самоопределения; областная автономия; национальное равноправие во всех его видах (язык, школы и пр.), запрет всех без исключения видов национальных привилегий и какого бы то ни было стеснения или ограничения прав национальных меньшинств; принцип интернационального сплочения рабочих [5, с. 360-365].

Вопрос о сущности самоопределения наций, как политического самоопределения, был дополнительно рассмотрен В.И. Лениным, указавшим, что если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не «сочиняя» абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чужденациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства [4, с. 259].

Итак, проследив условия возникновения и процесс осмысления национального вопроса в общественно-политической жизни XIX века и начале XX века, можно сделать вывод, что он ставится исключительно в виде политико-правовой категории, включающей отсутствие возможности политического самоопределения наций, их неравенство, а также запрет или ограничение на пользование родным языком. Такова его суть. Ответ же на вопрос об его актуальности выходит за пределы настоящей статьи и является предметом отдельного рассмотрения, вместе с тем, зная суть данного понятия, каждый может ответить на него самостоятельно.

Список литературы

1. Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и в литературе. СПб.: типография и литография А. Граншеля, 1873. – 336 с.
2. Кудряшев В.Н. Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века : автореф. дисс. ... докт. ист.наук : 07.00.02 / Кудряшев Вячеслав Николаевич. - Томск, 2013. – 46 с.
3. Ленин В.И. Развитие капитализма в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/lenin/len03v00.htm> (дата обращения: 02.05.2015).
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 25. М.: Издательство политической литературы, 1969. - С. 257-320.
5. Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. - С. 290–367.
6. Татарина П. Слова и вещи (рецензия на книгу Тишкова В.А.) // Отечественные записки. 2004. № 2 (17) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/slova-i-veshchi> (дата обращения: 10.09.2014).
7. Хабриева, Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М.: Институт зак-ва и сравнит. правовед. при Правительстве РФ, 2010. – 288 с.

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ И ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЭВТАНАЗИИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

¹Легута Т.В., ²Фаттахова Д.Р., ²Хижняк В.Д.

¹Доцент, канд. юрид. наук,
²Студенты 5 курса
Оренбургский государственный университет

Право, как регулятор общественных отношений должно, прежде всего, быть направлено на решение конкретных задач, на достижение определенных целей. Имеющиеся в современное время научные работы по вопросам эвтаназии содержат в основном рассуждения о моральных, нравственных составляющих данной проблемы, не предлагая правовой характеристики и не имея практического значения. Высокопарные обороты, используемые в подобных работах: «Мы не живем в античных временах и временах фашизма... наша жизнь самое главное, что у нас есть» [1, с.862]; право «человека на самоубийство» ... извращает «смысл понятий «достоинство» и «милосердие» [5]; «мы не имеем права вмешиваться в план мироздания» [7], выглядят скорее как глумление над пациентами с неизлечимыми заболеваниями, нежели решение конструктивных вопросов. В данных работах игнорируется очевидный для правоведа тезис - правовое государство должно гарантировать права человека на достойную «качественную» жизнь, на уважение чести и достоинства, реализация которых в безвыходных для человека ситуациях невозможна.

Несмотря на попытки ряда авторов дискредитировать эвтаназию как правовой институт, статистические данные убедительно свидетельствуют не только об актуальности данной проблемы, но также о невозможности однозначной констатации отрицательного отношения общества к эвтаназии. Так, по данным опроса Всероссийского центра исследования общественного мнения, проведенного в 2006г. за полный запрет эвтаназии выступают только 28% россиян, 36% - за разрешение эвтаназии с большими ограничениями, 23% опрошенных считают, что на эвтаназию не следует налагать никаких ограничений и она должна стать общераспространенной практикой [2].

При исследовании мнения пациентов в 2008г. было установлено, что за признание законности эвтаназии высказались 35% пациентов городских больниц и 44% пациентов сельских больниц с высшим образованием; 58% - пациентов городских больниц и 29% пациентов сельских больниц со средним специальным образованием; 35% пациентов городских больниц и 13,5% пациентов сельских больниц со средним образованием. Кроме того, большое число опрошенных медиков (22%) рассматривают эвтаназию как акт гуманности, прекращающий страдания пациента [7].

По данным опроса Фонда общественного мнения в 2012г. 32% россиян считают допустимым официально разрешить эвтаназию в России. Столько же процентов считают невозможным официально разрешать эвтаназию в России, а 36% затруднились ответить [4]. Сторонники эвтаназии объясняют свое мнение тем, что это гуманно, «люди не должны против своей воли страдать, мучиться» (20%) и что «человек имеет право распоряжаться своей жизнью» (7%). 3% полагают это допустимым в случае неизлечимой болезни [8].

Для ответа на вопрос о готовности российского общества и правовой системы к легализации эвтаназии необходимо провести правовой анализ положений Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Запрет эвтаназии прописан в ст.45, 60 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Однако системный подход к толкованию указанного закона позволяет установить, что его нормы по рассматриваемой проблеме несогласованны и опосредованно допускают применение эвтаназии. Так, в соответствии со ст. 19 пациент имеет право на отказ от медицинского вмешательства. Последнее, исходя из определений, содержащихся в ст.2 является собой составную часть более общего понятия – «медицинская услуга», которое в свою очередь составляет более емкую дефиницию – «медицинская помощь». По правилам формальной логики пациент имеет право на отказ от оказания ему медицинской помощи. Из данного правила есть всего пять императивных исключений (ст.20), четыре из которых гарантируют защиту и безопасность окружающих от пациента с определенными заболеваниями в определенных случаях. Применительно к теме исследования значение имеет пятое исключение из правил о возможности отказа от медицинской помощи (п.1 ч.9 ст.20) - если вмешательство необходимо по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни человека и, если его состояние не позволяет выразить свою волю или отсутствуют законные представители. Т.е. оба этих условия (угроза жизни и невозможность выражения человеком своей воли) должны присутствовать одновременно и рассматриваться в качестве обязательных только в совокупности. Следовательно, в случаях, когда человек имеет возможность выразить свою волю, он имеет

законное право на отказ от медицинской помощи. Указанные положения представляются еще более убедительными с учетом провозглашенного в рассматриваемом законе принципа приоритета интересов пациента при оказании медицинской помощи (ст.4). Принцип, содержащийся в российском законе, полностью согласуется с идеями о свободном волеизъявлении личности и обеспечения гарантий правомерности реализации принятых личностью решений, ценности автономного выбора человека [3, с.47]. В ряде стран (Швейцария, Бельгия, Нидерланды и т.д., в Северной территории Австралии, в штате Орегон в США) эвтаназия получила легализацию. В Нидерландах выработана подробная процедура, выполнение которой служит гарантией от злоупотреблений. Лечащий врач должен убедиться в наличии шести условий: настоятельная просьба больного; невыносимые страдания, им испытываемые, без перспективы улучшения; полная информированность пациента о своем заболевании и состоянии; отсутствие альтернатив: нет лечения, обезболивающие не помогают; независимое заключение второго врача; адекватная помощь в смерти. Все случаи эвтаназии подлежат обязательной регистрации. В Бельгии процедура выдачи разрешения на эвтаназию крайне жесткая – чтобы получить такое разрешение, нужно пройти множество обследований, доказать свою вменяемость [6]. Право неизлечимо больного пациента на эвтаназию признается и закрепляется не только на национальных уровнях, но и на международном, что подтверждается решениями Европейского суда по правам человека, в частности, Постановлением от 29.04.2002 г. «Дело Претти против Соединенного Королевства». Согласно Декларации об эвтаназии (принятой 39-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей в Мадриде, Испания, октябрь 1987) эвтаназия определяется как акт преднамеренного лишения жизни пациента по просьбе самого пациента или на основании обращения с подобной просьбой его близких.

Сторонники запрета эвтаназии ссылаются на общепризнанные международные и конституционные нормы о праве человека на жизнь, провозглашенного в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст.6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., ст. 20 Конституции Российской Федерации. Однако, признание права на жизнь вовсе не означает императивного возложения обязанности жить. Юридическое толкование указанных норм выявляет их направленность, прежде всего, на существование корреспондирующей данному праву обязанности государства - охранять жизнь каждого индивида непосредственно от преступных посягательств других лиц, и опосредовано - путем охраны окружающей среды, запрещения смертной казни, др. Правовое государство, выступая гарантом соблюдения прав человека, призвано обеспечить достойную жизнь и свободное развитие человека (ст.2, 7 Конституции РФ). Запрет эвтаназии с указанных позиций в условиях невозможности в силу уровня развития медицинской науки и техники обеспечить облегчение боли (право на которое закрепляет п. 4 ч. 5 ст.19 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») обрекает человека на мучительное и бессмысленное существование. Как правильно отметили А. А. Андреева, В. В. Приходько, никто не вправе заставлять безнадежных больных испытывать жестокие мучения, когда растительное существование и боль лишают человека достоинства [1, с.862]. Указанное представляется еще более значимым на фоне существующих международных стандартов и механизмов борьбы против пыток, других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения. Таким образом, легализация эвтаназии в рамках правового государства – это гарантия обеспечения возможности реализации естественных, неотчуждаемых прав человека, включающих не столько право на жизнь, сколько право на достойную жизнь, не обремененную бесчеловечными или унижающими достоинство мучениями. Самоопределение, самореализация и автономия личности в правовом государстве, о которых рассуждают на страницах специализированных изданий, должны быть применимы не только к «обычным» гражданам, но и к людям, оказавшимся в безысходной ситуации, связанной с определенными заболеваниями. Предоставление им в таких случаях государством права на возможность достойного ухода из жизни будет свидетельствовать о гарантиях прав человека на указанные самоопределение, самореализацию и автономию личности. Легализация эвтаназии должна обеспечиваться комплексным правовым регулированием в целях предотвращения неоднозначных толкований законодательных положений и предупреждения всевозможных злоупотреблений.

Представляется необходимыми следующие законодательные нововведения. Во-первых, изменения в ст. 45 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», касающиеся отмены прямого запрета эвтаназии – редакция статьи должна содержать перечисление случаев, в которых разрешена эвтаназия, либо отсылку к специальному федеральному закону, содержащему такие случаи.

Во-вторых, целесообразными представляются изменения в трудовом законодательстве в части установления дополнительных гарантий, компенсаций и льгот для медицинского персонала, осуществляющего данную процедуру.

Проблема легализации эвтаназии нуждается в комплексном решении на федеральном уровне посредством внесения ряда изменений и дополнений в действующее законодательство и принятия специального федерального

закона. Вопрос о самой возможности легализации эвтаназии должен подлежать положительному ответу, если речь идет о правовом государстве, при условии «наличия сознательной и настойчивой просьбы больного, невозможности облегчить его страдания медикаментозными средствами, а также несомненных доказательств невозможности спасения жизни» [1, с.863].

Список литературы

1. Андреева А.А., Приходько В.В. Проблема эвтаназии в современном обществе // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2012. Том 2. № 11 - С. 861-863.
2. ВЦИОМ: Россияне против клонирования, но одобряют эвтаназию // электронный источник. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2006/04/16/250750.html>
3. Галь И.Г., Богач С.Б., Галь К.И. XVII Всемирный конгресс по медицинскому праву (информация и научный обзор) // Медицинское право. 2009. № 3. С. 46 - 52.
4. Право на смерть: допустима ли эвтаназия? Что думают россияне о возможности разрешить эвтаназию в нашей стране. Опрос «ФОМнибус» от 27 мая 2012 // Электронный источник. Режим доступа: <http://fom.ru/obshchestvo/10469>
5. Сергеев Ю.Д., Павлова Ю.В., Журилов Н.В. Учебно-методическая и научно-практическая деятельность кафедры медицинского права Первого МГМУ имени И.М. Сеченова по реализации современных требований к правовой подготовке медицинских работников России // Медицинское право. 2013. № 4.
6. Судо Ж. Эвтаназия. – М, 1987.
7. Филиппов Ю.Н., Абаева О.П., Зазвонов М.Н. К вопросу о востребованности эвтаназии в современном обществе // Медицинское право. 2008. № 1.
8. Эвтаназии и социологические исследования // Электронный источник. Режим доступа: <http://www.ibl.ru/konf/041208/73.html>

СУВЕРЕНИТЕТ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ, СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ

Карнаушенко Л.В.

Краснодарский университет МВД России, г.Краснодар

В течение XX в. общество испытало на себе влияние масштабных социальных трансформаций, охвативших основные социальные институты и подсистемы социума. Скорости социальных изменений оказались так высоки, что научная и управленческая мысль просто не успевала за происходящими трансформационными процессами, в корне менявшими облик социальной системы.

Развитие общества в XX в. ознаменовало собой не только ставший необратимым процесс перехода от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу, олицетворением которого стал глобальный мир, научно-техническая революция и все возрастающая роль информационно-коммуникационных технологий. С 1960-х г. все отчетливее проявляются тенденции формирования совершенно нового облика социума, в котором экономическая, политическая, социальная, духовная сферы претерпевают коренные изменения. В начале нового столетия характер и направленность трансформационных процессов не оставили сомнений в том, что мы имеем дело с новым типом общества, получившим в научной литературе наименование постиндустриального, информационного.

По мнению М.Н. Деминой, в условиях общества начала XXI в. социокоммуникативные и социокультурные изменения приводят к возникновению принципиально новой конфигурации, где на первый план выходят информационные технологии, способные проникать в сферу духовных повседневных практик человека. С их появлением произошел ряд качественных изменений в процессах распространения, потребления и восприятия информации: существенная интенсификация информационного потока за счет сверхскоростной передачи информации; повышение доступности информации в силу масштабного распространения и относительно невысокой стоимости доступа в Интернет [1, с.88-90].

Становится очевидным, что произошедшие технико-технологические изменения детерминировали трансформацию основных элементов социума. Именно совокупный эффект действия нескольких факторов, связанных с основными сферами жизнедеятельности общества, оказывает влияние на его ключевые институты,

подсистемы, делает возможным генезис одних процессов и угасание других, ранее являвшихся основополагающими.

Стоит отметить, что вполне закономерно в начале XXI в. складывается принципиально новая социальная реальность, ставшая итогом процессов модернизации, длившихся на протяжении десятилетий. Рост социальной значимости Интернета, выход на первый план феномена виртуальности, развитие новых форм общения, ведения бизнеса привели к пересмотру места и значения многих социальных элементов, в том числе – и государственного суверенитета. В этой связи закономерно возникает вопрос о пределах модернизации научных представлений о суверенитете, если принимать во внимание действие ряда факторов, ставивших под серьезное сомнение перспективы государственного суверенитета в современном глобальном мире.

Необходимо принимать во внимание тот факт, что в рамках традиционного понимания государственный суверенитет представляет собой неотчуждаемое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политико-правовую самостоятельность, высшую ответственность и ценность как первичного субъекта международного права; необходимое для исключительного верховенства государственной власти и предполагающее неподчинение власти другого государства; возникающее или исчезающее в силу добровольного изменения статуса независимого государства как цельного социального организма [2].

Как справедливо отмечает А.Л. Бредихин, несмотря на большое количество работ по тематике, связанной с суверенитетом, многие вопросы требуют дальнейшего рассмотрения. Мыслителями прошлого и современности предложено множество определений суверенитета, которые, так или иначе несут в себе отпечаток политической ситуации определенной эпохи и идеологических предпочтений ученых, нередко противоречат друг другу [3, с.108].

В частности, введение в научный оборот понятия «суверенитет» связано с деятельностью французского учёного XVI в. Ж. Бодена. В своем первоначальном значении понятие «суверенитет» характеризовало неограниченность власти верховного сюзерена в противоположность власти вассальных правителей. В документах Вестфальского мира был сделан первый шаг в сторону признания светских суверенных прав за всеми европейскими государствами, таким образом, положив начало современной системе, в которой суверенитет предполагается необходимым атрибутом любого государства (с тех пор суверенитет получил вполне определенную «привязку» к территории, которая сохраняется до сих пор) [4].

На современном этапе развития концепта суверенитета, несмотря на ряд расхождений, практически все представители основных парадигм (кроме постпозитивизма) считают суверенитет одной из основных категорий современных международных отношений, которая имеет характер основополагающей нормы [5].

В конце XX – начале XXI в. в области суверенитета появились новые аспекты, особенно в контексте обсуждения проблем глобализации и нового мирового порядка. В последние годы стала обостряться проблема «размывания», «исчезновения» суверенитета. Усиление взаимных связей и взаимозависимости между государствами ведёт, с одной стороны, к усилению роли наднациональных органов, которым государства частично делегируют свои суверенные права (пример – Европейский союз), с другой – к признанию ряда проблем (например, права человека) выходящими за рамки исключительного ведения отдельных государств и подлежащими международному регулированию (принцип «нарушения прав человека не являются внутренним делом») [6].

Исследователи в современном обществе сталкиваются с дилеммой: с одной стороны, безусловно, необходимо принимать во внимание векторы развития общества, инновационные процессы в политической, экономической сферах, прежде всего. В этих условиях традиционное понимание суверенитета уже не является релевантным по отношению к происходящим изменениям и требует определенного переосмысления; с другой стороны, суверенитет государства – одна из базовых конструкций миропорядка, являющаяся таковой на протяжении сотен лет. Ее кардинальные изменения способны детерминировать состояние риска, дезорганизации всей системы государственных взаимоотношений.

Л.Е. Гринин отмечает, что в настоящее время в определенной мере осознается, что необходимы комплексное переосмысление и переоценка понятия «суверенитет» как в связи с возникновением мирового политического сообщества, так и в связи с уточнением пределов частных суверенитетов, принципов их сочетания друг с другом и построения их иерархии. Глобализация в целом способствует изменению и сокращению суверенных полномочий государств, и при этом процесс является двусторонним: с одной стороны, усиливаются факторы, объективно уменьшающие суверенитет стран, а с другой – большинство государств добровольно и сознательно идет на его ограничение [7].

Достаточно тревожным выглядит факт создания в 2000 г. под эгидой ООН «Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета». Так, в своем докладе комиссия указывала, что суверенитет не только предоставляет государствам право «контролировать» свои внутренние дела, но также

налагает непосредственную ответственность по защите людей, проживающих в пределах границ этих государств [8].

Фактически создание комиссии стало не более чем констатацией давно свершившегося факта вмешательства «доминирующих» мировых держав во внутренние дела ряда государств. Как справедливо указывает А.А. Сергунин, США и их ближайшие союзники стремились, создав прецедент, закрепить за собой право на подобного рода интервенции в любое время в любой точке земного шара. Параллельно последовала целая серия попыток по пересмотру принципов и норм международного права в нужном сторонникам «гуманитарных интервенций» направлении в виде предложений по изменению Устава ООН в той его части, которая утверждает соблюдение суверенитета государств в качестве одного из ведущих принципов международного права [9].

События последних лет – напряженность на Ближнем Востоке, угрозы со стороны ИГИЛ, ситуация на Украине – лишь подтверждают вектор направленности происходящих перемен. «Эксперименты» с моделью государственного суверенитета, проводимые США и их союзниками, создали опасные прецеденты нарушения основополагающих условий мирного сосуществования государств в условиях современного глобального мира. Однако необходимо помнить, что единожды нарушив хрупкую конструкцию мира, баланс сил международного сдерживания, существует риск развязывания масштабных войн. История XX в., включившая в себя две кровопролитные мировые войны, красноречиво свидетельствует об этом.

Современные исследователи поднимают вопрос о том, что в современных условиях государство стало менее самостоятельным в принятии решений, делегировав часть своих полномочий наднациональным структурам [9].

При этом ученые полагают, что процесс глобализации не ведет к отмиранию государства, наоборот, потребность в этом институте сохраняется (хотя и в измененном виде). Создание системы глобального управления невозможно без поддержки эффективно работающих государств. Глобализация объективно побуждает к повышению эффективности государственного управленческого аппарата, чтобы приспособиться к глобализации экономики, которая сопровождается активизацией регионов, негосударственных организаций, ростом влияния международных стандартов и институтов [10].

Современное понимание сущности суверенитета серьезно отличается от классических представлений о нем. Проявившаяся в конце XX– начале XXI в. тенденция эволюции понятия «суверенитет», на наш взгляд, обусловлена комплексным действием ряда факторов, среди которых выделяются:

– Социокультурные факторы. В течение середины XX – начала XXI в. национальные культурные формы оказались под набирающим силу воздействием глобальной культуры нового формата. Речь идет о массовой потребительской культуре, которая оказалась прочно и весьма органично интегрирована в систему средств массовой коммуникации, обеспечившей ей эффективную трансляцию во всем глобальном мире, «опутанном» сетями СМИ и, шире, СМК. Безобидная и, на первый взгляд, аполитичная культурная форма оказалась подконтрольной транснациональным корпорациям, проникнувшим в сферу производства и распространения культурных сообщений. В результате большинство жителей планеты попали под комплексное и весьма мощное воздействие, сочетавшее в себе рекламу, пропаганду, агитацию, манипуляцию сознанием, PR-мероприятия. Результатом стало формирование образа «человека мира», не связанного морально-нравственными, ценностными обязательствами перед какой-то страной, самоидентифицирующегося с глобальным социумом (на основе принципа утилитаризма), а не конкретным государством, где он родился, получал образование, социализировался.

– Социокommunikативные. Стремительное развитие сети Интернет, спутниковых, информационно-коммуникационных технологий создало основу для преодоления государственных границ не только и не столько информационным потокам. Речь идет о глобальной трансляции элементов одной культуры и одного типа мировоззрения (в наиболее острой форме проблема получила наименование «вестернизация»), стереотипов, социально-мифологических конструктов, идеологии, жизненно-стилевых принципов. Как итог, подвергается угрозе интеллектуальный суверенитет государств, особенно не принадлежащих к «большой семерке», направляющей экономическое и политическое развитие современного общества. В условиях общества начала XXI в. обостряется проблема информационно-психологических войн и нарастающих киберугроз со стороны международных сообществ компьютерных хакеров, контролируемых спецслужбами ряда государств. Требуются значительные усилия со стороны государства по защите информационных ресурсов, прав и свобод граждан в информационной сфере, противодействию международной преступности в виртуальной среде.

– Социально-политические. Распад СССР и организации Варшавского договора нарушил баланс сил на международной арене. В результате начал складываться «однополярный мир» с доминированием США и их союзников. На протяжении 1990-х – 2000-х г. отмечено несколько случаев возникновения напряженности в связи

с попытками доминирующих стран навязывать свое видение мировых проблем и путей их решения, без учета мнений России, Китая, других государств, не принадлежащих к доминирующему блоку. В условиях периодической напряженности в отношениях стран актуализируется проблема государственного суверенитета в новых условиях.

Таким образом, по мере развития процессов социальной динамики облик общества претерпевал существенные изменения. Прошедшее столетие ознаменовало собой очередной виток подобных изменений, когда структурные элементы индустриального общества стали постепенно замещаться элементами, соответствующими постиндустриальному, информационному обществу. К сожалению, первоначальным прогнозам теоретиков постиндустриального, информационного общества о возникновении бесконфликтного, прогрессивного общества не суждено было сбыться (в частности, теории И. Масуды) [11]. Новое общество оказалось весьма агрессивным, содержащим в себе массу противоречий, проблем (часто антагонистического характера), вследствие чего актуализировалась и проблема государственного суверенитета. Однако концептуальный облик суверенитета также претерпевал существенные изменения по мере осуществления социальных трансформаций. Научные представления о суверенитете государства, его составных элементах уже не соответствуют классическим концепциям, утратившим свою актуальность в обществе начала XXIв. Однако системные социальные проблемы глобального информационного общества не предполагают исключение тематики суверенитета из научного и управленческого дискурса в ближайшей временной перспективе.

Рассматривая перспективы развития ситуации с государственным суверенитетом в ближайшие десятилетия, целесообразно отметить следующее. Развитие глобальной сети Интернет уже в настоящее время создает ряд условий, потенциально или реально угрожающих дезорганизацией не только системе массовой коммуникации, но и всему обществу в целом. Качество информации стремительно ухудшается, в глобальную сеть оказываются органично встроены многие экстремистские, террористические, антисоциальные элементы, оказывающие негативное воздействие на людей. Активизируются компьютерные преступники, создаваемые компьютерные вирусы, особенно «шпионские программы», становятся одной из серьезных угроз социуму. И, наконец, не стоит сбрасывать со счетов перспективы виртуализации общения, социального взаимодействия людей – то, что мы можем наблюдать на примере социальных сетей Интернета. Постепенно складывается весьма специфическая конфигурация общения и обмена информацией в обществе будущего, где возможно появление надгосударственных коммуникативных институтов, направленных на контроль над сознанием и поведением интернет-аудитории (численность которой стремительно растет с каждым годом). Постепенно подобные институциональные структуры, приобретая «социальный вес», станут угрозой государственному суверенитету, так как будут способны нивелировать государственные границы посредством координируемых и направляемых коммуникативных потоков.

Анализ современной ситуации, связанной с перспективами контроля и управления глобальной компьютерной сетью Интернет, показывает, что в настоящее время, несмотря на определенные успехи Китая, некоторых арабских стран в области контроля интернет-коммуникации, ситуация остается весьма тревожной. Техничко-технологические инновации в сфере приема и передачи информации в глобальном масштабе позволяют преодолевать различные ограничения. Более того, сейчас развитие информационно-компьютерных технологий идет опережающими темпами по сравнению с динамикой научной и управленческой мысли. В ряде стран, в том числе и России, в настоящее время ощущается дефицит специалистов в сфере «высоких» информационных технологий, что препятствует проведению эффективных мероприятий по преодолению сложившейся проблемной ситуации.

Список литературы

1. Демина М.Н. Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий // Социс. 2010. № 6.
2. Суверенитет // Википедия. URL:// [https:// ru.wikipedia.org/wiki/Суверенитет](https://ru.wikipedia.org/wiki/Суверенитет) (дата обращения: 17.04.2015).
3. Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен. М., 2012.
4. Суверенитет // Википедия. URL:// [https:// ru.wikipedia.org/wiki/Суверенитет](https://ru.wikipedia.org/wiki/Суверенитет) (дата обращения: 17.04.2015).
5. Сергунин А.А. Суверенитет: эволюция концепта // Политическая экспертиза. 2010. № 4.
6. Суверенитет // Академик. URL:// [http:// dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/41010](http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/41010) (дата обращения: 20.04.2015).
7. Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. № 1.
8. Суверенитет // Википедия. URL:// [https:// ru.wikipedia.org/wiki/Суверенитет](https://ru.wikipedia.org/wiki/Суверенитет) (дата обращения: 17.04.2015).
9. Сергунин А.А. Суверенитет: эволюция концепта // Политическая экспертиза. 2010. № 4.

10. Сергунин А. А. Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19.
11. Masuda Y. The Informational Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.02)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Смирнова Т.С.

Марийский государственный университет, г.Йошкар-Ола

Коррупция относится к наиболее дестабилизирующим факторам развития современного российского общества. Принимая во внимание ее разрушительное свойство, законодатели постоянно направлены на усовершенствование правовой основы противодействия коррупции, внедряют все новые правовые барьеры на пути распространения коррупционных проявлений.

Отдельно в этой общегосударственной антикоррупционной политике можно выделить все возрастающую роль местного самоуправления. Именно муниципальные органы находятся в прямом контакте с населением и именно им под силу создать эффективно функционирующую систему, которая будет представлять из себя правовой синтез местной власти и граждан, где последние будут являться равноправной стороной в осуществлении контроля за соблюдением закона. Следует согласиться с Д.С. Михеевым, что участие населения через созданные им общественные институты в решении местных проблем является объективно необходимым. Данное вовлечение населения послужит усилению общественного контроля и в антикоррупционной сфере.

Нельзя не отметить, что согласно статье 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

В связи с чем, отдельную нишу в блоке нормативно-правовых актов, направленных на противодействие коррупции и закрепляющих своего рода властные полномочия населения, занимает Федеральный закон от 21.07.2014г. №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Указанный нормативно-правовой акт закрепил право граждан на осуществление контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия.

Статья 3 указанного закона наделила граждан Российской Федерации правом на осуществление общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

Одними из основных целей, которые законодатель поставил в процессе осуществления общественного контроля является обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами публичные полномочия, а также формирование в обществе нетерпимости к коррупции. То есть законодатель четко выделил активную роль населения в проведении антикоррупционной политики, в том числе и на местном уровне.

Также, указанный нормативно-правовой акт в статье 6 закрепил обязательность рассмотрения вышеуказанными органами итоговых документов, подготовленных по результатам общественного контроля, а в ряде случаев предусмотрена необходимость учитывать предложения, рекомендации и выводы, содержащиеся в этих документах.

Отдельное внимание уделено раскрытию перечня прав и обязанностей субъектов общественного контроля. Правовая наполняемость указанных составляющих является достаточно объемной, позволяющей представителям общественного контроля в полной мере исполнять свои функции и следить за соблюдением закона. К указанным

полномочиям относятся и право на запрос информации, право на посещение органов государственной власти, подготовка итогового документа и направление его в государственные и муниципальные органы, обращение в суд в защиту неопределенного круга лиц. Все указанные действия и полномочия способны создать серьезный барьер распространению коррупции, как на общегосударственном уровне, так и в отдельно взятом муниципалитете.

Также отдельной статьей предусмотрена ответственность как за воспрепятствование деятельности по общественному контролю, так и за незаконные действия самого субъекта общественного контроля. Такая взаимная ответственность при проведении данной работы нацелена на то, чтобы сделать ее максимально эффективной и прозрачной, и в то же время исключить любую попытку скрыть злоупотребление в указанной сфере под бурной общественной деятельностью. Но в то же время, указанная норма не содержит указания на конкретный вид ответственности за совершение того или иного проступка в сфере общественного контроля. Кроме того, с целью неотвратимости наказания в указанной сфере, законодателю необходимо внести изменения в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации и в Уголовный Кодекс Российской Федерации, дополнив их нормами в сфере нарушения законодательства об общественном контроле.

Безусловно, принятие указанного федерального закона внесло новое направление в развитие антикоррупционной деятельности. Необходимость в подобном правовом акте назрела в обществе. С повышением правовой грамотности населения, оно стало претендовать на все более активную позицию в самых разных отраслях жизни, высказывая все больше нетерпимости к нарушениям своих прав и законных интересов. К наиболее дестабилизирующим явлениям относится именно коррупция, поразившая все уровни властных структур. Но наиболее болезненны для населения коррупционные проявления в местных органах власти, как так они близкие для людей вопросы: выделение земельных участков, реализация муниципального имущества, предоставление мест в дошкольных учреждениях, услуги здравоохранения и т.д. Вот почему можно с уверенностью утверждать, что общественный контроль является серьезной новацией в сфере проведения антикоррупционной политики на местах.

Конечно на пути реализации и функционирования этого нормативно-правового акта стоит много правых задач. К ним можно отнести налаживания четкой системы информирования граждан о деятельности органов исполнительной власти, проведение разъяснительной работы с населением. Кроме того, исходя из основной идеи закона, его нормальная работа возможна лишь при условии привлечения широкого круга граждан и общественных организаций для осуществления общественного контроля. Данная активная деятельность населения приведет к снижению коррупционных рисков во всех сферах деятельности.

В заключении хотелось бы отметить, что общественный контроль – это новый вектор антикоррупционной деятельности. Несмотря на короткий срок своего функционирования, он имеет большой задел на занятие ведущей позиции в блоке антикоррупционных законов, так как главным субъектом этой деятельности является многонациональный народ – носитель суверенитета и единственный источник власти в Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята Всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. – 1993. - №237
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.08.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.
3. Михеев Д.С. Принцип гласности местного самоуправления: теоретический ракурс/ Д.С. Михеев// Местное самоуправление. -2014.-№9.- С. 69-72.
4. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 07.05.2013) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. - № 52 (ч. 1). - Ст. 6228
5. Федеральный закон от 17.07.2009 N 172-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. - Ст. 3609
6. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с ред. от 04.08.2014) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 25. - Ст. 2954.

О КОМПЛЕКСНОЙ ПРИРОДЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕГЛАМЕНТОВ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Яхина О.В., Яхин Д.И.

ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», г.Йошкар-Ола

Административные регламенты органов местного самоуправления представлены в российском законодательстве как нормативно-правовые акты, регулирующие порядок предоставления муниципальных услуг. Легальное определение данного понятия содержится в п.4 статьи 2 Федерального закона от 02.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Термин «регламент» относится не только к сфере государственных и муниципальных услуг, но и к другим областям: организация внутренней деятельности какого-либо органа (Регламент Верховного Суда Российской Федерации, Регламент арбитражных судов), техническое регулирование, трудовые отношения (заменяют должностные инструкции). В связи со сложившейся ситуацией возникает вопрос, какую природу носят административные регламенты органов местного самоуправления.

Вполне логичным представляется определение административных регламентов в качестве категории административного права, что обосновано и самим наличием слова «административный» в понятии. Если рассматривать административные регламенты в широком понимании, то они регулируют не только порядок предоставления муниципальных услуг, но и еще сферу государственных услуг. Собственно такой широкой сферой регулирования административные регламенты и обязаны своим названием, поскольку, говоря о государственных функциях и полномочиях, о властных отношениях, мы чаще используем термин «административный». В целом, такую составную часть понятия можно рассматривать как указание на то, что указанный порядок был создан уполномоченным органом, а также подчеркивает обязательность акта как для органа публичной власти, так и для заявителей. Сама сфера регулирования административных регламентов непосредственно представляет собой административно-правовые отношения, реализацию определенных властных полномочий, в целях предоставления гражданам и юридическим лицам каких-либо благ.

Конечно, административные регламенты регулируют осуществление функций по предоставлению услуг государственными органами, а также другие отношения, связанные с созданием условий для решения соответствующих задач. В этом плане сферой действия регламентов действительно являются административно-правовые отношения. Таким образом, в административных регламентах четко прослеживается административно-правовой аспект.

В то же время, как следует из Федерального закона от 02.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», услуги, предоставляемые гражданам и юридическим лицам органами публичной власти могут быть как государственными, так и муниципальными. Отделение органов местного самоуправления от государственных органов закреплено в статье 12 Конституции Российской Федерации. Таким образом, правовое место административных регламентов как органов местного самоуправления, так и административных регламентов органов государственной власти РФ и субъектов также устанавливается нормами конституционного права, более того, основывается на основном законе РФ.

Учитывая упомянутую выше самостоятельность органов местного самоуправления от органов государственной власти, мы можем без труда заключить, что административные регламенты органов местного самоуправления относятся к сфере муниципального права. Основными источниками данной отрасли российского права из категории нормативных правовых актов являются Конституция РФ, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", Европейская хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 г. При этом прямыми источниками административных регламентов органов местного самоуправления указанные акты не являются. К административным регламентам в данном случае наиболее применимы нормы главы 7 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Однако при всем разнообразии отраслей права, так или иначе применимых к административным регламентам органов местного самоуправления, есть отрасли, совершенно к данной сфере не относящиеся, но в то же время регулирующие понятия, имеющие сходное название.

Так, во второй части Гражданского кодекса Российской Федерации имеется глава 39 «Возмездное оказание услуг». Данная категория гражданского права, несмотря на свою языковую созвучность с рассматриваемым нами понятием, не применима к сфере услуг, предоставляемым органами местного самоуправления. Данная ситуация складывается по причине того, что в соответствии с ч.1 ст. 1 ГК РФ гражданское законодательство основывается

на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Как следует из правового статуса органов местного самоуправления, они обладают некоторыми властными полномочиями. Кроме того, из Федерального закона от 02.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», следует, что субъекты правоотношений по предоставлению муниципальных услуг не являются равноправными, орган местного самоуправления может отказаться от предоставления услуги лишь в случаях, установленных в административном регламенте либо в законодательстве. В данном случае особо ярко прослеживается отсутствие равенства между субъектами (органом местного самоуправления и заявителем), определение содержания услуги, порядок ее предоставления в нормативных правовых актах, что свидетельствует об отсутствии в отношениях гражданско-правовых элементов.

Внимания заслуживает также и тот факт, что административные регламенты местного самоуправления сами являются источниками права, а именно источниками правового регулирования муниципальных услуг, предоставляемых на территории муниципального образования. Несмотря на то, что административные регламенты органов местного самоуправления как муниципальные правовые акты должны не противоречить всем вышестоящим актам, они тем не менее, являются актом муниципального правотворчества и устанавливают правовой алгоритм предоставления определенных муниципальных услуг.

Таким образом, понятие «административный регламент» является комплексным, употребляемым при регулировании отношений в различных отраслях права, что свидетельствует об унифицированности категории при названии ею правовых актов, регулирующих какую-либо процедуру. В то же время, административные регламенты органов местного самоуправления носят характер комплексных нормативно-правовых актов, статус которых связан со сферой регулирования различными отраслями российского права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ; от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2008, 31 декабря; 2014, 7 февраля; 2014, 23 июля.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая, часть вторая [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/>.
3. Федеральный закон от 02.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=165305;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=2D95C7F2C583C702B80CA66AB25539C1>
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=166232;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=34F43B0351E9868E76E73BAD14F86FAE>.
5. Михеева Т.Н. Новеллы в правовом регулировании местного самоуправления /Т.Н. Михеева // Конституционное и муниципальное право. – 2014. - № 9. – с. 65-68.
6. Шабдарова О.В. Административный регламент как нормативный правовой акт в системе муниципальных правовых актов / О.В. Шабдарова // Закон и право. – 2014. - № 11. – с. 54-56.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Громько С.В.

Кубанский государственный университет, г.Краснодар

Национально-культурные общества – это общественные объединения граждан, созданные в целях развития культуры, языка, традиций, обычаев и народных промыслов различных национальностей. Национальные региональные общества также называют национальными культурными центрами; появление их обусловлено

проведением национальной культурной политики. Создание и деятельность таких обществ является, прежде всего, является проявлением многонациональности народа России и идеологического многообразия (преамбула, статья 13 Конституции РФ).

Будучи одним из видов общественных объединений, национальные региональные общества по своей организационно-правовой форме относятся к общественным организациям, что определяет требования к созданию, его учредителям и членству в них (ст.18,19,20 Федерального закона № 82-ФЗ от 19.05.1995 г. «Об общественных объединениях»). Кроме того вопросы, касающиеся национальных региональных обществ, частично регулируют Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» и Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Однако правового акта, который бы регулировал процесс создание, упразднение и основы деятельности национальных региональных обществ, до настоящего времени не принято.

Членами и участниками национального регионального общества могут быть физические лица: граждане, которые достигли 18-летнего возраста, а также юридические лица. Иностранцы граждане, а также лица без гражданства, которые законно находятся на территории Российской Федерации, также могут являться и членами, и учредителями национальных и региональных обществ [12]. Ст. 19 Федерального закона «Об общественных объединениях» также устанавливает возрастные ограничения для членов и участников молодежных общественных объединений (с 14 лет) и для членов и участников детских общественных объединений (с 8 лет).

Инициаторами создания национальных региональных центров и обществ являются лица, которые принадлежат к определенному народу и заинтересованы в развитии, популяризации обычаев, традиций и языка. Согласно ст.6 Закона от 9 октября 1992 г № 3612-1 «Основы законодательства РФ о культуре» в России признается равное достоинство культур, равные права и свободы в области культуры всех проживающих в ней народов и иных этнических общностей. Поэтому на территории одного субъекта Российской Федерации могут существовать несколько национальных региональных обществ, так как каждое из них должно удовлетворять специфические интересы каждой национальности и национальной группы, а также прививать в общении межнационального характера уважение и толерантность. Так, на территории Краснодарского края с 1992 года по инициативе восьми национально-культурных общественных объединений был создан Краснодарский краевой Центр национальных культур. На данный момент Центр объединяет 32 общественные национально-культурные организации. Центр национальных культур послужил примером для открытия подобных центров в ряде городов Краснодарского края и России [5]. Важно отметить, что деятельность национального регионального общества не должна ограничиваться территорией субъекта России, на которой оно функционирует, поэтому еще одним направлением национальных региональных центров и обществ является поддержание и установление связей между национально-государственными образованиями Российской Федерации, а также национальными обществами, которые находятся за рубежом. Деятельность национальных региональных обществ не должна наносить ущерб правам и законным интересам тех национальных групп, которые проживают на территории, где действует национальное региональное общество [7]. Региональная специфика национальных обществ во многом зависит от следующих факторов:

- уровень развития социальной инфраструктуры региона;
- степень контроля региональных органов власти;
- насколько гражданские ценности прослеживаются в уставных документах национальных общественных организаций, их структуре, функциях и текущей деятельности [4]. Зачастую, национальное региональное общество отвечает политике региона. Так, в Краснодарском крае действует региональное движение «За веру, Кубань и Отечество». Создание регионального движения было ответной реакцией политической элиты региона на оскорбление святыни в Храме Христа Спасителя панковской группой в 2012 году. В столице Краснодарского края 31 марта 2012г. прошёл митинг «Против оскорбления святыни России», после которого была принята резолюция о создании регионального общественного движения «За веру, Кубань и Отечество», цель которого – возрождение духовных и нравственных ценностей [3]. К основным задачам регионального движения относятся:
- укрепление межрегиональных и межконфессиональных связей;
- защита национальных интересов как региона, так и России в целом;
- сохранение и передача последующим поколениям традиций, обычаев и культурного наследия;
- повышение духовно-нравственного воспитания молодежи Кубани.

Наряду с региональными организациями национального характера на территории Краснодарского края действует ряд региональных организаций, например, Краснодарская региональная просветительская общественная организация «Общество "Знание"», которая была организована в 1948 году [14]. Данная региональная организация выступает в роли центра, который объединяет «интеллектуалов Кубани». Основная деятельность региональной организации связана с просвещением и популяризацией в обществе науки и

культуры, кроме того Общество «Знание» принимает участие в благотворительности, расширении международных связей и укреплении мира и дружбы между народами. Важно отметить тот факт, что члены этой общественной организации регулярно принимают участие в разъяснении законодательства Краснодарского края, а также проводят научно-просветительские лекции для граждан разных возрастов и социальных категорий по различным темам и направлениям. В рамках своей основной деятельности члены региональной организации уже на протяжении 20-ти лет ежегодно проводят международные и всероссийские научно-практические конференции «Адлерские чтения». В рамках данного мероприятия традиционно рассматриваются и обсуждаются от исторических и философских до юридических проблем. Новеллой «Адлерских чтений» стали вопросы развития и взаимодействия личности, общества и государства, а также проблемы национальной безопасности России в XX – XXI вв. [14].

Основными целями и задачами национальных региональных обществ являются возрождение, сохранение и развитие самобытной культуры, традиций и обычаев этносов, проживающих на данной территории, их национальных языков. В отдельных случаях национальные региональные общества принимают участие в формировании органов местного самоуправления [13], могут инициировать такие формы прямого волеизъявления, как опрос [6] и референдум [8]. Самые широкие возможности для участия в управлении делами государства и осуществлении местного самоуправления предоставляются с развитием форм электронной демократии [9]. Задачи обществ решаются путем организации и проведения мероприятий, связанных с изучением этнической культуры. Большое внимание уделяется формированию библиотечных фондов национальных сообществ, в которых сосредотачиваются книги по этнической истории, культуре, учебная, музыкальная литература. На базе объединений организуется изучение родного языка, обычаев, традиций. Кроме этого активисты занимаются популяризацией фольклора, письменности, организуют воскресные школы и творческие кружки для детей и подростков, проводят работу по выявлению одаренных детей для направления их для обучения в средние и высшие учебные заведения, взаимодействуют с национальными организациями других регионов Российской Федерации, участвуют в работе по развитию межнациональных и международных связей. Так, например, активными организациями являются Кемеровская областная общественная организация «Общество немцев "Видергебурт" ("Wiedergeburt")» и ее отделения в городах Кузбасса; Кемеровская региональная общественная организация «Центр Славянской культуры "Лад" - "Кузбасское единство"; общественная организация «Центр немецкой культуры» г. Новокузнецка; общественное объединение «Кемеровская региональная общественная организация «Центр татарской культуры "Дуслык"». В Хакасии действуют польское национальное объединение «Полония», Саянский казачий отдел и др. В Сочи открыты национальные культурные центры: греческий «Эноси», осетинский «Алания», армянский «Севан», грузинский «Иверия», Общество кубанских казаков, национально-культурное общественное объединение причерноморских шапсугов «Адыге Хасе» и ряд других организаций [11].

Зачастую национальные региональные общества могут носить религиозный окрас, например, если такая национальная региональная организация представляет интересы группы лиц, которые исповедуют определенную религию (например, ислам) как представители своего народа. Религия, после перестройки в России, стала активным участником в политическом процессе. И это не смотря на то, что ст. 14 Конституции РФ закрепляет положение о том, что Российская Федерация – светское государство. По данным опроса ВЦИОМ «Православие в России: прошлое и настоящее» 2013 года 44% процента опрошенных считают, что государственной религией России является православие [1]. Тем не менее, людей, исповедующих ислам на территории России, становится все больше и больше. По разным данным, ислам исповедуют от 15% до 18% населения РФ, т.е. около 20 млн. чел. в Татарстане, Башкортостане, Удмуртии, Чувашии, Марийской республике, Северном Кавказе [15]. В Российской Федерации исторически сложились два центра – регионы, которые являются точкой распространения ислама – Урало-Поволжский и Северокавказский. Глава Совета муфтиев России выдвигает свою точку зрения – он делит мусульман по месту их проживания на три группы: Сибирь и Дальний Восток, Центральный район и Северный Кавказ [2].

В 1996 году состоялась встреча глав духовных управлений мусульман, по итогам которой был образован Совет муфтиев России. На данный момент Совет муфтиев России является центральной религиозной организацией мусульман, которые проживают на территории Российской Федерации. Совет муфтиев России подкреплен большой поддержкой глав мусульманских субъектов РФ. Мусульманское духовенство взаимодействует более чем с 1500 мусульманскими религиозными объединениями РФ [15].

Правила создания, членство и деятельность религиозных объединений регулируется Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее по тексту – Закон о свободе совести). Закон о свободе совести носит понятие компромиссного документа, так как именно он регулирует нормы и правила отношений между государством и церковью. Руководство Совета муфтиев России

вместе с Администрацией Президента РФ, Комитетом Правительства Москвы по связям с религиозными организациями приложили немало усилий в ходе подготовки и принятия данного закона, проводились семинары, в которых принимали участие руководители мусульманских общин. Таким образом, в ходе законопроектной о свободе совести Совет муфтиев России объединил в своей деятельности интересы мусульманских духовных организаций и объединений.

В контексте национально-культурных обществ особое звучание приобретает то, что право на объединение не может быть реализовано гражданами, если цели или деятельность общественного объединения направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, иные проявления экстремизма и национальной нетерпимости. Так, решением Верховного Суда РФ от 17.11.2014 признаны экстремистскими украинские организации «Правый сектор», «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА-УНСО), «Украинская повстанческая армия» (УПА), «Тризуб им. Степана Бандеры», «Братство», их деятельность на территории Российской Федерации запрещена. Будучи опубликованными для всеобщего сведения, такие судебные решения приобретают также воспитательный и профилактический характер [10].

Очевидно, что возможности участия общественных объединений и иных некоммерческих организаций в общественно-политической жизни регионов далеко не исчерпаны. В региональные национальные объединения входят десятки, иногда сотни людей определенной или различных национальностей. Это позволяет им выразить свои интересы, реагировать на задачи, которые ставит общество перед своими гражданами, добиваться решения своих проблем. Своей деятельностью национальные объединения в регионе вносят значительный вклад в процесс формирования гражданского общества. Уровень участия этих объединений во многом соответствует уровню развития гражданского общества в субъектах Российской Федерации в целом и характеризуется как период становления.

Список литературы

1. Православие в России: прошлое и настоящее // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114598>.
2. Елишев С.О. «Молодёжная политика исламских организаций Российской Федерации» // Пространство и Время. 2013. №2 (12). С. 126-131.
3. За веру, Кубань и Отечество // [Электронный ресурс] URL: <http://svet-mayakov.ru/2012/06/27/za-veru-kuban-i-otechestvo>.
4. Зигерт Й. Гражданское общество в России // Отечественные записки. 2005. № 6. С. 28-43.
5. Краснодарский краевой центр национальных культур: Портал исполнительных органов Краснодарского края // [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://www.krasnodar.ru/content/339/show/31842>.
6. Курячая М.М. Опрос граждан как форма участия населения в решении вопросов государственного управления в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 39-46.
7. Курячая М.М. Проблемы обеспечения народного представительства в современном российском парламентаризме // Конституционное муниципальное право. 2011. № 12. С. 37-41.
8. Курячая М.М. Проблемы реализации права граждан на референдум // Право и политика. 2005. № 9. С. 11-23.
9. Курячая М.М. Электронная демократия как вызов современной правовой политики // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 41-44.
10. Курячая М.М. Электронное правосудие как необходимый элемент электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 52-54.
11. Курячая М.М., Воробьева Е.И. Национальные региональные общества как средства выражения интересов граждан в субъектах Российской Федерации // О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции: Сб. науч. тр. по итогам международной научно-практической конференции. Челябинск, 2015. С. 9-12.
12. Курячая М.М., Воробьева Е.И. Основы конституционно-правового статуса общественных организаций в России // Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции. Воронеж, 2014. С. 32-34.
13. Курячая М.М., Воробьева Е.И. Совет как форма участия населения в управлении делами государства // Теория и практика современной юридической науки. Самара, 2015. С. 48-51.
14. Официальный сайт Краснодарской региональной просветительской общественной организации «Общество «Знание» // [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.krasnodar-znanie.ru/index.php/organizaczii/item/1-istoriya-organizatsii>.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Лихтер П.Л.

Пензенский государственный университет. г.Пенза

Ни одно государство не может быть признано правовым без развитых элементов гражданского общества.

При этом гражданское общество нельзя понимать как противовес государству. Демократическое государство создает необходимые правовые предпосылки для развития институтов гражданского общества, содействует их активизации, вовлечению граждан в общественную деятельность, а институты гражданского общества, в свою очередь, оказывают поддержку позитивным действиям публичной власти¹².

Подобное сотрудничество выгодно как различным институтам гражданского общества, так и государственным органам, к которым в том числе относится институт Уполномоченного по правам ребенка.

Однако специфика института Уполномоченного по правам ребенка такова, что он обладает множеством общих признаков с институтами гражданского общества. Также как и общественные объединения в сфере защиты прав детей, Уполномоченный по правам ребенка является посредником между государством и несовершеннолетним. Для него тоже свойственна работа на основе принципов независимости, инициативности, гуманности, открытости и доступности.

Основным методом работы Уполномоченных по правам ребенка в России является не принуждение, а убеждение, основанное на авторитете правозащитника, а также обоснованности и разумности его позиции.

В России и во многих зарубежных странах концепция независимого института детского омбудсмена зародилась под эгидой общественных движений, осуществлявших деятельность, направленную на улучшение обеспечения прав детей со стороны государства. В настоящее время в Израиле, Индии и ряде других стран Уполномоченный по правам ребенка функционирует в статусе общественной организации, а не государственного органа¹³.

Ряд специалистов в области защиты прав несовершеннолетних прямо относят института детского правозащитника к гражданскому обществу. Уполномоченный по правам ребенка Мурманской области Б. Коган даже предлагает внести дополнения в Конституцию России. Согласно его мнению: «Уполномоченные по правам ребёнка – это не общественная приёмная жалоб, как нас пытаются представить, а институт гражданского общества. Однако в Основном законе нашего государства институтом гражданского общества до сих пор является только адвокатура. Считаю, что этот пробел надо исправить и официально узаконить положение уполномоченного по правам ребёнка в Конституции страны»¹⁴.

Таким образом, институт Уполномоченного по правам ребенка обладает как признаками органа государственной власти, так и признаками элемента гражданского общества, что позволяет сделать вывод о двойственности его юридической природы.

В любом случае, деятельность Уполномоченного по правам ребенка во многом направлена именно на повышение эффективности сотрудничества между государством и общественными институтами.

Зарубежными детскими омбудсменами в этой сфере накоплен более богатый опыт, который позволяет оперативно добиваться принятия необходимых мер по защите прав детей за счет активного привлечения к решению проблем общественных организаций, независимых средств массовой информации и других институтов гражданского общества.

В России подход к институтам Уполномоченного по правам ребенка и гражданского общества отличался от зарубежного, и отказ от монополии государства на деятельность общественных объединений в нашей стране произошел только в начале 90-х годов прошлого века.

¹² Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: Автореф. докт. дис. М., 2009.

¹³ Ржевская Л.В. Институт уполномоченного по правам ребенка: опыт России и зарубежных стран // Юридический мир. 2010. № 8.

¹⁴ Полпред собрал омбудсменов // Невское время. Северо-Запад. 28.05.2013. С. 1.

Современные подходы позволяют добиваться более устойчивого диалога между публичной властью и гражданским обществом, способствуют гибкости механизма правового воздействия на общественные отношения, повышают доверие граждан по отношению к государственной власти в субъектах Российской Федерации¹⁵.

Уполномоченные по правам ребенка в большинстве регионов активно сотрудничают с общественными институтами по различным направлениям. Например, Уполномоченным по правам ребенка в Пензенской области совместно с детскими общественными организациями только за первые шесть месяцев 2014 года было проведено более 20 публичных мероприятий, в том числе более 10 мероприятий в рамках общественно-просветительской и аналитической работы¹⁶.

К сожалению, некоторые общественные объединения, взаимодействуя с детскими правозащитниками, в первую очередь преследуют свои политические цели, а не восстановление нарушенного права ребенка. Например, в конце 2014 года депутаты законодательного собрания г. Санкт-Петербурга обвинили определенные общественные организации и депутата Государственной Думы В.В. Милонова в организации «травли» Уполномоченного по правам ребенка в г. Санкт-Петербурге С.Ю. Агапитовой¹⁷. Это не единственный случай, когда проблемы защиты прав детей недобросовестные политики пытаются использовать для давления на различные государственные органы.

По нашему мнению, в нормативные акты, регулирующие правовой статус регионального Уполномоченного по правам ребенка необходимо внести положения о том, что Уполномоченный по правам ребенка обязан соблюдать в своем поведении политическую нейтральность – не высказывать публично в прямом или косвенном виде свои политические симпатии и антипатии, не участвовать в качестве должностного лица в любых политических акциях.

Подобные изменения законодательства позволят избежать использования проблем детей в недобросовестных политических целях.

Однако положительных примеров сотрудничества между Уполномоченным по правам ребенка в субъектах Российской Федерации и обществом значительно больше. Одной из форм взаимодействия между ними является организация работы различных общественных (экспертных) советов. Эти совещательные органы, действующие на общественных началах, создаются при Уполномоченном по правам ребенка для оказания ему консультативной помощи по вопросам защиты прав и законных интересов ребенка.

Анализ регионального законодательства показывает, что законодателями различных регионов предусмотрено создание:

- экспертных советов (в статье 19 Закона Республики Карелия о региональном Уполномоченном по правам ребенка¹⁸),
- общественных советов (в статье 7 Закона Ярославской области¹⁹),
- общественных экспертных советов (в статье 16 Закона Волгоградской области²⁰),
- консультативных советов (в статье 4 Закона Брянской области²¹) и т.д.

В юридической науке под экспертным советом понимается коллегиальный орган, участие в работе которого принимают лица, обладающие специальными познаниями в той или иной области (наличие профессионального признака)²². Целью его создания является содействие Уполномоченному по правам ребенка в вопросах, требующих специальных познаний (целевой признак). В свою очередь, общественный совет может состоять из лиц, например, имеющих активную жизненную позицию, и его целью может быть создание

¹⁵ Данилина Т.В., Тесленко И.В. Пути совершенствования взаимодействия общественных организаций и Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области [Электронный ресурс] // URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/411>.

¹⁶ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Пензенской области за 2014 год [Электронный ресурс] // URL: <http://penza.rfdeti.ru/files.php>.

¹⁷ Официальный сайт депутата законодательного собрания Санкт-Петербурга Максима Резника [Электронный ресурс] // URL: <http://maximreznik.ru/?p=5348>.

¹⁸ Закон Республики Карелия от 11.03.2011 г. № 1468-ЗПК «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Карелия» // Карелия, № 18, 17.03.2011.

¹⁹ Закон Ярославской области от 28.12.2010 г. № 55-з «Об Уполномоченном по правам ребенка в Ярославской области» // Документ-Регион, № 103-а, 29.12.2010.

²⁰ Закон Волгоградской области от 09.01.2007 г. № 1403-ОД «Об уполномоченном по правам ребенка в Волгоградской области» // Волгоградская правда, № 9, 19.01.2007.

²¹ Закон Брянской области от 11.11.2013 г. № 98-З «Об Уполномоченном по правам ребенка в Брянской области» // Официальная Брянщина, № 33, 20.11.2013.

²² Лукашова, Н. Ф. Взаимодействие уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации с органами государственной власти и другими структурами в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 147.

переговорной площадки с органами власти и т.д. По этой причине целесообразна организация при Уполномоченном по правам ребенка в субъектах Российской Федерации обеих структур.

При этом в законодательстве субъектов Российской Федерации не конкретизируется правовой статус указанного коллегиального органа. Как правило, региональным законом предусмотрено, что положения об общественных (экспертных, коллегиальных) советах и их составы утверждаются самим Уполномоченным по правам ребенка.

Несмотря на пробелы нормативного урегулирования вопроса, следует отметить положительный опыт работы подобных советов в некоторых регионах. Так члены Экспертного совета по вопросам защиты прав и законных интересов ребёнка при Уполномоченном по правам ребёнка в Свердловской области требовательно и критически подходят не только к действиям различных чиновников, но и к работе самого Уполномоченного по правам ребенка в регионе. Например, на заседании Экспертного совета Свердловской области в феврале 2013 года с повесткой дня «О положении семьи и детей в Свердловской области» было отмечено, что доклад регионального Уполномоченного по правам ребенка носит информационный, а не аналитический характер; в представленном им материале отсутствует стратегия и тактика решения конкретных проблем, которые вытекают из приведенной статистики, не отражен уровень взаимодействия всех звеньев системы социального сопровождения детей²³.

Национальной Стратегией действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы предусмотрено привлечение детей к участию в принятии решений, затрагивающих их интересы. В Республике Крым и некоторых других субъектах России, помимо Общественного совета при Уполномоченном по правам ребенка функционирует Детский совет, в состав которого входят несовершеннолетние, достигшие возраста 10 лет с согласия родителей (лиц, их заменяющих)²⁴. На заседаниях Детского совета присутствуют педагоги или психологи.

Одним из эффективных способов создания благоприятной психологической атмосферы в гражданском обществе является взаимодействие Уполномоченных по правам ребенка с религиозными организациями при обеспечении прав детей. Наиболее тесные контакты детскими правозащитниками поддерживаются с учреждениями Русской православной церкви. Во многих регионах (Белгородской, Свердловской, Тульской и других областях²⁵) между детскими Уполномоченными и региональными епархиями Русской православной церковью заключены Соглашения о сотрудничестве.

Совместное проведение мероприятий с религиозными организациями в сфере защиты прав и законных интересов ребёнка осуществляется, прежде всего, по вопросам содействия физическому, интеллектуальному и нравственному развитию детей; укрепления и развития института семьи; нетерпимости ко всем формам насилия в отношении детей; участия в защите детей от факторов, негативно влияющих на их развитие; социальной реабилитации детей, попавших в трудную жизненную ситуацию и т.д.

Указанные направления сотрудничества реализуются путём разработки и реализации совместных программ по различным аспектам охраны семьи, материнства, отцовства и детства; создания координационных и совещательных органов; участия в системе общественного контроля за соблюдением прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; организации работы с семьями несовершеннолетних, находящихся в местах лишения свободы; осуществления иных форм сотрудничества²⁶.

Еще в 2006 году Всемирный Православный Собор, в своей резолюции отметил необходимость введения на государственном уровне должность защитника детей и их прав²⁷.

На совещании «О взаимодействии Уполномоченных по правам ребенка Северо-Западного Федерального округа с Русской православной церковью в сфере защиты прав детей на семью», прошедшем в октябре 2014 года в г. Архангельске, помимо прочего, принято решение обратиться к Президенту Российской Федерации с предложением о закреплении ценности традиционной семьи в преамбуле Конституции России. Данная

²³ Протокол заседания Экспертного совета по вопросам защиты прав и законных интересов ребёнка при Уполномоченном по правам ребёнка в Свердловской области от 28.02.2013 г. № 1 [Электронный ресурс] // URL: http://www.svdeti.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1042:expert&Itemid=93.

²⁴ Закон Республики Крым от 25.08.2014 г. № 57-ЗРК «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Крым» // Крымские известия, 30.08.2014 г., № 174.

²⁵ Соглашение о взаимодействии Белгородской и Старооскольской епархии Русской Православной Церкви и Уполномоченного по правам ребенка в Белгородской области от 28.01.2012 года [Электронный ресурс] // URL: <http://beldeti.ru/documents/agreements>.

²⁶ Соглашение о сотрудничестве Уполномоченного по правам ребёнка в Свердловской области и Централизованной религиозной организации Екатеринбургская Епархия Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/index.php/docs/ep-docs/36-soglashenie-1>.

²⁷ О законодательном обеспечении деятельности уполномоченных по правам ребенка в субъектах РФ (по материалам заседания президиума Совета по взаимодействию Совета Федерации Федерального Собрания РФ с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ (Совета законодателей) // Аналитический Вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ, 2011, № 11 (423). С. 30.

законодательная инициатива была подписана собравшимися и направлена в адрес главы государства. Указанные предложения, по мнению Уполномоченных по правам детей в округе, обозначат некий ценностный ориентир и послужат укреплению статуса традиционной семьи²⁸.

Имеется опыт взаимодействия Уполномоченных не только с институтами Русской православной церкви, но также с католическими, еврейскими и другими благотворительными центрами²⁹.

Таким образом, Уполномоченные по правам ребенка в своей деятельности активно поддерживают проекты религиозной общественности, осуществляемые в интересах детей.

Безусловно, дальнейшее развитие сотрудничества детских омбудсменов с институтами гражданского общества может значительно повысить уровень защиты интересов несовершеннолетних и обеспечить наилучшие условия для полноценного формирования личности ребенка.

Список литературы

1. Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: Автореф. докт. дис. М., 2009.
2. Данилина Т.В., Тесленко И.В. Пути совершенствования взаимодействия общественных организаций и Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области [Электронный ресурс] // URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/411>.
3. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Пензенской области за 2014 год [Электронный ресурс] // URL: <http://penza.rfdeti.ru/files.php>.
4. Ежегодный доклад за 2013 год Уполномоченного по правам ребенка в городе Санкт-Петербург [Электронный ресурс] // URL: http://www.spbdeti.org/files/doklad_uppr_v_spb_2013.pdf.
5. Закон Брянской области от 11.11.2013 г. № 98-З «Об Уполномоченном по правам ребенка в Брянской области» // Официальная Брянщина, № 33, 20.11.2013.
6. Закон Волгоградской области от 09.01.2007 г. № 1403-ОД «Об уполномоченном по правам ребенка в Волгоградской области» // Волгоградская правда, № 9, 19.01.2007.
7. Закон Республики Карелия от 11.03.2011 г. № 1468-ЗПК «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Карелия» // Карелия, № 18, 17.03.2011.
8. Закон Республики Крым от 25.08.2014 г. № 57-ЗПК «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Крым» // Крымские известия, 30.08.2014 г, № 174.
9. Закон Ярославской области от 28.12.2010 г. № 55-з «Об Уполномоченном по правам ребенка в Ярославской области» // Документ-Регион, № 103-а, 29.12.2010.
10. Лукашова, Н. Ф. Взаимодействие уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации с органами государственной власти и другими структурами в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
11. Официальный сайт депутата законодательного собрания Санкт-Петербурга Максима Резника [Электронный ресурс] // URL: <http://maximreznik.ru/?p=5348>.
12. О законодательном обеспечении деятельности уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации (по материалам заседания президиума Совета по взаимодействию Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации (Совета законодателей) // Аналитический Вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ, 2011, № 11 (423).
13. Полпред собрал омбудсменов // Невское время. Северо-Запад. 28.05.2013.
14. Протокол заседания Экспертного совета по вопросам защиты прав и законных интересов ребёнка при Уполномоченном по правам ребёнка в Свердловской области от 28.02.2013 г. № 1 [Электронный ресурс] // URL: http://www.svdeti.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=1042:expert&Itemid=93.
15. Резолюция совещания «О взаимодействии Уполномоченных по правам ребенка Северо-Западного Федерального округа с Русской православной церковью в сфере защиты прав детей на семью» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.detinao.ru/news>.
16. Ржевская Л.В. Институт уполномоченного по правам ребенка: опыт России и зарубежных стран // Юридический мир. 2010. № 8.

²⁸ Резолюция совещания «О взаимодействии Уполномоченных по правам ребенка Северо-Западного Федерального округа с Русской православной церковью в сфере защиты прав детей на семью» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.detinao.ru/news>.

²⁹ Ежегодный доклад за 2013 год Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // URL: http://www.spbdeti.org/files/doklad_uppr_v_spb_2013.pdf.

17. Соглашение о взаимодействии Белгородской и Старооскольской епархии Русской Православной Церкви и Уполномоченного по правам ребенка в Белгородской области от 28.01.2012 года [Электронный ресурс] // URL: <http://beldeti.ru/documents/agreements>.
18. Соглашение о сотрудничестве Уполномоченного по правам ребёнка в Свердловской области и Централизованной религиозной организации Екатеринбургская Епархия Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/index.php/docs/ep-docs/36-soglashenie-1>.

ЦЕЛЕВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ефремова Т.Д.

Московский городской педагогический университет, г.Москва

Необходимым условием в исследовании содержания и сущности правоприменительной деятельности местного самоуправления является не только обоснование современного представления о её понятии, характере её субъектов, их правовых возможностях, но и анализ направлений её осуществления. Цель правоприменительной деятельности органов местного самоуправления во многом схожа с правоприменительной деятельностью других органов, таких как суды, органы внутренних дел, таможенные органы, но в тоже время имеет свои отличия. Данные отличия цели правоприменительной деятельности местного самоуправления обуславливается наличием трех составляющих предназначения правоприменительной деятельности местного самоуправления: а) правоприменительная деятельность направлена на регулятивное воздействие на местные общественные отношения; б) правоприменительная деятельность является основой правового мониторинга действующего законодательства; в) акцептирует деятельность специально созданных субъектов ее осуществления по принятию специфических решений. Рассмотрим каждую составляющую более подробно.

При помощи регулятивного воздействия правоприменительной деятельности осуществляется управление на местном уровне, т.е. муниципальное управление без которого муниципальное образование не может существовать, функционировать и развиваться. Упорядочивая общественные отношения посредством правоприменительной деятельности, государство наделяет компетентные органы и должностные лица местного самоуправления правом не только решать вопросы местного значения, но и выступать от его имени и по его уполномочию принимать решения в зависимости от сложившихся правоотношений. Необходимость правоприменительной деятельности местного самоуправления состоит в том, что она призвана осуществлять организацию исполнения предписаний правовых норм, «позитивного регулирования с помощью индивидуальных актов»³⁰, т.е. применение правовых норм в целях их реализации, воплощения в реальное поведение субъектов. Посредством применения права осуществляется реакция органа или должностного лица на возникшую ситуацию, т.е. осуществляется индивидуальное регулирование возникших отношений. Данное регулирование обусловлено самой природой общественных отношений, складывающихся в местном самоуправлении и позволяет обеспечить учет мнения населения муниципальных образований, гарантируемых государством интересов и прав местного самоуправления при выработке и осуществлении государственной политики в различных сферах общественной жизни. Решение этих дел требует безусловного учёта местных условий и возможностей, а также демократических процедур, обеспечивающих осуществление непосредственным образом права граждан участвовать в управлении публичными делами, и на этой основе способствуют повышению эффективности управления³¹. Для реализации же указанного выше регулирования органы местного самоуправления наделены соответствующим функционалом, позволяющим решать вопросы местного значения, реализовывать отдельные государственные полномочия посредством разработки и принятия нормативно-правовых актов, реализации права законодательной инициативы, взаимодействия с организациями различных организационно-правовых форм.

Вторая составляющая предназначения правоприменительной деятельности заключается в том, что она представляет собой основу правового мониторинга действующего законодательства, охватывающего собой правотворческий процесс и оценку качества действующих правовых актов через систему мер наблюдения, анализа, оценки и прогноза состояния правовой сферы жизни общества. Так как органы и должностные лица местного самоуправления в правоприменительной деятельности используют нормы различных отраслей права и

³⁰ Лившиц Р.З. Теория права. -М.: Издательство БЕК Москва, 1994. -С.134

³¹ Васильев В.И. О функциональном назначении местного самоуправления / В.И. Васильев // Журнал российского права. -2007. -№7. С.75.

весь объем права реализуется именно на местном уровне, можно с уверенностью утверждать, что данная деятельность в полной мере является отражением жизнеспособности того или иного правового акта. Правоприменительная деятельность местного самоуправления во многом является неким катализатором и показателем «живучести» правовых норм, в частности она позволяет отражать связь между облеченными в правовую форму теоретическими наработками, положенными в основу того или иного законодательного акта и применимости их к реальной жизни, характеризующаяся качеством правовых норм, их общественно полезной направленностью, непротиворечивостью, ясностью, конкретностью.

Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления утверждается в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации³². Однако показатели эффективности работы органов и должностных лиц местного самоуправления касается в основном исполнительных органов местного самоуправления. Что же касается показателей работы представительных органов местного самоуправления, то законодательство в этом аспекте достаточно пробельно. На наш взгляд, показатели, разработанные для исполнительных органов не совсем применимы к оценке эффективности деятельности представительных органов местного самоуправления, поскольку сама природа этих органов кардинально отличается. Поэтому назрела необходимость разработки самостоятельных показателей оценки эффективности деятельности для представительных органов местного самоуправления, основанных на анализа качества разработанных нормативно-правовых актов. По нашему мнению действенными показателями эффективности деятельности как, так и исполнительных органов местного самоуправления является общественное мнение и информация из материалов средств массовой информации. Хорошей площадкой для их отражения может стать интернет пространство, а именно интернет-сайты муниципальных органов, которые бы содержали бы полный объем информации об их деятельности. Вполне логично аккумулировать соответствующую информацию в информационно-аналитических управлениях законодательных органов субъектов Федерации, т.к. они обладают достаточными средствами и возможностями для реализации указанных функций.

Предоставление специально созданным субъектам правоприменительной деятельности возможности реализации правовых норм и принятия специфических правовых актов – третья составляющая предназначения правоприменительной деятельности местного самоуправления. Органы и должностные лица местного самоуправления это специально созданные субъекты реализации данной деятельности, которые наделены правом издавать правовые акты, содержащие нормы права федерального и регионального законодательства и регулирующие правоотношения на местном уровне. Указанные выше органы путем применения ими диспозиции нормы права создают как производные решения, так и исходные. Среди производных решений можно выделить решения, возникающие из обеспечения подготовки и проведения муниципальных выборов, местного референдума; в организации выполнения планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования и другие, а среди исходных - решение, к примеру, об итогах аттестации муниципальных служащих³³. Базовым элементом появления данных решений является организационно-распорядительная форма самой деятельности органов местного самоуправления, которая направлена на осуществление основных их функций, а правоприменительная деятельность в свою очередь через организационно-распорядительную форму деятельности оказывает регулятивное воздействие на общественные отношения. Так, если орган местного самоуправления принял решение о возведении инженерных коммуникаций на определенной территории, то тем самым оно будет выражаться в вынесении соответствующего акта на основании соответствующей нормы права и в разрезе соответствующей компетенции. Такой порядок, на наш взгляд, является единственно верным, поскольку данная форма содержит в себе заранее установленные правила, определяющие порядок деятельности этих органов³⁴, т.е. имеет определенное содержание. Данный порядок определяет не только решения органов местного самоуправления, но и территориальные основы правоприменительной деятельности органов местного самоуправления, согласно которым органы местного самоуправления действуют, а их решения имеют силу исключительно в пределах «своего» муниципального образования и в отношении населения, проживающего на соответствующей территории. Такой смысл вытекает из их правовой природы, обусловленной законодательством и отличает их от правоприменения на федеральном и региональном уровнях, при этом их деятельность основана на применении всего российского законодательства.

Таким образом, цель правоприменительной деятельности местного самоуправления в конечном счете направлена на утверждение порядка, имеют свои особенности, обусловленные предназначением местного

³² Федеральный закон от 6 октября 2003г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» с послед. изм. // СЗ РФ.06.10.2003.№40. Ст. 3822.

³³ Викторов Б.А. Правовые основы деятельности органов внутренних дел. -М.:Юрид.литература,1969. -С.49.

³⁴ Недбайло П.Е. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М.: Юридическая литература, 2006. -С. 9.

самоуправления. Ее целевые установки отличают от применения норм права другими органами правоприменения. Правоприменительная деятельность местного самоуправления является существенным фактором жизни права, регулятором общественных отношений на местном уровне, а также отражением качества всего российского законодательства. Вместе с тем реализация целей правоприменительной деятельности местного самоуправления сопряжена с рядом трудностей, которые необходимо преодолевать.

Список литературы

1. Федеральный закон от 6 октября 2003г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» с послед. изм. // СЗ РФ.06.10.2003.№40. Ст. 3822
2. Васильев В.И. О функциональном назначении местного самоуправления / В.И. Васильев // Журнал российского права. -2007. -№7. С.75
3. Викторов Б.А. Правовые основы деятельности органов внутренних дел. - М.: Юридическая литература, 1969. -С.49
4. Лившиц Р.З. Теория права. - М.: Издательство БЕК Москва,1994. -С.134
5. Недбайло П.Е. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М.: Юридическая литература, 2006. -С. 9

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.03)

БАНКРОТСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНА

Баутин А.В.

Одинцовский гуманитарный университет, г.Одинцово

Несмотря на то, что кредитование в наше время является практически панацеей от всех бед, позволяя, даже не имея достаточных средств, стать владельцем собственного жилья, авто, сделать в квартире ремонт и т.д.,- все чаще и чаще заемщики после приобретения кредита оказываются в финансовой ловушке.

Непредвиденное увольнение с работы, понижение в должности, задержка зарплаты, семейные проблемы - все это и многое другое становится причиной неплатежеспособности заемщиков. В итоге – ежемесячные платежи по кредиту гасить нечем, пени и штрафы с каждым днем растут в геометрической прогрессии.

Обычно кредиторы в случаях неуплаты кредита уже со вторых суток просрочки платежа начинают начислять штрафы и пени за неустойку. При этом если по истечении 2-4 месяцев задолженность не погашается, банки или обращаются в суд с требованием возврата ссуды за счет залогового или личного имущества заемщика, либо передают дело коллекторскому агентству.

И несмотря на то, что закон «О банках и банковской деятельности» абсолютно не содержит каких-либо указаний о коллекторах, все же банки имеют полное право передавать права по взиманию долгов третьим лицам, если эти условия были заранее прописаны в кредитном договоре. Юристы настоятельно рекомендуют всем задолжавшим банкам заемщикам тщательно изучить свой кредитный договор: и если в нем нет пункта о передаче должников третьим лицам – заемщик может смело оспорить передачу своих долгов коллекторскому агентству.

Кредитные организации могут передавать должников коллекторам двумя методами. В первом случае банки полностью продают долг коллекторскому агентству, а проштрафившийся заемщик уже будет должен выплатить займ коллектору и это законно и даже прописано в 24 главе Гражданского Кодекса в параграфе 1, «переход прав кредитора к другому лицу» и параграфе 2 «перевод долга».

Во втором случае кредиторы заключают с коллектором договор, подразумевающий оказание услуги по взысканию долгов с заемщика за определенное денежное вознаграждение (комиссию). Какой бы метод банк не выбрал, если в кредитном договоре прописан пункт о коллекторах, кредитор имеет полное право передать должника третьим лицам даже без согласия последнего. При этом заемщику лишь придет извещение о том, что разбирательства по неуплате кредита переданы в коллекторское бюро.

Необходимость принятия "Закона о банкротстве физических лиц" назрела давно: непростая экономическая ситуация, большая просрочка кредитов у населения, беспредел со стороны банков и коллекторов - это вынудило перенести срок вступления закона в силу на более ранний срок.

Официально закон должен был вступить в силу 1 июля 2015 года, но отложили. Процедура банкротства позволит должнику получить по суду уменьшение процентной ставки (пропорционально инфляции) и рассрочку выплат на несколько лет или хотя бы процентная ставка будет на том же самом уровне, что и раньше.

Однако, процедура банкротства достаточно сложна. Только объём текста закона - несколько сотен страниц, не говоря уже о подробностях.

Кроме того, остаётся открытым вопрос – что делать должнику до принятия закона? Уже сейчас наблюдаются заведомо противозаконные действия банков и коллекторов, которые переходят все границы.

А теперь подробно рассмотрим этапы деятельности коллекторов и права и обязанности коллектора.

Первый этап деятельности коллектора заключается в предварительном дистанционном общении, в ходе которого должнику направляются письма, смс сообщения и поступают звонки с просьбами погасить долги по кредиту, а также попытками выяснить причину неуплаты и предложить возможные пути решения.

На втором этапе коллекторы могут вести себя намного жестче, присылая письма или звоня и угрожая арестовать движимое и недвижимое имущество заемщика, воспрепятствовать свободному передвижению и выезду должника за пределы города, региона или границу.

Если и после этого должники не погашают задолженность, коллекторы переходят к третьему этапу – активной обработке заемщика. Они могут приходить к нему домой, на работу, буквально заваливать письмами и «терроризировать» звонками с угрозами круглые сутки. Ну а некоторые коллекторы могут даже прибегнуть к незаконным методам шантажа и вымогательства, о чем непременно стоит сообщить в полицию.

В любом случае должнику, оказавшемуся «в плену» коллекторов, необходимо знать о своих законных правах. В первую очередь нужно проверить «законность» действий коллекторов, которые обязаны продемонстрировать доверенность от кредитора (копию договора об оказании коллекторских услуг) или договор о полном выкупе долга заемщика обязательно с подтверждением оплаты последнего.

Если действия коллектора законны, то необходимо учесть, что далеко не все их угрозы обоснованны. Так сборщики долгов не могут на законных основаниях запретить должнику выезжать за границу или отобрать у него жилье даже по суду (за исключением ипотеки), если оно является единственным пригодным местом для проживания заемщика.

Единственное, чего они могут добиться, так это наложения запрета на куплю-продажу квартиры до момента возврата долга. Да и по большому счету, все, на что могут рассчитывать коллекторы, так это на подачу иска в суд. И даже при выигрыше последнего лично изъять что-то у должника на законных основаниях они не смогут, так как за исполнение постановления суда на основе исполнительного листа будут отвечать судебные приставы.

Однако изрядно подпортить нервы неплательщикам коллекторы все же смогут. А поскольку закон о коллекторах в отечественном законодательстве еще не принят, ограничить их в ряде случаев недобросовестную деятельность – невозможно. Существует на данный момент существует проект закона о «Коллекторской деятельности», который уже станет препятствием к превышениям полномочий деятельности коллектора.

Лучше предупредить передачу ваших долгов коллекторам, не убежать и не прятаться от банка, а сразу же своевременно обратиться к кредитору и рассказать о своих проблемах. В большинстве случаев они вполне решаемы мирным путем. Банки могут предложить должнику продажу залоговой недвижимости или отсрочку платежей по его кредиту (при этом нужно будет оплачивать только проценты), а сам заемщик может даже объявить себя физическим банкротом. Главное – начать решать проблему своевременно.

Хотелось бы отметить, что на 2015 год «микрозаймы по паспорту» распространились на столько, что везде можно увидеть объявления о выдаче кредита. Данные организации в своих договорах с клиентом могут прописать 100% ставку и выше, по кредиту в течении месяца, то есть должник за месяц переплачивает такую же сумму, как раз эти организации и передают свои договора коллекторским агентствам.

Стоит заметить, если будут угрозы со стороны коллектора и посягательство на жизнь, на честь и достоинство гражданина, то это так же предусмотрено законом, после определения превышения полномочий коллекторов и фиксации его, можно составить дело и передать его в суд. Далее следует вносить в черный список номер телефона коллектора и больше не снимать трубку. Услуга «черный список» есть и у Ростелекома и других операторов. Встречи с должниками и разговоры «по душам» не являются их деятельностью, они лишь могут подать дело в суд, для решения данного вопроса и более оперативно и пристально добиваться выплаты долга в суде, если суд признает гражданина виновным, то в дело должен идти судебный пристав, а не коллектор.

В судебной практике есть и случаи, когда самих коллекторов осуждали за их деятельность, так, в 2013 году Центральный районный суд Комсомольска-на-Амуре приговорил к 13 годам лишения свободы бывшего работника коллекторского бюро 35-летнего Дмитрия Волли, пытавшегося "выбить" долги погибшей женщины с ее родственников. Кроме длительного лишения свободы бывшего коллектора приговорили к штрафу в 250 тысяч рублей, а также ограничению на два года его свободы после отбытия наказания.

Так же вопиющим случаем является дело суда в городе Новокузнецке (Кемеровская область) осудил бывших сотрудников коллекторского агентства, убивших должника. Трое бывших коллекторов приговорены к 8 годам, а их соучастник - к 5 годам и 5 месяцам лишения свободы в колонии строго режима. Подсудимые признаны виновными в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

К сожалению банки и мелкие кредитные организации не понимают, что прежде чем выдать человеку кредит, стоит предвидеть его платежеспособность, если же банк видит, что человек заведомо не сможет отдать деньги, то решение о выдаче кредита должно быть, на мой взгляд, незаконным. Так же незаконным должны являться и другие кредитные организации, которые выдают деньги, не проверив перед этим о финансовой состоятельности гражданина. Но есть и те, кто мог выплатить, но по форс-мажорным обстоятельствам не могут выплатить, в таком случае банк должен не выбивать деньги с клиента и накручивать ставку и пени, а должен пойти на встречу, предоставить возможность для выплаты. Человек все равно не выплатит, если он будет загнан в такие условия, что он не сможет нормально работать.

ВЛИЯНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ НА ПРОЦЕССЫ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ В КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ

Придворова М.Н., Чулкова О.С.

Тамбовский государственный технический университет, г.Тамбов

На протяжении всей истории развития отечественной юридической науки, вопросы правотворчества и правоприменения привлекали внимание ученых-правоведов, что было обусловлено особой значимостью и назначением данных процессов для правовой жизни общества. В ходе правотворческого процесса происходит познание и оценка общественных потребностей, нуждающихся в регламентации и упорядочении, их анализ и обобщение, определение приоритетов, которые находят затем воплощение, при помощи деятельности управомоченных органов, в соответствующих правовых актах.

Для того чтобы определить характер и степень взаимообусловленности процессов правообразования, правотворчества и деятельности суда по формированию положений судебной практики, необходимо обозначить общие механизмы, при помощи которых суд воздействует на право, случаи непосредственного и опосредованного влияния, имеющие место в процессе контроля вышестоящими судебными инстанциями правильности интерпретации правовых норм нижестоящими судами.

Взаимное воздействие судебной деятельности на правовые нормы следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, к полномочиям суда следует отнести возможность правовой оценки нормы права, с точки зрения ее соответствия действующему законодательству. Так, например, Конституционный Суд РФ решает вопросы права, связанные с пробелами в правовом регулировании, противоречивостью или абстрактностью норм Конституции Российской Федерации, несоответствием законодательства общеправовым принципам не изменяя текст Основного закона, совершенствует его смысл. Во-вторых, не вызывает сомнения важность судебного толкования действующего законодательства в процессе правоприменения. Исходя из обозначенных направлений поиска, следует сформулировать основные проблемы, связанные с определением значения судебной практики для правообразования. К ним относятся: определение сфер правовой действительности, где закрепление судебной практики в качестве источника права будет целесообразно и закономерно, определение степени обязательности правоположений судов различных уровней и обоснование и утверждение правил применения правоположений судебной практики к регулируемым отношениям.

В сфере корпоративного права, судебная практика наряду со вспомогательной функцией, чаще, чем в других отраслях права выполняет правотворческую задачу, становясь вспомогательным источником права. Наибольшее значение положения судебной практики приобретают при регулировании гражданско-правовых, в частности корпоративных отношений, при разрешении корпоративных споров.

К сожалению, юридическая доктрина и судебная практика свидетельствуют о том, что в арсенале правовых средств защиты до настоящего времени отсутствуют специфические, присущие только корпоративным отношениям, способы защиты прав, полагают С.Д. Могилевский и М.А. Егорова [1, с. 4]. Позиции судов весьма противоречивы.

Положения судебной практики, в виде актов высших судебных органов, отражают потребности общества в регулировании общественных отношений, первыми выявляя области неурегулированных или недостаточно четко урегулированных, с точки зрения закона, отношений. Регулятором подобных отношений выступает суд, который в процессе своей деятельности вырабатывает судебную практику, являющуюся связующим звеном между общественными отношениями и правовыми нормами. Многие из положений судебной практики в дальнейшем находят законодательное закрепление, выступая в качестве прообраза будущих правовых норм. Положения судебной практики аккумулируют в себе опыт применения существующих правовых норм, отражая реальные потребности в правовом воздействии.

Так, например, касаясь вопроса о правотворческих возможностях суда, Л.С. Явич полагал, что «судебное нормотворчество представляет своеобразную форму официального признания уже сложившегося права (правоотношений) или придания правового характера фактическим отношениям, которые берутся под защиту государства путем единообразного и постоянного вынесения судебных решений по аналогичным делам, или, наконец, форму выработки новых общих норм в результате обобщения судебной практики и вынесения высшими судами соответствующих директивных указаний, обязательных для нижестоящих судебных инстанций» [2, с. 140]. Вместе с тем, разъяснения высших судебных инстанций всегда занимали ведущее место во всей судебной практике.

Руководящая форма судебной практики выражается в особых актах высших судебных органов (Постановлениях Пленума Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда и Конституционного Суда РФ), в которых практика обобщенно формулируется в виде конкретизирующих нормативных предписаний. Подобный опыт применения законодательства, не связанный с непосредственным решением конкретных юридических дел, выступает в форме конкретизированных правоположений, формально-определенных предписаний, тем самым наиболее полно раскрывая своё волевое содержание, приближается к правотворческим актам и самостоятельным нормам права. Данными предписаниями конкретизируются в наиболее существенных и спорных положениях нормативно-правовые акты, что должно им придавать статус правовых норм. Судебные и иные правоохранительные органы обычно руководствуются разъяснениями и указаниями Верховного Суда РФ, содержащимися не только в постановлениях его Пленума, но также в обзорах судебной практики по отдельным категориям дел, кассационной или надзорной практики и т.д.

В сфере корпоративного права становится все более очевидной, существующая в практической жизни правосозидающая функция судебной практики, то есть она выполняет восполнительную роль по отношению к закону. Используя положения судебной практики высших судебных органов, для регулирования отношений, не нашедших прямого законодательного закрепления, суды могут предотвратить отказ в защите конкретного права, разрешив на основе правоположения спорный случай.

Практика, как основа всей юридической науки, критерий ее теоретических положений и выводов, не может сводиться к деятельности отдельной личности, государственного органа или государства, а представляет собой предметно-практическую деятельность общества в целом. Поэтому правильным можно считать подход к судебной практике как к понятию, обозначающему всю деятельность судебных органов по отправлению правосудия.

Социальная действительность находится в процессе постоянного развития, при этом возникают вопросы возникновения или отмены необходимости правового воздействия на соответствующие отношения, включаются процессы правотворчества, в результате чего создаются и оформляются правовые нормы. Отношения между правом и факторами, которые его порождают, имеют взаимозависимый, взаимопроникающий характер.

Список литературы

1. Могилевский С.Д., Егорова М.А. Корпоративная защита как отражение сущности корпоративных прав // Гражданское право. - 2015. - № 1. - С. 3-6.
2. Явич Л.С. Сущность права. – Л., 1985.

ДОБРОВОЛЬНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ В КОРПОРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Чулкова О.С.

Тамбовский государственный технический университет, г.Тамбов

Добровольное медицинское страхование (ДМС) является одним из самых перспективных видов страхования. В условиях утраты доверия бесплатной медицине, на первый план начинает выходить добровольное медицинское страхование, которое является залогом качественного сервисного медицинского обслуживания. В настоящее время в Российской Федерации значительно увеличился интерес к ДМС. В основном это связано с тем, что качество бесплатной медицинской помощи не соответствует мировым стандартам. Единственное решение этой проблемы – применение добровольного медицинского страхования, которое значительно расширяет перечень медицинских услуг, а главное – повышает их качество [3]. Опыт развитых стран доказывает, что именно добровольное медицинское страхование является наиболее эффективным инструментом финансирования системы здравоохранения. В современных условиях, среди современных тенденций ДМС нельзя не назвать расширение деятельности страховых медицинских компаний на рынке медицинских услуг. В целях удовлетворения интересов и запросов своих застрахованных клиентов, страховые организации объединяют под своим началом медицинские учреждения и предоставляют комплексную медицинскую помощь, которая включает в себя: частные поликлиники, коммерческие службы скорой помощи, врачей общей практики (бригады семейных врачей), частные больницы, санатории-профилактории. Следует отметить высокий уровень сервиса и качества оказываемых медицинских услуг данными учреждениями. Кроме того, содержание собственной медицинской сети ориентирует страховые медицинские компании на основные финансовые результаты частного бизнеса: рентабельность и прибыльность, что в конечном счете повышает экономическую эффективность оказания медицинской помощи и снижает стоимость лечения. Наиболее динамично развивающимся направлением совместной деятельности страховых организаций и медицинских учреждений будет начавшееся финансирование инвестиционных программ здравоохранения. Дорогостоящие (и, как правило, наиболее эффективные) технологии терапии и лечения требуют немалых финансовых вложений на обслуживание и приобретение медицинского оборудования, с другой стороны – именно они являются наиболее ликвидными и именно на них в большей степени ориентирован рынок платных медицинских услуг.

Основа успеха любого бизнеса – это командная работа специалистов, каждый из которых вносит свой вклад в формирование прибыли и развитие компании. Поэтому чуть ли ни на первом месте в списке приоритетных задач руководителя стоит создание комфортных условий для работы коллектива, в том числе и страхование сотрудников. Сегодня многие представители российского бизнеса – от корпорации до небольших фирм – расценивают страхование персонала как инвестиции в трудовой ресурс. Такой подход мотивирует сотрудников к улучшению качества труда, способствует повышению их лояльности и росту престижа работы в компании. В итоге, все затраты на оплату полисов возвращаются в виде прибыли.

Добровольное медицинское страхование, по сравнению с обязательным, полисы которого выдаются каждому гражданину РФ, обладает целым рядом преимуществ. В первую очередь, ДМС гарантирует более высокое качество медицинских услуг, вне зависимости от характера страхового случая. К примеру, на экстренные вызовы выезжает платная скорая помощь, которая прибывает на место в кратчайшие сроки, а в случае госпитализации пациентов помещают в комфортные палаты, кардинально отличающиеся от стандартных.

Также добровольное медицинское страхование позволяет пользоваться широким спектром дополнительных услуг, в частности, это может быть наблюдение у «семейного врача» или санаторно-курортное лечение. Необходимо отметить, что стоимость конкретной программы ДМС для юридических лиц зависит от количества и видов услуг, которыми может воспользоваться сотрудник. Медицинское страхование сотрудников может включать: амбулаторно-поликлиническую помощь; специализированную стоматологию; скорую медицинскую помощь; лечение в стационаре; вакцинацию от гриппа; страхование выезжающих за рубеж; страхование путешествующих по России вне зоны проживания; реабилитационно-восстановительное (санаторно-курортное) лечение; консультации в специализированных НИИ; ведение беременности и родов; страхование родственников по корпоративным ценам.

В рамках корпоративных программ ДМС возможно застраховать не только самих сотрудников, но и членов их семей. Поэтому, многие страховые продукты включают медицинское обслуживание детей. Компании, планирующие заключить договор на добровольное медицинское страхование, могут не только выбрать набор услуг, но и медицинские учреждения, на базе которых будет происходить наблюдение и лечение. Кроме того,

медицинское страхование для юридических лиц предусматривает возможность изменения списка застрахованных, что особенно актуально при увольнении или найме новых сотрудников.

Основное отличие корпоративного ДМС от страхования физических лиц заключается в более значительной сумме покрытия при меньших затратах на страхование каждого отдельного сотрудника. Именно поэтому по таким программам становится выгодным не только ДМС страхование работников, но и членов их семей, которое также осуществляется по льготным тарифам. Вне зависимости от программы, страхование персонала компании – это трехсторонние отношения. Здесь в качестве страхователя выступает юридическое лицо, которое заключает договор со страховщиком – компанией, имеющей лицензию на данный вид деятельности. Это делается в интересах застрахованного лица – сотрудника компании, который должен получить медицинские услуги или материальную компенсацию при наступлении указанных в договоре страховых случаев. В заключении следует отметить, согласно статье 255 Налогового Кодекса РФ, издержки на добровольное медицинское страхование (но не более 6% от расходов на оплату труда) относятся к расходам, которые несет юридическое лицо, и сокращают налогооблагаемую часть прибыли, а в соответствии со ст. 213 НК РФ расходы на страхование не включаются в состав совокупного годового дохода сотрудника. Таким образом, благодаря действующим налоговым льготам, компаниям-работодателям стало выгоднее заботиться о здоровье своих сотрудников, что должно способствовать перспективному развитию добровольного медицинского страхования.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (с изм. и доп. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. - 2000. - № 32. - Ст. 3340.
2. Улыбина Л.К. Проблемы и перспективы развития добровольного медицинского страхования в России // Экономика и социум. - 2014. - №1(10). – С. 2-3.
3. Цыганова О.А., Ившин И.В. Медицинское страхование: учебное пособие. – Архангельск: Издательство Северного государственного университета, 2010. – 257 с.

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «МНОГОКВАРТИРНЫЙ ДОМ»

Рубцов В.А.

Соискателем учёной степени кандидата юридических наук,
Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВПО "Башкирский государственный университет"

Аннотация.

В статье рассмотрена проблема понимания термина «многоквартирный дом». Проблема автору видится в том, что смысл, придаваемый данному термину, в научной и практической деятельности, не полностью отражает суть данной правовой категории. Поэтому в целях уточнения сути данного термина была сделана попытка выявить основные признаки и свойства данного понятия, с целью дачи новой интерпретации данного термина.

В процессе работы применялся метод «простой темы. В результате был выявлен ряд признаков и свойств ранее не учтённых при описании данного термина. На основе проведенного исследования автором предлагается новое определение термину многоквартирный дом.

TO THE QUESTION OF THE DEFINITION OF "APARTMENT BUILDING"

Rubtsov V.A.

The applicant's degree candidate legal Sciences Sterlitamak branch of Federal
State budgetary educational institution VPO "Bashkir state University" state University"

Abstract.

The article considers the problem of understanding of the term "apartment building". The problem the author sees that the meaning attached to this term in scientific and practical activity, fully reflects the essence of this legal category. Therefore, in order to clarify the essence of this term was an attempt made to identify the main features and properties of this concept, with the aim of giving a new interpretation of the term. In the process, we have used the "simple theme. The

result revealed a number of characteristics and properties not previously taken into account in the description of this term. On the basis of the conducted research the author proposes a new definition to the term apartment building.

Ключевые слова: многоквартирный дом, энергоресурсы, определение, истина.

Keywords: apartment building, energy, determination, truth.

Актуальность данной темы исследования заключается в том, что до настоящего времени ни наукой гражданского права, ни наукой жилищного права не был передан смысл основной категории используемой жилищным законодательством – это термин «многоквартирный дом». В данной статье мы попытаемся представить основные признаки и свойства данного понятия, с целью новой интерпретации данного термина.

В самом общем смысле определение содержит сведения о значении слова. Сведения могут быть двоякого рода: либо пояснительного значения (слово «X» имеет определенное значение), либо указательного значения (слово «X» должно иметь определенное значение). В первом случае мы имеем дело с пояснительным или аналитическим определением, которое относится к предмету (а не знакам) и содержит утверждение, что предмет имеет определенные признаки. Во втором случае определение называется номинальным или синтетическим, поясняет знак, имя. Если понимать определение как анализ значения слова, то есть некое суждение, а любое суждение может обладать свойством истинности и ложности. В современном законодательстве используется синтетическое определение – это выражение воли законодателя («слово X должно иметь данное значение»), а воля не может быть ни истиной, ни ложной [1, с.86-87]

В рассматриваемом случае, и это отмечается рядом авторов, в юридической литературе, приводится единственное определение, данное многоквартирному дому (далее МКД) в пункте 6 «Постановления Правительства РФ № 47 от 28.01.2006 г.», как совокупность двух и более квартир, имеющих самостоятельные выходы, либо на земельный участок, прилегающий к жилому дому, либо в помещении общего пользования в таком доме.

Как справедливо было отмечено авторами С.Г. Певницким и Е.А. Чефрановой в работе «Многоквартирные дома: проблемы и решения», «МКД существует как объект градостроительной деятельности и учёта, не будучи при этом при этом единым объектом прав. Самостоятельными объектами права собственности являются его пространственные части. Общее имущество МКД принадлежит на правах собственности всем домовладельцам, оборотоспособности лишено и самостоятельным объектом прав не является» [2, с.80].

Действующее гражданское законодательство уделяет значительное внимание регламентации обязательств, возникающих по поводу недвижимости. Согласно ст. 130 ГК к недвижимости относятся земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и всё, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания и сооружения.

Ю.В.Романец все виды недвижимости делит на несколько групп: 1) земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты; 2) искусственно созданные объекты, прочно связанные с землей, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно (здания, сооружения); 3) особо значимые движимые объекты, подлежащие государственной регистрации (воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты); 4) предприятие как имущественный комплекс.

Поскольку к недвижимости относятся различные по свойствам и назначению объекты, необходимо установить, какие признаки позволили объединить их под одним понятием «недвижимость» и выработать для них единое регулирование. Анализ гражданского законодательства показывает, что такими признаками являются особая ценность и неповторимость этих объектов, требующие их индивидуализации и учёта [3, с.112].

С.Г. Певницким и Е.А. Чефрановой в работе «Многоквартирные дома: проблемы и решения», отмечается, законодательством не определен статус таких объектов недвижимости, как строения и сооружения. Доктринально принято считать, что сооружения носят скорее обслуживающий, технологический характер по сравнению со строениями, предназначенными к проживанию и иному непосредственному использованию. Однако по нашему законодательству не только все строения (сооружения) в целом могут быть недвижимостью, но и его отдельные обособленные части. Эти составные части единого фактического объекта, сами являющиеся объектами недвижимости, в зависимости от целей использования относятся к жилым или нежилым помещениям [4, с.74].

Основываясь на вышеприведенных точках зрения на данную проблему, можно констатировать, что указанное упущение ни кем не устраняется. Именно поэтому, мы предпримем попытку устранить его первыми.

Ретроспективный анализ исследуемой проблемы показал, что ещё Аристотель выделял основные вопросы, на которые следует дать ответ при описании того или иного предмета: «что», «почему», «есть ли», «что есть»? данный метод в юриспруденции начиная с XVI века называется «методом простой темы» [5, с. 196-197].

Отвечая на первый вопрос: «что» такое МКД? можно ответить следующим образом: во-первых, МКД – это объект недвижимого имущества, обладающий рядом признаков: особой ценностью и неповторимостью этих объектов, требующий их индивидуализации и учета. Мы считаем, что Ю.В.Романец не совсем верно отразил суть

указанных признаков. Так, например понятие « особая ценность», если это памятник архитектуры, то данный термин использован уместно, а если это барак времен военного коммунизма, то вероятно особой ценностью, он не обладает, то же относится к вопросу о неповторимости. Хотя, стоимостная составляющая в данных объектах очевидна. Вопрос об учёте и индивидуализации не вызывает возражений.

Отвечая на второй вопрос, «почему» данный объект существует? Можно ответить следующим образом, во-первых – это объект, реализующий себя вовне, при реализации своего предназначения предполагает наличие удовлетворения потребности людей в жилище. Вторым признаком будет то, что этот объект, обладая внутри себя, инженерным оборудованием (различными присоединенными сетями), имеет возможность передавать или ограничивать ресурсы потребителям непосредственно связанным с данным образованием. Отсюда, можно предположить, что МКД – это существенный элемент рынка реализации энергоресурсов страны, который является одним из уровней в системе реализации энергоресурсов до конечного потребителя.

Данный вид строительства по отношению к индивидуальным строениям относится как $\frac{3}{4}$ к $\frac{1}{4}$. На наш взгляд, смысл в таком строительстве имеет экономический эффект. Поясним это на конкретных примерах. Во-первых, это минимизация затрат на строительство застройщиком.

Во-вторых, более выгодно таким образом продавать энергоресурсы, особо не стараясь дойти до каждого клиента, а подходить сразу, к сотне обязанных законом приобретать клиентов, с сетью по продаже энерго услуг.

Третий признак–это объект, который в юридическом смысле обладает некоторым количеством составных частей, образуя единое целое, где фактическое выбивание элемента не возможно без несоразмерного причинения ущерба целостности объекта.

При этом фактически, как правило, МКД создается как единый объект, который может быть продан только по частям, что будет соответствовать действующему закону, при этом в процессе отчуждения будет «потеряна» существенная часть объекта, такая как общее имущество.

На другой, не менее важный на вопрос, «Почему МКД в настоящее время нельзя реализовать целиком?», можно дать следующее пояснение: это нарушит баланс экономических интересов, ведь единственный собственник в принципе может избрать иной вариант энергообеспечения, и чтобы это не приобрело массовый характер, на государственном уровне этот вопрос «заморожен».

Ещё один риторический вопрос – это вопрос земли. Если бы государство разрешило продавать МКД, то подверглось бы обороту огромное количество земельных участков в городах, чего видимо, наш государственный аппарат допустить не может.

На вопрос «Есть ли?» можно ответить следующим образом: основу классической концепции истины составляет принцип соответствия. Согласно этому принципу, истина определяется как соответствие знания об объекте самому объекту. В этом смысле классическая концепция истины является положительным ответом на вопрос о познаваемости мира.

История философии насчитывает целый ряд формулировок принципа соответствия, и, следовательно, существует несколько определений классического понятия истины: истина есть соответствие мыслей действительности, истина есть соответствие понятия (или представления) предмету, истина есть соответствие суждения факту и другие. Эти определения близки по смыслу, но не совпадают между собой. Разнообразие определений классического понятия истины говорит о том, что в полном смысле слова классическим является сам принцип соответствия (принцип корреспонденции). Во всех интерпретациях классического принципа соответствия речь идет о соответствии субъективного образа предмета самому предмету.

Представляется, что МКД не являясь предметом, которому затруднительно дать исчерпывающую характеристику, но в настоящее время определения, которое бы давало исчерпывающий ответ, на поставленный вопрос, нет.

Проблема, на наш взгляд, заключается в управляющем аспекте. Законодательное определение МКД описанное выше говорит нам о том, что МКД состоит из нескольких квартир. Согласно пункту 5 статьи 15 ЖК РФ общая площадь жилого помещения состоит из суммы площадей всех частей такого помещения, включая площадь помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в жилом помещении, за исключением балконов, лоджий, веранд и террас. В данном случае возникает вопрос: «Если любой объект имеет границы по отношению к внешнему миру, то почему квартира как объект имеет границы только внутренние?», а МКД, как объект имеет границы, как внешние, так и внутренние? Приобретая квартиру, собственник покупает объект, измеряемый по полу, но непонятно, где в данном случае заканчивается его право собственности и начинается «соседское» право? В индивидуальном строении и внешняя и внутренняя стена (граница) принадлежит тому, кто её купил, а в МКД – отнесена к общему имуществу.

Данные ограничения оказывают существенное влияние на инициативу собственника в распоряжении принадлежащего ему имущества, статья 29 ЖК РФ, этому прямое подтверждение. Разумеется, некоторые ограничения необходимы, но те ограничения, которые существуют сегодня, для собственников помещений, не соответствуют тем отношениям рыночной экономики, которые в настоящее время преобладают в нашей стране.

Отвечая на последний вопрос «что есть МКД?», выделим присущие ему признаки:

- это объект недвижимого имущества, обладающий существенной стоимостной составляющей;
- это объект, подлежащий индивидуализации и учёту;
- это объект, позволяющий удовлетворять интересы человека в жилище;
- это элемент механизма государственного управления;
- это необходимый элемент рыночной экономики в реализации энергоресурсов;
- это объект с ограниченной гражданско-правовой оборачиваемостью;
- это объект, который, обладая внутри себя, инженерным оборудованием, имеет возможность передавать или ограничивать ресурсы потребителям, непосредственно связанным с данным образованием;
- это объект, который обладает некоторым количеством составных частей образуя единое целое, где фактическое выбывание элемента не возможно без несоразмерного причинения ущерба целостности объекта.
- это объект, который может быть продан по частям и целиком, «де юре», так нельзя, «де факто», продаются квартиры, т.е. элементы, меньшие по объёму целого МКД, с правом собственности на весь МКД. При продаже частей МКД презюмируется переход в собственность не приобретенного имущества, но необходимого для эксплуатации приобретенного;
- это объект, который может быть сдан в аренду, заложен, сдан в управление.

Другими словами – это один из объектов жилищного рынка, который обладает всеми характеристиками, необходимыми для участия в рыночных отношениях в качестве инструмента извлечения прибыли, как для лиц обладающих правами собственности на отдельные элементы или полностью на объект, так и для лиц оказывающих услуги для жизнедеятельности данного образования.

Резюмируя сказанное, хотелось бы отметить многогранность понятия «многоквартирный дом», который, по своей природе в состоянии приобрести ряд определений в зависимости от той платформы, на которой будет находиться исследователь.

В этой связи нами были выделены признаки экономического, управленческого, правового свойства, характеризующие многогранность интерпретации образования МКД. Сочетать их в одном определении представляется не уместным по той причине, что в этом случае определение понятия «МКД» может стать логически неверным.

Принимая во внимание ряд существенных признаков, определяющих понятие «многоквартирный дом» с позиций концептуальных положений гражданского права и основываясь на закономерностях признанного большинством исследователей цивилистского подхода, мы будем рассматривать многоквартирный дом, как единый объект недвижимого имущества, обладающий способностью к правовому разделению на элементы, для наиболее полного удовлетворения интереса участников жилищных отношений.

Список литературы

1. Полдников Д.Ю. Институт договора в правовой науке Западной Европы XI-XVIII веков. –М.: Изд.дом Высшей школы экономики. С.86-87, 196-197
2. Певницкий С.Г., Чефранова Е.А. Многоквартирные дома: проблемы и решения. –М.:Статут, 2006. – С.74,80
3. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2013. С.112
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 06.04.2015) // www.consultant.ru
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 31.12.2014)(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2015)// www.consultant.ru

О «МНОГОЛИКОМ» ЕДИНОЛИЧНОМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ОРГАНЕ КОРПОРАЦИИ

Киракосян С.А., Власова А.В.

Кафедра гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВПО
«Кубанский государственный университет», г.Новороссийск

Согласно пункту 1 ст. 53 Гражданского кодекса (далее – ГК РФ) юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие от его имени. Иными словами, выступая в качестве самостоятельного субъекта гражданских правоотношений, юридическое лицо реализует правоспособность и дееспособность через свои органы, посредством которых происходит формирование и выражение его воли [3].

Ранее Гражданский кодекс предполагал, что в качестве единоличного исполнительного органа, выражающего волю юридического лица может выступать либо единоличное физическое лицо, наделённое правом осуществлять текущую деятельность (руководитель, директор) или иное юридическое лицо (управляющая компания). Но с 1 сентября 2014 года положение о единоличном исполнительном органе, образуемом в корпорациях, существенно изменилось. Так, новая редакция пункта 3 ст. 65.3 ГК РФ позволяет осуществлять полномочия единоличного исполнительного органа несколькими лицам, действующим совместно, либо образовать несколько единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга (п. 3 ст. 65.3 ГК РФ).

Введение такого положения в ГК РФ обусловлено стремлением законодателя внедрить в российское гражданское право передовой зарубежный опыт, ведь возможность иметь нескольких руководителей одного юридического лица – так называемое правило «двух ключей», давно предусмотрено законодательством Германии, Франции, Великобритании и других европейских государств. Безусловно, ориентир на европейский зарубежный опыт стран, в которых гражданское право отличается высоким уровнем развития, позволяет совершенствовать институты российского гражданского права. Однако введение новых правовых институтов требует всестороннего анализа и оценки, дабы не стать причиной обхода закона и не способствовать формированию негативной судебной практики.

Закрепив возможность выступать от имени корпорации несколькими лицам, законодатель преследовал цель упростить и одновременно ускорить гражданский оборот. Действительно, данная возможность позволяет распределить полномочия, снизить степень «загруженности» одного директора, способствуя увеличению количества совершаемых сделок и тем самым повышая эффективность деятельности юридического лица. Также, введение такого правила исключает вероятность временной утраты корпорацией своей дееспособности, например, в случае болезни единственного директора. Более того, полагаем, что одним из главных преимуществ нового института является установление взаимного контроля между представителями разных участников корпорации при ведении хозяйственной деятельности пролоббированными ими лицами.

Несмотря на очевидные преимущества, использование данного института на практике вызывает определенные трудности. Это, прежде всего, связано с терминологической путаницей, а именно исполнительный орган, который может включать несколько лиц, именуется единоличным. Как прокомментировал введённое положение судья ВАС РФ в отставке С.В. Сарбаш, «в данном случае происходит разрыв шаблона». Мы полностью разделяем эту точку зрения, поскольку название «единоличный исполнительный орган» противоречит природе органа, предусматривающего наличие в его составе двух и более лиц. Таким образом, возникает вопрос, в чём отличие многоликого единоличного исполнительного органа, включающего в себя множественность лиц, от коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции и т.п.), наличие которого также предусмотрено гражданским законодательством (абз. 2 п. 3 ст. 65.3 ГК РФ). Есть ли необходимость предоставлять соответствующие полномочия нескольким лицам и именовать коллегиальный по своей природе исполнительный орган единоличным?

Теперь обратим внимание на используемую применительно к множественности директоров формулировку «действующие совместно». Если толковать ее буквально, то предполагается, что действия каждого из директоров должны быть согласованы с другим директором. То есть, очевидно, что для осуществления своих полномочий одним директором потребуется одобрение иных лиц, входящих в состав единоличного исполнительного органа. Представим себе корпорацию с четырьмя-пятью директорами и процедуру согласования принимаемых решений, совершаемых сделок между ними. На наш взгляд, необходимость одобрения действий одного из директоров всеми членами единоличного органа не способствует ускорению и упрощению гражданского оборота, напротив, процедура согласования может затянуться на длительное время, если учитывать, что количество директоров

может быть весьма значительным. Кроме того, существует риск оспаривания сделки корпорации, совершенной без необходимого в силу закона согласия третьих лиц (в данном случае остальных директоров) (ст. 173.1 ГК РФ). Полагаем, наличие такого риска противоречащим цели реформирования гражданского законодательства; ведь предоставление возможности оспорить заключенную сделку отнюдь не способствует стабильности и сохранности гражданско-правовых отношений. Решением данной проблемы может быть распределение компетенций между директорами. Например, за одним директором можно закрепить полномочия представлять интересы корпорации во взаимоотношениях с третьими лицами и заключению от имени корпорации сделок, ведение переговоров; за вторым – внутрикорпоративные полномочия по взаимодействию с другими органами управления корпорацией; за третьим – полномочия в сфере регулирования трудовых правоотношений.

Следующим не менее важным положением, закрепленным законодателем, является указание на возможность создавать несколько единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга. На наш взгляд, такая возможность уместна в случаях, если значительны масштабы производства юридического лица, и оно осуществляет свою деятельность в нескольких направлениях одновременно. То есть предполагается, что каждый директор, отвечая за своё направление, действует самостоятельно и не нуждается в согласовании своих действий с иными лицами.

В соответствии с гражданским законодательством, полномочия каждого директора должны быть прописаны в учредительных документах, а также должны быть включены в единый государственный реестр юридических лиц (абз. 3 п. 1 ст. 53 ГК РФ). С учётом положений ГК РФ, а также зарубежного опыта, устав юридического лица может предусматривать разнообразное количество способов осуществления принципа «двух ключей»: например, в одном случае для заключения сделки потребуется участие одного директора, в другом может потребоваться участие двух из трёх возможных и т.д. Таким образом, в учредительных документах необходимо чётко прописывать всевозможные способы функционирования единоличного исполнительного органа, а для этого потребуется включать значительное количество информации в устав юридического лица.

Представляется не всегда возможным предусмотреть исчерпывающий перечень полномочий для каждого директора. Предположим, что заключение предстоящего договора не является полномочием ни одного из директоров, поскольку указание на соответствующий вид смешанного или непоименованного договора отсутствует в уставе корпорации. В данном случае вновь возникает сложность: какой директор должен заключать такой договор? Или представим, что лица, входящие в состав единоличного исполнительного органа, действуют независимо друг от друга, их полномочия четко указаны в уставе, но при этом один директор заключает сделку, входящую в перечень его полномочий, а другой совершает взаимоисключающую сделку. Снова возникает вопрос, какая из этих сделок будет считаться заключенной?

Также нельзя не учитывать возможность превышения директором своих полномочий. На этот случай законодатель в ст. 174 ГК РФ указывает, что если лицо, действующее от имени юридического лица без доверенности, при заключении сделки вышло за пределы своих полномочий, предусмотренных учредительными документами, то такая сделка может быть признана недействительной по иску лица, в интересах которого полномочия ограничены. Но здесь существует оговорка: в случаях, если доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать об ограничении полномочий. Согласно подп. 1 п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «по общему правилу контрагенты вправе полагаться на неограниченные полномочия директора, за исключением случаев, когда они знали об ограничениях или должны были о них знать, т.е. обстоятельства были таковы, что любое разумное лицо немедленно обнаружило бы превышение директором своих полномочий» [1]. Хотелось бы акцентировать внимание на формулировку «должны были знать». Очевидно, в данном случае предполагается, что другая сторона сделки должна осуществить проверку своего контрагента, а именно проверку положений устава и сведений, внесенных в ЕГРЮЛ. На наш взгляд, такую проверку могут осуществлять субъекты гражданских правоотношений, которые обладают определенными профессиональными навыками работы в предпринимательской сфере, а именно юридические лица и индивидуальные предприниматели. Но, предположим, что стороной сделки выступает физическое лицо, не имеющее специальных знаний в области корпоративных отношений. Должно ли оно проверять, разграничены ли уставом полномочия между директорами и вправе ли оно заключать сделку с данным директором? В таком случае для физических лиц определенно существуют риски признания сделок недействительными.

Безусловно, введение принципа «двух ключей» имеет положительные стороны, но в то же время применение его на практике, как было указано ранее, является весьма затруднительным. Полагаем, что данный принцип имеет право на существование, но для этого, прежде всего, необходимо устранить проблемы, возникающие с установлением пределов полномочий каждого директора.

Исходя из анализа положений Гражданского кодекса, в качестве пределов полномочий директоров выступают ограничения, предусмотренные учредительными документами юридического лица (п.1 ст. 174 ГК

РФ). На наш взгляд, нет необходимости прописывать полномочия каждого отдельного директора в учредительных документах юридических лиц. Это позволит не перенасыщать устав и ЕГРЮЛ излишней информацией, а также минимизирует количество споров, возникающих при осуществлении директорами своих полномочий. В подтверждение нашей точки зрения обратим внимание на следующие мнения российских ученых. Так, В.С. Якушев отмечает, что заместители директора наряду с директором наделяются правами по распоряжению имуществом предприятия [4]. По мнению В.В. Лаптева, если заместитель директора по труду и кадрам подпишет договор поставки той или иной продукции, то такой договор будет для предприятия обязательным [2]. Также, предложенного подхода придерживаются и европейские государства, в частности, в английском Законе «О компаниях» 2006 года указано, что «во взаимоотношениях с лицом, действующим добросовестно, полномочие директоров компании обязывать компанию и право передать это полномочие другим рассматривается как свободное от ограничений, предусмотренных в уставе компании».

Следует отметить, что осуществление принципа «двух ключей» предложенным нами способом не означает, что действия лиц, входящих в состав единоличного исполнительного органа не будут ограничены. В качестве возможных пределов будут и должны выступать основные начала гражданского законодательства, такие как добросовестность и недопустимость злоупотребления правом. Более того, законодатель сделал на этом акцент, закрепив в п. 3 ст. 53 ГК РФ положение о том, что лицо, выступающее от имени юридического лица, должно действовать в его интересах добросовестно и разумно. Полагаем, что именно этих пределов будет достаточно для признания действий директора законными, несмотря на то, что полномочия не будут разграничиваться в учредительных документах.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что использование правила «двух ключей» не является прямой обязанностью, в этой связи считаем, что его нужно применять, если в этом действительно есть необходимость. Например, в случаях, когда масштабы деятельности юридического лица весьма значительны. Более того, на наш взгляд, такое правило должно использоваться при условии, что лица, входящие в состав единоличного исполнительного органа, обладают навыками совместной работы, знают друг друга и относятся друг к другу с доверием, поскольку они представляют интересы одного юридического лица.

Список литературы

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // URL:<http://www.consultant.ru>
2. Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право. М.: Волтерс Клувер, 2006.
3. Суханов Е.А. Гражданское право: в 4 т. Том 1: Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2013.
4. Якушев В.С. Избранные труды по гражданскому и хозяйственному праву // Бизнес, менеджмент и право. 2012.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Чулкова О.С.

Тамбовский государственный технический университет, г.Тамбов

Действующее гражданское законодательство признает корпоративные отношения составной частью предмета гражданского права. Основные начала гражданского законодательства, закрепленные в ГК РФ, закладывающие основы правового регулирования корпоративной деятельности, определяют построение системы корпоративного управления с учетом интересов всех участников корпоративных отношений.

По нашему мнению, Е.А. Суханов наиболее верно характеризует принадлежность корпоративных отношений. Он полагает, что «гражданско-правовая (частноправовая) природа корпоративных отношений едва ли может быть подвергнута серьезным сомнениям и в российской правовой системе (лишь недавно возродившей принципиальное деление права на публичное и частное). Субъектами этих отношений являются исключительно субъекты гражданского права, а сами отношения, складывающиеся между участниками корпораций, а также между ними и корпорациями, безусловно, отвечают всем признакам отношений, составляющих предмет гражданского права в соответствии с п. 1 ст. 2 ГК РФ (в том числе когда речь идет о некоммерческих корпорациях): юридическое равенство участников, автономия их воли и имущественная самостоятельность» [3].

При этом до настоящего времени в юридической науке имеются различные, в том числе противоположные, точки зрения на правовую природу корпоративных правоотношений и их содержание.

Если брать за основу, основанные на членстве взаимоотношения в юридическом лице, то содержание корпоративных прав заключается в том, что это права субъектов - участников (учредителей) юридического лица. Следовательно, содержание корпоративного правоотношения образуют права и обязанности участников (учредителей), связанные с членством, и корреспондирующие с ними права и обязанности самой корпорации. При этом права участников корпораций, в своей основе преследующие частные интересы, конкретно закреплены в специальных нормах законодательства, также указаны обязанности.

Стоит согласиться с Д.А. Ломакиным в том, что правовая природа корпоративного отношения - это один из наиболее острых вопросов российской цивилистики [2, с. 134].

В п. 1 ст. 65.2 ГК РФ перечислены права участников корпорации, а это возможность: участвовать в управлении делами корпорации; в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом и учредительным документом корпорации, получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией; обжаловать решения органов корпорации, влекущие гражданско-правовые последствия, в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом; требовать, действуя от имени корпорации, возмещения причиненных корпорации убытков; оспаривать, действуя от имени корпорации, совершенные ею сделки по основаниям, предусмотренным ст. 174 ГК РФ или законами о корпорациях отдельных организационно-правовых форм, и требовать применения последствий их недействительности, а также применения последствий недействительности ничтожных сделок корпорации. Участники корпорации могут иметь и другие права, предусмотренные законом или учредительным документом корпорации [1].

Если говорить об обязанностях участников корпорации, то к ним, в соответствии с п. 4 1 ст. 65.2 ГК РФ, относятся обязанности: участвовать в образовании имущества корпорации в необходимом размере в порядке, способом и в сроки, которые предусмотрены настоящим Кодексом, другим законом или учредительным документом корпорации; не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности корпорации; участвовать в принятии корпоративных решений, без которых корпорация не может продолжать свою деятельность в соответствии с законом, если его участие необходимо для принятия таких решений; не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации; не совершать действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация. Участники корпорации могут нести и другие обязанности, предусмотренные законом или учредительным документом корпорации.

Порождает много опасений новая обязанность участника корпорации участвовать в принятии корпоративных решений, без которых корпорация не может продолжать свою деятельность в соответствии с законом, если его участие необходимо для принятия таких решений. Получается, что право голоса в корпорации превратилось в обязанность.

Особо подчеркнем, корпоративные права являются субъективными правами особого характера, отличающимися от вещных и обязательственных прав. Их специфика вызывает ряд дискуссионных вопросов практического характера, разрешение которых станет возможным с учетом складывающейся правоприменительной практики, так как решить проблемы в экономике путем усиления госрегулирования через нормотворчество, создания сверхимперативных норм невозможно.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
2. Ломакин Д.А. Корпоративное право: «новые» способы нерешения старых проблем // Вестник ВАС РФ. - 2009. - № 11.
3. Суханов Е.А. О предмете корпоративного права // Актуальные проблемы частного права: сборник статей к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова: Москва - Екатеринбург, 21 июня 2014 г. / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; отв. ред. Б.М. Гонгало, В.С. Ем. - М.: Статут, 2014. - 272 с.

СЛУЧАИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГРАЖДАНАМ В АРЕНДУ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЗ ПРОВЕДЕНИЯ ТОРГОВ

Балыков А.Н.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г.Владимир

Случаи предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в аренду на торгах и без проведения торгов, в том числе и для индивидуального жилищного строительства (далее - ИЖС) установлены статьей 39.6 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – Земельный кодекс РФ, ЗК РФ).

Договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается на торгах, проводимых в форме аукциона, за исключением случаев, указанных в Земельном кодексе РФ (п. 2 статьи 39.6 ЗК РФ).

В настоящей статье мы исследуем случаи предоставления гражданам земельных участков в аренду для ИЖС без проведения торгов.

Договор аренды земельного участка для ИЖС, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается без проведения торгов в случае:

- предоставления земельного участка, на котором расположены объекты незавершенного строительства, однократно для завершения их строительства собственникам объектов незавершенного строительства;
- предоставления земельного участка гражданам, имеющим право на первоочередное или внеочередное приобретение земельных участков в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации;
- предоставления земельного участка гражданам для ИЖС в соответствии со статьей 39.18 ЗК РФ.

Теперь подробнее разберем каждый из представленных случаев.

1. Договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается без проведения торгов в случае предоставления земельного участка, на котором расположены объекты незавершенного строительства, однократно для завершения их строительства собственникам этих объектов. При этом договор аренды заключается на срок до трех лет (ч. 10 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ).

Таким образом, ЗК РФ устанавливает, что предоставление права на земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, для завершения строительства расположенного на нем объекта незавершенного строительства (далее - ОНС) допустимо без проведения торгов, но только однократно. Правом на предоставление им участка в таком порядке обладают исключительно следующие лица:

- собственник ОНС, право собственности на который приобретено по результатам публичных торгов по продаже этого объекта, изъятого у предыдущего собственника в связи с прекращением действия договора аренды земельного участка; или
- собственник ОНС в случае, если: уполномоченным органом в течение шести месяцев со дня истечения срока действия ранее заключенного договора аренды земельного участка, на котором расположен этот объект, в суд не заявлено требование об изъятии этого объекта путем продажи с публичных торгов; либо судом отказано в удовлетворении данного требования или этот объект не был продан с публичных торгов по причине отсутствия лиц, участвовавших в торгах. Предоставление земельного участка в аренду без аукциона в данном случае допускается при условии, что такой земельный участок не предоставлялся для завершения строительства этого объекта ни одному из предыдущих собственников этого объекта.

Во всех остальных случаях реализация земельного участка (прав на него) должна осуществляться на торгах.

Законодатель установил специальное правило: в случае если право собственности на ОНС зарегистрировано до 1 марта 2015 года или соответствующий земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, предоставлен в аренду до 1 марта 2015 года, собственник такого ОНС имеет право приобрести соответствующий земельный участок в аренду сроком на три года однократно для завершения строительства ОНС без проведения торгов. Данное правило не применяется, если указанный земельный участок ранее был предоставлен в аренду любому из предыдущих собственников ОНС в соответствии с вышеописанным порядком.

2. Предоставление земельного участка гражданам, имеющим право на первоочередное или внеочередное приобретение земельных участков в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации.

Так, например, в пункте 14 статьи 17 Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» установлено, что инвалидам и семьям, имеющим в своем составе инвалидов, предоставляется право на первоочередное получение земельных участков для индивидуального жилищного строительства, ведения подсобного и дачного хозяйства и садоводства.

3. Предоставление по договору аренды земельного участка гражданам для ИЖС в соответствии со статьей 39.18 ЗК РФ.

Заинтересованный в предоставлении в аренду земельного участка гражданин обращается с заявлением о предварительном согласовании предоставления земельного участка с приложением схемы требуемого земельного участка в порядке, установленном статьей 36.15 ЗК РФ. Уполномоченный орган (обычно это орган местного самоуправления) вправе отказать в предварительном согласовании предоставления земельного участка только в случаях прямо предусмотренных законодателем (перечень оснований для отказа содержится в статье 39.16 и п.8 ст. 39.15 Земельного кодекса РФ).

При отсутствии установленных оснований для отказа в предварительном согласовании предоставления земельного участка уполномоченный орган обязан опубликовать в средствах массовой информации, а так же на собственном официальном сайте, извещение о предоставлении участка для указанных целей.

Если схема испрашиваемого земельного участка представлена заявителем в электронном виде, то она подлежит обязательному опубликованию в сети Интернет вместе с извещением.

В течение тридцати дней с момента опубликования извещения заинтересованные граждане вправе подавать заявления о намерении участвовать в аукционе на право заключения договора аренды - пункты 4, 5 ст. 39.18 ЗК РФ.

При отсутствии других заявок от граждан на участие в аукционе, уполномоченный орган обязан принять решение о предварительном согласовании предоставления земельного участка, которое одновременно является решением об утверждении представленной схемы земельного участка - пп.2 п.5 ст. 39.18 ЗК РФ.

На основании решения о предварительном согласовании предоставления земельного участка заинтересованный гражданин заказывает кадастровые работы и ставит земельный участок на кадастровый учет.

Заинтересованный гражданин в течение двух лет с момента принятия решения о предварительном согласовании предоставления земельного участка и после постановки земельного участка на кадастровый учет вправе обратиться с заявлением о предоставлении ему земельного участка в аренду.

Уполномоченный орган готовит проект договора аренды земельного участка, который направляет заинтересованному гражданину. Если в течение 30 дней с момента опубликования извещения поступают заявления об участии в аукционе от других граждан, уполномоченный орган обязан отказать в предварительном согласовании предоставления земельного участка, обеспечить самостоятельно выполнение кадастровых работ и провести торги. Решение о проведении аукциона должно быть принято в недельный срок.

Таким образом, системный анализ положений ЗК РФ позволяет сделать вывод, что посредством указанной процедуры земельные участки на праве аренды предоставляются гражданам в случае одновременного соблюдения двух условий: 1) земельный участок предоставляется без проведения аукциона в силу прямого указания положений ЗК РФ; 2) земельный участок не образован (и при этом отсутствует проект межевания территории) или его границы нуждаются в уточнении в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости».

Положительным моментом здесь является закрепление законодателем закрытого перечня оснований для отказа в предварительном согласовании (п. 8 ст. 39.15 ЗК РФ), а также установление сроков для рассмотрения уполномоченным органом власти заявления лица, заинтересованного в предварительном согласовании (п. 3 и 7 ст. 39.15 ЗК РФ). Указанные обстоятельства должны стать гарантом надлежащего соблюдения прав заинтересованных лиц органами государственной или муниципальной власти.

Таким образом, в настоящее время у граждан появился еще один способ приобретения прав на земельные участки для ИЖС без проведения торгов.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 29.10.2001, № 44, ст. 4147.
2. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 27.11.1995, № 48, ст. 4563.

3. Федеральным законом от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» // «Собрание законодательства РФ», 30.07.2007, № 31, ст. 4017.

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.05)

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.06)

СЕКЦИЯ №6.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ФИЛОЛОГО- КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ: ДЕФИНИЦИЯ, ТИПОЛОГИЯ, ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ

Пекарская И.В.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г.Абакан

Ещё восемь-десять лет тому назад понятие лингвистической экспертизы (судебной и несудебной) являлось новым в практике судопроизводства (уголовного, гражданского, административного, арбитражного и т.д.). Сегодня лингвистическая экспертиза стала достаточно популярным типом доказывания. Однако до сих пор существует целый ряд проблем, касающихся как дефиниции самого понятия (определения её целей, задач), так и типологии, методики проведения.

Вопросам лингвистической экспертизы посвящены, например, работы Е. Н. Бондаренко [1], Е. И. Галяшиной [2], Е. Р. Россинской [7] и др.

Очевидным является то, что само понятие лингвистической экспертизы представляется «размытым» (в него включаются и элементы автороведческой, и элементы почерковедческой, текстологической экспертиз [2]). На наш взгляд, сама лингвистическая экспертиза является одним из типов филологической, как мы считаем целесообразным её назвать, экспертизы – унифицированного криминологического исследования, способного оказывать помощь в судопроизводстве: как гражданском, так и уголовном (см. об этом: [4–6]).

Филология – это область гуманитарного знания, включающая в себя лингвистику (языкознание) и литературоведение. Языкознание (лингвистика) предполагает знание языка и владение им на уровне функционирования, то есть – владение речью. Поэтому-то приоритетной парадигмой современного филологического знания стало так называемое речеведение (ср. название монографии Е. И. Галяшиной – «Основы судебного речеведения»). Понятие «речеведческая экспертиза» вводит Е. Р. Россинская, включая в неё автороведческую, лингвистическую (устных и письменных текстов), почерковедческую, подчёркивая важность факта речевого производства, объединяющего их. И в этом есть своё рациональное звено [8]. Однако фоноскопическую экспертизу названный автор выводит в отдельную главу, не связывая этот вид экспертизы со звучащей речью, что представляется непоследовательным.

Речь имеет две формы своего существования – устную и письменную. На уровне устной речи можно говорить о возможности производства фонологической (фоноскопической) лингвистической/автороведческой экспертизы («фоно» – звук). На уровне письменной реально говорить о почерковедческой, автороведческой экспертизах. Таким образом, фоноскопическая (фонологическая) экспертиза может быть разновидностью и лингвистической, и автороведческой в зависимости от целей производства. Фоноскопическая автороведческая будет идентифицировать (устанавливать соответствие) экспертного голоса и голоса-образца, фоноскопическая лингвистическая будет обнаруживать или не обнаруживать, например, факт словесной агрессии, оскорбления,

унижения через использование специфических языковых средств и внеязыковых (экстралингвистических) фактов (интонации, мимики, жестов, темпа речи, тембра голоса и под.).

Литературоведение – вторая область филологии. Она занимается авторскими текстами. Но текст, как и его автор, тесно связаны и с лингвистическим выражением речи на уровне её письменной формы. Идиостилем сегодня активно занимается лингвоперсонология. Поэтому автороведческую и текстологическую экспертизы также можно назвать филологическими (литературоведческо-лингвистическими). Причём текстовой является и лингвистическая экспертиза, даже проводимая, строго говоря, не на уровне текста (когда исследуется слово, выражение, фраза). Исследуемый фрагмент всё равно анализируется в текстовом отрезке с выявлением особенностей его функционирования в письменной речи.

Таким образом, важна функциональная направленность: если фонологическая экспертиза и экспертиза почерковедческая требуют идентификации с автором, следовательно, эти виды экспертиз целесообразно рассматривать в рамках автороведческой, несмотря на то, что автороведческая экспертиза выкристаллизовалась из экспертизы почерковедческой, о чём пишет Д.П. Поташник [7, с. 263 и далее]).

Таким образом, в филологической экспертизе, которую рассматриваем в ряду криминалистических экспертиз наряду с дактилоскопической, баллистической, трасологической, можно выделять следующие виды (подвиды):

А) лингвистическая: собственно-лингвистическая; фолого-лингвистическая (фолого-видео-лингвистическая);

Б) литературоведческо-лингвистическая: автороведческая: почерковедческая (графологическая), в том числе судебно-техническая экспертиза документов, если они выполнены от руки; фонологическая; текстологическая.

В связи с этим, развивая идею Н. Д. Голева, который заговорил о лингвоюристике и юрислингвистике [3], на наш взгляд, сегодня целесообразно говорить уже о юридической филологии (юрисфилологии), предметом которой является юридический аспект филологии (ср., например, анализ художественных и публицистических текстов на предмет наличия в них экстремистского содержания), и филологической юриспруденции (филоюриспруденции), предметом которой являются филологические аспекты права [10–16]. Связано это с тем, что юрислингвистика затрагивает лишь вопросы языковедческого характера, оставляя в стороне проблемы литературоведческие. Лингвистика же и литературоведение вместе составляют филологию, а часто именно филологических (комплексных лингво-литературоведческих) исследований и требует сегодняшняя судебная практика.

Что касается потребности в проведении филологических экспертиз, то нами отмечается устойчивая тенденция роста их числа из года в год. Так, в Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова с 2000 по 2008 гг. было проведено 50 филологических (лингвистических, автороведческих, психолингвистических, этико-лингвистических, филологических (текстологических)) экспертиз и исследований как по запросам физических лиц, так и по определению суда, запросам прокуратуры. Только в 2015 г. (январь–июль) по запросам физических лиц, определению суда, запросам прокуратуры, судебных приставов, антимонопольной службы, службы наркоконтроля исследовано 23 материала (экспертиз – 4, что составляет 17,4% от общего числа; лингвистических, психолого-лингвистических, сравнительно-лингвистических исследований – 19, что составляет 17,4% от общего числа 82,6%).

Таким образом, если девять лет тому назад к экспертам-филологам Республики Хакасия обращались, в среднем, в год – 5–6 раз, то уровень сегодняшней практики обращений вырос до 23 экспертиз в полгода, что позволяет фиксировать увеличение частотности привлечения экспертов-филологов на 89%. Этот факт является иллюстрацией возрастающего интереса правоохранительных органов, юридических и физических лиц к филологической экспертизе (и филологическому исследованию) как к значимому доказательству по делам различного рода специализаций (уголовных, гражданских). Сложившаяся ситуация требует дальнейших серьёзных разработок в теории филоюриспруденции и юрисфилологии с целью повышения уровня значимости филологических экспертиз как доказательств по делу в коммуникативной практике состязательности в процессе как по гражданским, так и по уголовным делам.

Список литературы

1. Бондаренко, Е. Н. Утверждение о факте и оскорбительное высказывание как объекты лингвистической экспертизы / Е. Н. Бондаренко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Част 3. – № 10 (40). – 2014. – С. 54–57.
2. Галяшина, Е. И. Основы судебного речевого анализа: Монография / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М.: СТЭНСИ, 2003. – 236 с.

3. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 13–60.
4. Пекарская, И. В. Назначение и проведение лингвистической (филологической) экспертизы в уголовном судопроизводстве: дипломная работа по специальности 030501 – Юриспруденция. Специализация: Уголовное право. – Абакан, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2008. – 91 с.
5. Пекарская, И. В. Методика проведения лингв. экспертизы: аналитич. обзор существующих концепций и предложения к их систематизации // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковое развитие и языковое образование юга Сибири и сопредельных территорий: Материалы III Международной научно-практической конференции / науч. ред И. В. Пекарская; отв. ред. В. П. Антонов, Е. С. Грищева. Абакан, 2008. С. 103–107.
6. Пекарская, И. В. Филологическая экспертиза в современном судопроизводстве: проблемы типологии и функционирования // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: коммуникативные стратегии и тактики филологического образования в поликультурном коммуникативном пространстве. Материалы II Международной конференции. 23-25 октября 2007 г., г. Абакан. – Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. – С.166-169.
7. Поташник, Д. П.: Криминалистика. Учебник / Под ред. Н.П. Яблокова. – М.: Бек, 1995. – С. 263 и далее.
8. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005. – С.371-393

**СЕКЦИЯ №7.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.09)**

**СЕКЦИЯ №8.
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.10)**

**СЕКЦИЯ №9.
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.11)**

**ЗАДАЧИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИСПОЛНЕНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ЗЕМЕЛЬ В ПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ**

Кандидат юридических наук Мирошниченко М.Н.

г.Екатеринбург

В настоящее время уровень загрязнения окружающей природной среды в России очень высок, что имеет огромные отрицательные социально – экономические, экологические, политические и иные последствия.

Во многих промышленных регионах России, как, например, в Свердловской области, особо остро стоят проблемы охраны окружающей среды, так как влияние работы промышленных предприятий на окружающую среду значительно.

В исправлении создавшейся ситуации органам прокуратуры принадлежит важная роль, что обусловлено особым местом прокуратуры среди правоохранительных, контрольных и надзорных органов в России, осуществляющих свои функции в сфере использования и охраны земель.

Прокуратура – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации (ст. 1 ФЗ РФ «О прокуратуре Российской Федерации» [2]).

Под деятельностью прокуратуры по обеспечению исполнения законодательства об охране земель в промышленном регионе следует понимать соблюдение Конституции РФ и исполнение действующих на

территории Российской Федерации законов и иных нормативно-правовых актов, содержащих правовые нормы об охране земель в промышленном регионе и регламентирующих права граждан в указанной сфере, государственными органами исполнительной и представительной (законодательной власти), органами местного самоуправления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций.

Обеспечение права каждого на благоприятную окружающую среду, закрепленного в ст. 42 Конституции РФ, является основной целью прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране земель в промышленном регионе.

Для более полной характеристики данной деятельности необходимым является определить ее задачи, поскольку задачи в конечном счете конкретизируют цель деятельности прокуратуры.

В свою очередь задачи вытекают из функций прокуратуры – осуществление надзора за точным и единообразным исполнением действующих на территории Российской Федерации законов государственными органами, органами местного самоуправления, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций (ст.1 ФЗ РФ «О прокуратуре Российской Федерации»). Данные задачи конкретизируются в приказах и указаниях Генерального прокурора РФ, прокуроров субъектов РФ, приравненных к ним военных и других прокуроров специализированных прокуратур, других нижестоящих прокуроров, а также в решениях коллегии прокуратур различных уровней. Среди приказов Генерального прокурора РФ, конкретизирующих задачи прокуратуры в данной области, можно привести, в частности, приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина».

Задачи прокурорской деятельности в области использования и охраны земель в промышленном регионе можно разделить на общие – которые присущи различным видам и направлениям прокурорской деятельности (и в том числе, являющиеся отдельными подзадачами специальных задач прокуратуры), а также на специальные – относящиеся к конкретному направлению деятельности прокуратуры – прокурорской деятельности, направленной на обеспечение исполнения законодательства об охране земель в промышленном регионе.

К общим задачам прокуратуры в области охраны земель в промышленном регионе можно отнести:

- обеспечение своевременного выявления нарушений законов;
- обеспечение своевременного устранения нарушений закона;
- предупреждение нарушений закона.

Одной из важнейших задач прокуратуры в области охраны земель в промышленном регионе, имеющей специальный характер, является усиление и совершенствование прокурорской деятельности, направленной на обеспечение исполнения законов государственными органами исполнительной и представительной власти, органами местного самоуправления. Эта деятельность прокуратуры связана с проверкой законности правовых актов, издаваемых данными органами в сфере использования и охраны земель, а также законности принимаемых ими решений и действий (бездействия). Поскольку издаваемые этими органами правовые акты, действия и решения направлены к регулированию правоотношений в сфере использования и охраны земель с участием множества различных субъектов (коммерческих и некоммерческих организации, других органов) от качества принимаемых данными органами правовых актов, действий и решений, будет зависеть состояние законности в этой сфере.

Непосредственно с задачей усиления и совершенствования прокурорской деятельности по обеспечению исполнения законов органами управления связана другая задача прокуратуры в данной сфере. Поскольку функции по осуществлению государственного и муниципального земельного контроля возложены на специально уполномоченные государственные и муниципальные органы, от качества работы которых непосредственно зависит количество выявляемых прокурорами правонарушений, одной из основных задач деятельности прокуратуры в сфере использования и охраны земель является обеспечение правовыми средствами повышения качества и активизация работы данных органов.

Только при достаточно активной работе органов земельного контроля, а также надлежащем взаимодействии контролирующих органов различных уровней и органов прокуратуры возможно достижение положительных результатов в области охраны земель в промышленном регионе. При этом следует стремиться к совершенствованию механизма взаимодействия не только перечисленных органов, но и общественных организаций и граждан.

В связи с этим, следующей задачей прокуратуры является организация и усиление работы прокуратуры по работе со средствами массовой информации с целью освещения результатов работы органов прокуратуры по восстановлению законности в области использования и охраны земель в ходе промышленного производства, повышение уровня эколого-правовой культуры работников предприятия, населения в целях соблюдения

требований экологического законодательства и экологических прав граждан, выполнение ими экологических обязанностей, обеспечение их участия в осуществлении природоохранительных мероприятий.

Одной из важнейших задач прокуратур областного и приравненного к ним уровня, а также вышестоящих прокуратур является совершенствование работы по организации в нижестоящих прокуратурах деятельности, направленной на обеспечение исполнения законодательства по охране земель в промышленном регионе.

Систему органов прокуратуры, осуществляющих деятельность по обеспечению соблюдения природоохранного законодательства, а также законодательства по охране земель образуют: Управление по надзору за исполнением природоохранного законодательства Генеральной прокуратуры РФ, межрегиональные природоохранные прокуратуры, приравненные к прокуратурам субъектов РФ (прокуратуры субъектов РФ в тех регионах, где не действуют межрегиональные природоохранные прокуратуры), межрайонные природоохранные прокуратуры, приравненные к прокуратурам районов.

Кроме того, проверки исполнения законодательства об охране земель также проводятся и прокуратурами городов и районов.

Функции по обеспечению исполнения законодательства об охране земель в прокуратурах субъектов Российской Федерации осуществляют соответствующие отделы. В частности, в прокуратуре Свердловской области надзор в указанной сфере осуществляется отделом по надзору за исполнением законов в экологической сфере, который входит в состав Управления по надзору за соблюдением федерального законодательства прокуратуры области. При этом отдел осуществляет надзор за исполнением законодательства об использовании и охране различных элементов окружающей среды (водных объектов, атмосферного воздуха, животного мира и др.).

Вместе с тем думается, что существенным пробелом в организации работы прокуратур субъектов Российской Федерации в сфере использования и охраны земель является отсутствие отделов, осуществляющих деятельность, направленную на обеспечение исполнения законодательства об охране земель, в том числе в промышленности, поскольку именно на прокуратуры субъектов Российской Федерации возложена большая часть задач по организации прокурорской деятельности в данной сфере. В связи с этим полагаю, что необходимо в прокуратурах субъектов РФ создать отделы по осуществлению деятельности, направленной на обеспечение исполнения законодательства об охране земель.

Организация работы нижестоящих прокуратур в этом направлении имеет свою специфику, что связано с особенностями конкретных территорий (регионов, городов, районов), в частности, касающимися распределения земель различных категорий и их использования, количества расположенных промышленных предприятий, относящихся к отраслям тяжелой промышленности, и интенсивностью их работы и т.д. Все это должно учитываться при планировании и проведении проверочных мероприятий.

В настоящее время, как свидетельствует практика, в погоне за сиюминутной прибылью любыми путями, личным обогащением вопросы охраны окружающей среды порою становятся второстепенными или попросту игнорируются [1, с.6].

Прокуратура должна, используя предоставленные ей полномочия, пресекать нарушения технологических процессов и режимов работы промышленных производств, ведущие к загрязнению земель вредными веществами, их захламлению, нарушению, деградации.

Думается, что на созданные в прокуратурах субъектов РФ отделы по осуществлению деятельности, направленной на обеспечение исполнения законодательства об охране земель, следует возложить осуществление деятельности и решение следующих задач в данном направлении:

- непосредственный надзор за исполнением законов об охране земель государственными органами власти, органами местного самоуправления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций.

- руководство деятельностью нижестоящих прокуратур, что в первую очередь связано с поручением проведения проверок исполнения законодательства об охране земель поднадзорным субъектам, с выполнением конкретных проверочных мероприятий;

- обеспечение взаимодействия с иными правоохранительными и контролирующими органами при осуществлении деятельности, направленной на обеспечение исполнения законодательства об охране земель;

- контроль за организацией и результативностью работы нижестоящих прокуратур по осуществлению деятельности по обеспечению исполнения законодательства в указанной области;

- непосредственная организация рассмотрения, рассмотрение и разрешение обращений юридических и физических лиц в соответствии с требованиями действующего законодательства, приказов, указаний и распоряжений Генерального прокурора РФ, прокурора субъекта РФ;

- участие в заседаниях судов общей юрисдикции и арбитражных судов при рассмотрении дел о нарушении законодательства в рассматриваемой области;
- участие в работе по обучению кадров и проведению стажировки работников прокуратур, разработке указаний, рекомендаций и пособий для прокуроров;
- планирование работы в указанной сфере деятельности;
- оказание городским, районным, межрайонным и специализированным прокурорам методической и практической помощи по вопросам организации деятельности по обеспечению исполнения законодательства об охране земель, в том числе в промышленности;
- аналитическая работа и обобщение работы отдела и нижестоящих прокуратур;
- информационная работа.

Представляется, что обязанности по осуществлению деятельности по обеспечению исполнения законодательства об охране земель в промышленном регионе следует закрепить за конкретными работниками данного отдела.

В настоящее время действующим законодательством недостаточно урегулирован вопрос об осуществлении надзорной и ненадзорной деятельности прокуратуры, направленной на обеспечение исполнения законодательства об охране земель, что создает значительные трудности.

Думается, что для решения данных проблем необходимо принять Федеральный закон «Об охране земель в промышленных регионах», в который включить отдельную главу об организации и осуществлении деятельности прокуратуры, направленной на обеспечение исполнения законодательства об использовании и охране земель в промышленных регионах, в которой закрепить понятие деятельности прокуратуры, направленной на обеспечение исполнения законодательства об охране земель в промышленном регионе, ее цели, задачи, полномочия прокурора и применяемые правовые средства.

Список литературы

1. Винокуров Ю.Е., Сугробов А.С. Деятельность прокуратуры в сфере охраны окружающей среды. – М.: О-во «Знание» Российской Федерации, 1992.
2. ФЗ РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 // СПС «Консультант Плюс»

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Кузнецова О.Б.

Московский Государственный Юридический Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г.Москва

Обеспечение законных прав и интересов лиц, попавших в сферу уголовного преследования - ключевая задача институтов государства. Общество в целом считается цивилизованным и прогрессивным, когда каждый гражданин чувствует себя защищенным благодаря эффективно функционирующей правовой системе. Индикатором соблюдения в государстве правового режима защиты основных прав и свобод личности, уровня правосознания граждан является положение лиц, ограниченных в своих правах по тем или иным причинам, и, прежде всего, осужденных. Как справедливо отметил в этой связи сэр Уинстон Черчилль: «Тюрьмы – показатель демократии. Покажите мне ваши тюрьмы, и я скажу, в каком обществе вы живете»³⁵.

Одним из важнейших прав осужденного, гарантированных государством, является право на квалифицированную юридическую помощь. Международные правовые акты по правам человека, конституции и законы большинства развитых стран выделяют право на квалифицированную юридическую помощь в качестве основного процессуального права осужденного, и государство несет ответственность за обеспечение его доступности.

В п. 2 ст. 10 УИК РФ подчеркнуто, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан РФ с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации, следовательно, осужденный имеет особый правовой статус, обладает правами, и должен обладать возможностью реализации и защиты своих прав. Лица, осужденные к наказанию, связанному с лишением свободы, довольно часто не могут реализовывать свои права и, тем более, защищать их. Поскольку РФ развивается в концепции правового государства, права человека должны

³⁵ Д. Энрайт. «Уинстон Черчилль: цитаты, остроты и афоризмы». Издательство «Баланс Бизнес Букс», 2005, 192 стр.

признаваться, соблюдаться и гарантироваться на государственном уровне. ч. 1 ст. 49 Конституции РФ гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Особенно в такой помощи нуждаются осужденные.

Вместе с тем, адвокаты осуществляют защитительную деятельность в стадии исполнения приговора достаточно редко. 55 % опрошенных не встречали в практике защиту по вопросам исполнения наказания. На практике вопрос об их участии в деле ставится на усмотрение суда и решается часто не в пользу лиц, нуждающихся в их помощи. Вследствие этого возникают трудности в реализации осужденными своих прав и интересов, а в ряде случаев допускаются нарушения закона. Обусловлено это несовершенством уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством исполнение приговора – заключительная стадия уголовного судопроизводства, следовательно, адвокат сохраняет процессуальный статус защитника, предусмотренный ст. 53 УПК РФ. В п. 9 ч. 1 ст. 53 УПК РФ указано, что защитник вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй и надзорной инстанций, а также в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора. Представляется, что процессуальный статус защитника осужденного должен содержаться в Уголовно-исполнительном кодексе, поскольку УПК закрепляет правовой и процессуальный статус защитника подозреваемого и обвиняемого.

Конституционный суд РФ в Постановлении от 26.12.2003 № 20-П КС РФ указал, что право на получение квалифицированной юридической помощи должно обеспечиваться обвиняемому (подсудимому, осужденному) на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при производстве в надзорной инстанции, а также при исполнении приговора.

После вступления в действие УПК РФ (то есть в течение нескольких лет с 2002 года), суды кассационных и надзорных инстанций допускали многочисленные ошибки, считая, что с момента вынесения приговора, в случае его обжалования, у вышестоящих судов, нет более обязанности по обеспечению осужденному участия защитника в уголовном судопроизводстве. Однако участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. По смыслу ст. ст. 50 УПК РФ назначение осужденному защитника осуществляется по тем же правилам, что и в отношении подозреваемого и обвиняемого.

Право на получение квалифицированной юридической помощи неразрывно связано с правом на доступ к правосудию, которое является одним из основных прав человека, закреплённое как в международных правовых актах, так и в Конституции РФ; без него защита всех остальных прав и свобод человека и гражданина в современном обществе едва ли возможна. Вот почему в ст.51 УПК РФ установлены основания к обязательному обеспечению дознавателем, следователем, прокурором, судом участия защитника в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, когда подозреваемый (обвиняемый) не отказался от защитника или является несовершеннолетним. Отсутствие защитника на любой стадии судопроизводства до постановления судебного приговора при наличии любого из этих оснований влечёт безусловную отмену приговора в силу требований п.2 ч.1 ст.369 и п.4 ч.2 ст.381 УПК РФ.

Однако на практике обязательное участие защитника заканчивается с момента вынесения приговора. В ч. 4 ст. 399 УПК РФ указано, что осужденный может осуществлять свои права с помощью адвоката, никаких указаний на обязательность участия защитника нет, вследствие чего и возникают сомнения в необходимости предоставления защитника осужденному.

Еще одним серьезным препятствием к реализации права осужденного на защиту является материальная сторона вопроса. Согласно ч. 5 ст. 50 УПК РФ, если адвокат участвует в производстве предварительного расследования или судебном разбирательстве по назначению дознавателя, следователя или суда, расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета. Но, обращаясь к положениям ст. 131 УПК РФ, можно видеть: на осужденного может быть возложена судом обязанность компенсировать процессуальные издержки по делу, включая суммы, выплаченные адвокату из бюджетных средств. Исключения составляют только случаи реабилитации гражданина и отказ подозреваемого, обвиняемого от участия защитника, непринятый компетентным лицом. Право осужденного на участие в его деле защитника в случае судебного разбирательства по его надзорной жалобе, а также в случае судебных разбирательств, например, по вопросам условно-досрочного освобождения, перевода в колонию-поселение и т.п., оказывается для заключенных с «низким социальным статусом», весьма теоретическим. Как правило, издержки по оплате адвоката суды обязывают выплачивать именно осужденных, если в судебных разбирательствах, состоявшихся уже после вступления приговора в законную силу, осужденные просят обеспечить их адвокатом по назначению. Поступившие в исправительное учреждение требование о выплате этих сумм способны погасить далеко не все

осужденные - особенно если они не трудоустроены. Поэтому, осужденные предпочитают не обращаться к суду с просьбой об обеспечении их защитником в разбирательстве.

Сложность в обеспечении осужденных помощью адвоката-защитника возникает из-за того, что осужденный изолирован, находится в месте лишения свободы. Хотя законодательно разрешены встречи адвоката с подзащитным, на практике данное право часто нарушается сотрудниками исправительных учреждений.

Так, 67 % опрошенных адвокатов указывают на то, что сами лично сталкивались с тем, что сотрудники исправительных учреждений не допускали их на свидание с подзащитными под различными предлогами: вывоз подзащитного в другое учреждение, хотя фактически он не осуществлялся, нахождение подзащитного в т.н. «карантине», «в транзитной камере», штрафном изоляторе, наличие в месте содержания под стражей «чрезвычайного происшествия» и т.п. В ряде случаев отказ в предоставлении свидания с подзащитными вообще не мотивировался. Законодатель регламентирует предоставление свиданий осужденных с адвокатами в одной статье Уголовно-исполнительного кодекса наряду со свиданиями осужденных с родственниками и иными лицами (ст. 89 УИК РФ). Между тем свидания осужденных с родственниками и иными лицами и свидания осужденных с адвокатами отличаются по своему правовому содержанию: свидания с родственниками способствуют сохранению социально полезных связей и, по сути, являются нормативно установленной льготой, их количество напрямую зависит от назначенного осужденному режима, а также от его поведения в исправительном учреждении, а свидания с адвокатом способствуют реализации конституционного права осужденного на оказание квалифицированной юридической помощи. В связи с этим нелишне вспомнить, что статья 26 Исправительно-трудового кодекса (ИТК) РСФСР 1970 г., аналогичная нынешней статье 89 УИК РФ, регламентирующей свидания, называлась «Свидания осужденных к лишению свободы с родственниками и иными лицами», а оказание юридической помощи лицам, лишенным свободы, было выделено в отдельную статью. Нетрудно заметить, что в регулировании свиданий с адвокатами Исправительно-трудовой кодекс РСФСР по сравнению с Уголовно-исполнительным кодексом РФ был более логичным и более прогрессивным.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Честина Е.М., Савченко С.А.

Тюменский государственный университет, г.Тюмень

В статье 10 Конституции Российской Федерации[1] определено: «Государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». Судебная власть представляет собой в соответствии с теорией разделения властей систему судебных органов государства, осуществляющих правосудие. Характерными свойствами судебной власти являются самостоятельность, исключительность, подзаконность и полнота. Все эти качества нашли свое отражение в нормах Конституции РФ. Назначением судебной власти является защита прав и свобод граждан, конституционного строя РФ, обеспечение соответствия актов законодательной и исполнительной власти Конституции, соблюдение законности и справедливости при исполнении и применении законов и иных нормативных актов. Обеспечение реализации предусмотренных Конституцией прав и свобод человека и гражданина составляет основное содержание деятельности органов судебной власти (статья 18 Конституции). Именно этим предопределено особое положение судов в государственном механизме[2, с. 167].

Колоколов Н.А., давая характеристику судебной власти указал, что судебная власть представляет собой разновидность государственной власти, особые общественные отношения, возникновение и существование которых обусловлены способностью социума при необходимости генерировать механизм разрешения конфликтов на основе норм права, обеспечиваемый мощью государства[3, с. 12]. В свою очередь, Гуськова А.П., Муратова Н.Г. отмечают, что «Судебная власть, являясь ветвью государственной власти, выполняет государственную функцию - функцию защиты прав и свобод личности. Выделение судебной защиты в самостоятельную функцию государства обусловлено объективными потребностями общественного развития» [4, с. 6].

Черкасов К.В., Цыганаш В.Н. констатируют, что существование судебной власти обусловлено интересом общества в поддержании правового и социального порядка, а ее государственная природа - обязанностью государства этот порядок поддерживать[5, с. 32].

Содержанием судебной власти, отмечает Цыганаш В.Н., является определение действительной

государственной воли в процессе индивидуального правоприменения. Судебная власть, как и власть законодательная, «определяет действительную государственную волю. Это - ее сущность» [6, с. 234].

Конституция РФ, законодательство о судостроительстве, процессуальное законодательство страны детально закрепляют сущность, содержание и принципы реализации судебной деятельности [7, с. 195].

Обобщая мнение ученых и проанализировав законодательство о судебной власти, следует отметить, что современные этапы реформации правовой системы Российской Федерации затронули как судебную власть в целом, так и судебную деятельность в частности. Судебная власть, закрепленная в Конституции РФ, наряду с законодательной и исполнительной, имеет огромное значение в становлении Российского правового государства. Осуществление правосудия по гражданским делам является одним из проявлений воли государства.

В свою очередь, комплексное исследование современных проблем правосудия, безусловно, затрагивает и правовое положение суда и сторон в гражданском процессе. Задача развития учения о правовом положении суда и сторон является одной из первостепенных в рамках гражданского процессуального права, в связи с чем, привлекала и привлекает до сих пор внимание ученых-процессуалистов.

Несмотря на значительный интерес ученых к исследованию правовой природы прав суда и сторон в гражданском судопроизводстве, актуальность дальнейших разработок в данной области сохраняется. Это обусловлено тем, что в современном российском обществе достаточно остро стоят вопросы реальной защиты прав и законных интересов граждан, провозглашенных Конституцией Российской Федерации. Анализ существующей судебной практики свидетельствует о том, что у заинтересованных лиц не всегда имеется возможность эффективно воспользоваться предоставленными им процессуальными правами и обязанностями. Данная проблема возникает как из-за несовершенства процессуального законодательства (проблемы терминологии, двойственности в понимании, несоответствия реалиям правоприменения и т.д.), так и в силу сложности их реализации. Актуальность исследования этой проблематики, таким образом, обусловлена, также необходимостью совершенствования гражданского процессуального законодательства и порядка осуществления правосудия по гражданским делам, расширения субъективных гражданских процессуальных прав и усиления их гарантий.

Кроме того, для развития науки гражданского процессуального права крайне важны исследования, позволяющие обозначить узловые проблемы теории и практики участия граждан и организаций в гражданском судопроизводстве для защиты своих прав и законных интересов.

Стороны – это основные участники искового производства. Процессуальное законодательство оперирует категориями «стороны», «истец», «ответчик», не давая их дефиниций [8].

Категории «суд» «стороны», «истец», «ответчик» - рождены многовековой традицией гражданского процесса. Как без истца нет ответчика, так без сторон нет процесса, - это аксиомы цивилистического процесса. Вместе с тем единого и единственного понятия сторон в доктрине не существует, что объяснимо - помимо исторических причин - различным пониманием сущности иска и гражданского процесса в целом. Не является исключением и современная отечественная наука гражданского процессуального права.

Правосудие в демократическом обществе предназначено выполнять роль стража порядка и оплота справедливости. В соответствии со статьей 1 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [9] (далее - Закона о судебной системе) судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных, народных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия. Судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной власти [10].

Предназначение судов заключается в защите и восстановлении нарушенных прав. В современных государствах деятельность судов направлена на обеспечение конституционных устоев, а также провозглашенных прав и свобод.

В теории государства и права это направление государственной деятельности рассматривается как одна из функций государства - правоохранительная, которая наряду с другими (экономическая, социальная, функция обороны) носит постоянный характер, постоянно наполняясь новым содержанием, отражающим характер задач, решаемым государством на каждом историческом этапе своего развития [11, с. 122].

Суд среди других органов государственной власти занимает особое место. Только суд может своим решением положить конец спору истца и ответчика. Суд реализует права граждан на обжалование действий правовых лиц, рассматривает материалы о некоторых видах административных правонарушений. Никакой другой орган власти не имеет право выполнять эти задачи.

В системе государственных властей судебной власти отведена роль уравнивающего механизма, позволяющего эффективно направлять действия законодательной и исполнительной власти в правовые рамки.

Взаимоотношения между исполнительной и судебной властями носят более жесткий характер, нежели между судебной и законодательной. В правовом государстве стремление к доминированию исполнительной власти эффективно противостоит власти судебной. Действующие законы в совокупности с объективно вынесенными судебными решениями обеспечивают в обществе принцип господства права.

Судебная власть, таким образом, - это предназначенная для обеспечения правового порядка, поддержания законности и привлечения нарушителей таковой к ответственности разновидность государственной власти, реализуемая посредством конституционного, гражданского, административного или уголовного судопроизводства, самостоятельными и независимыми, обладающими исключительным полномочием на осуществление правосудия, специальными государственными органами - судами, в состав которых могут входить представители общественности.

В ряде нормативно-правовых актов [12] и даже международных договоров [13] законодатель видит разницу между судебными и правоохранительными органами (судебной и правоохранительной практикой), в контексте данной работы суд отнесен к числу правоохранительных органов. Он является органом судебной власти, носителем судебной власти признаются судьи (ч. 1 ст. 29 Закона о судебной системе Российской Федерации). Основная характеристика суда как органа судебной власти дана при характеристике самой судебной власти.

Суд как орган судебной власти - это не здание суда и не одноименное учреждение, которое в нем расположилось. Под судом как органом судебной власти понимается определенный состав суда, рассматривающий уголовное, гражданское дело, дело об административном правонарушении либо дело, подсудное Конституционному Суду РФ.

В предусмотренных законом случаях от имени суда выступает судья, рассматривающий дело единолично. При рассмотрении уголовного дела судом присяжных судья не решает вопросы о том, имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; совершил ли это деяние подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого преступления. Данные вопросы ставятся для обсуждения перед присяжными заседателями. В свою очередь, присяжные заседатели не разрешают те вопросы, на которые ответ дает судья. Однако органом судебной власти является и судья, рассматривающий дело единолично, и состоящий из судьи и присяжных заседателей суд присяжных.

Органом судебной власти состав суда признается вне зависимости от того, по какой инстанции (по первой, в апелляционном, кассационном или надзорном порядке и т.п.) дело было рассмотрено, разрешено дело по существу или нет, определена ли виновность и назначено ли наказание. Судебная власть может быть реализована и тогда, когда правосудие как таковое реализовано не было.

Судебная система Российской Федерации - это взаимосвязанная и взаимообусловленная единая система (совокупность) всех судов государства, связанных между собой установленными законом взаимоотношениями.

В Российской Федерации действуют две группы судов: - федеральные суды; суды субъектов Российской Федерации.

Это не простая совокупность судов, а их взаимосвязанная и взаимообусловленная, единая система. Единство судебной системы Российской Федерации обеспечивается путем:

- установления судебной системы Российской Федерации Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации»;
- соблюдения всеми федеральными судами и мировыми судьями установленных федеральными законами правил судопроизводства;
- применения всеми судами Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, а также конституций (уставов) и других законов субъектов Российской Федерации;
- признания обязательности исполнения на всей территории Российской Федерации судебных постановлений, вступивших в законную силу;
- законодательного закрепления единства статуса судей;
- финансирования федеральных судов и мировых судей из федерального бюджета.

Подводя итог, следует отметить, что правильное определение понятия и юридического положения суда и сторон в гражданском процессе, а также правильное разрешение всех вопросов, связанных с участием сторон в гражданском процессе, является одной из предпосылок успешного выполнения стоящих перед судом задач по осуществлению правосудия и должно содействовать дальнейшему укреплению законности.

Кроме того, в связи с внесением поправок в Конституцию Российской Федерации и изменений в некоторые федеральные законы, возникли вопросы, требующие незамедлительного решения. К данным вопросам можно отнести вопрос о достижении самостоятельности и независимости судебной системы в рамках принципа

разделения властей, отсутствие законодательного регулирования принципа несменяемости судей в условиях проводимой судебной реформы.

Представляется, что для обеспечения независимости судебной власти и гарантии несменяемости судей, необходимо законодательно закрепить в нормах, регулирующих переходный период судебной реформы, осуществляемой в настоящее время, несменяемость судей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2015. 272 с.
3. Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен: Дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 290 с.
4. Гуськова А.П., Муратова Н.Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства. М.: Спарк, 2005. 440 с.
5. Черкасов К.В., Цыганаш В.Н. К вопросу о механизме адаптации судебной власти к различным общественным системам // Российский судья. 2010. № 5. С. 31 - 34.
6. Цыганаш В.Н. Судебная власть: понятие, технология, институт (концептуальный анализ). Ростов н/Д, 2009. С. 234.
7. Конституционное право Российской Федерации: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» (квалификация «бакалавр») / И.А. Алжеев, И.Б. Власенко, Е.Ю. Догадайло и др.; отв. ред. С.И. Носов. М.: Статут, 2014. 391 с.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.
10. Мелехин А.В. Судебная власть Российской Федерации: курс лекций // - [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2015).
11. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / Под редакцией и с предисловием д-ра юр. наук, зав. каф. гражданского процесса МГУ М.К. Треушникова, д-ра юр. наук, зав. каф. гражданского процесса КубГАУ Ю.А. Поповой. - Краснодар, 2008. – 622 с.
12. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (утверждены Правительством РФ 31 января 2013 года); Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Типовой регламент организации деятельности приемной суда общей юрисдикции (утвержден Судебным департаментом при Верховном Суде РФ 19 июня 2009 года); и др.
13. Договор между Российской Федерацией и Республикой Корея о взаимной правовой помощи по уголовным делам // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2103.

СЕКЦИЯ №10.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.14)

ПРЕДЕЛЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ, КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИНСТИТУТА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПУБЛИЧНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Загивко Д.С.

Аспирант кафедры административного и финансового права Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г.Москва

Статья посвящена продолжению рассмотрения вопроса о возможности снижения наказания ниже санкции соответствующей статьи закона.

Установив смягчающие обстоятельства при назначении наказания, орган административной юрисдикции должен снизить штрафную санкцию ниже нижнего предела, что отвечало бы принципам справедливости и дифференцированной.

В статье предлагается более подробно изучить данный вопрос на примере налогового кодекса и кодекса об административных правонарушениях РФ.

В кодексе об административных правонарушениях до недавнего времени отсутствовала правовая норма, предоставляющей субъекту административной юрисдикции право применения наказания ниже низшего предела, что в конечном итоге не способствует укреплению авторитета закона, а также реализации закрепленного в многочисленных нормативных актах принципа гуманизма, с учетом субъективных факторов, влияющих на назначение наказания.

Юридическая доктрина всегда придерживалась мнения о необходимости законодательного закрепления в КоАП РФ нормы позволяющей снижать наказание ниже минимального размера соответствующей санкции.

Впервые прорыв в данном вопросе на уровне правоприменения появился благодаря принятию Постановления КС РФ от 17.01.2013 № 1-П. Суд отмечает, что положение ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, предусматривающее во взаимосвязи с установленными КоАП РФ правилами назначения административного наказания возможность привлечения юридического лица к административной ответственности в виде административного штрафа в определенных им пределах, признано не соответствующим Конституции РФ.

Установленный этим положением значительный минимальный размер административного штрафа в системе действующего правового регулирования, не допускающего назначение административного наказания ниже низшего предела соответствующей административной санкции, не позволяет во всех случаях в полной мере учесть характер совершенного административного правонарушения, имущественное и финансовое положение юридического лица, а также иные имеющие значение для дела существенные обстоятельства и тем самым обеспечить назначение справедливого и соразмерного административного наказания. КС РФ также постановил, что до внесения в КоАП РФ надлежащих изменений размер административного штрафа, назначаемого юридическому лицу за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, может быть снижен антимонопольным органом или судом.

Принятия данного Постановления не разрешает рассматриваемый вопрос в полном объеме, поскольку данная правовая позиция относится только к ст. 19.8 КоАП РФ. В тоже время, постановление является сигналом законодателю о необходимости введения в кодекс института дифференциации наказания.

Впоследствии КС РФ принял еще одно Постановление в данном вопросе от 25.02.2014 г. № 4-П. В постановлении КС вновь отмечает, что до внесения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях надлежащих изменений возможность снижения минимального размера административного штрафа законодательно не установлена, и учитывая особую роль суда как независимого и беспристрастного арбитра и вместе с тем наиболее компетентного в сфере определения правовой справедливости органа государственной власти, Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что принятие решения о назначении юридическому лицу административного штрафа ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей административной санкцией, допускается только в исключительных случаях и только в судебном порядке. Если же административное наказание за совершение административного правонарушения было назначено иным компетентным органом, должностным лицом, суд (безотносительно к законодательному регулированию пределов его полномочий при судебном обжаловании решений о применении мер

административной ответственности), рассмотрев соответствующее заявление юридического лица, также не лишен возможности снизить размер ранее назначенного ему административного штрафа.

Данное постановление, по сравнению с предыдущим расширило свою сферу и подлежит применению ко всем статьям особенной части КоАП РФ.

При назначении административного наказания должны учитываться обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность. К обстоятельствам смягчающим ответственности статья 4.2 Кодекса относит: раскаяние лица, совершившего административное правонарушение; добровольное прекращение противоправного поведения; добровольное сообщение о совершенном административном правонарушении; оказание содействия; предотвращение вредных последствий; добровольное возмещение причиненного ущерба; добровольное исполнение предписания об устранении допущенного нарушения и иные.

Благодаря принятию вышеназванных постановлений КС РФ и сложившейся юридической доктрине, законодатель установил в КоАП РФ, норму позволяющую снижать наказания ниже нижнего, но при определенных условиях.

При наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, личностью и имущественным положением привлекаемого к административной ответственности физического лица, судья, орган, должностное лицо, рассматривающие дела об административных правонарушениях могут назначить наказание в виде административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного соответствующей статьей, в случае, если минимальный размер административного штрафа для граждан составляет не менее десяти тысяч рублей, а для должностных лиц - не менее пятидесяти тысяч рублей (Закон от 31.12.2014 № 515-ФЗ).

Аналогичный подход существует и в налоговом законодательстве. В ходе рассмотрения материалов налоговой проверки выяснению также подлежат обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность за совершение налогового правонарушения.

Пунктом 4 статьи 112 НК РФ предусмотрено, что обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность за совершение налогового правонарушения, устанавливаются судом или налоговым органом, рассматривающим дело, и учитываются при применении налоговых санкций. Перечень смягчающих ответственность обстоятельств содержится в пункте 1 статьи 112 НК РФ и не является исчерпывающим. При наличии хотя бы одного смягчающего ответственность обстоятельства размер штрафа подлежит уменьшению не менее, чем в два раза по сравнению с размером, установленным соответствующей статьей НК РФ (пункт 3 статьи 114 НК РФ).

В пункте 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» также разъяснено, если при рассмотрении дела, связанного с применением санкции за налоговое правонарушение, будет установлено наличие хотя бы одного из смягчающих ответственность обстоятельств (пункт 1 статьи 112 НК РФ), суд при определении размера подлежащего взысканию штрафа обязан в соответствии с пунктом 3 статьи 114 НК РФ уменьшить его размер не менее чем в два раза по сравнению с предусмотренным соответствующей нормой Кодекса.

При этом учитывая, что пунктом 3 статьи 114 НК РФ установлен лишь минимальный предел снижения налоговой санкции, суд по результатам оценки соответствующих обстоятельств (например, характера совершенного правонарушения, количества смягчающих ответственность обстоятельств, личности налогоплательщика, его материального положения) вправе уменьшить размер взыскания более чем в два раза.

К таким обстоятельствам, например, также можно отнести отсутствие за последние 12 месяцев до вынесения решения привлечения к ответственности, признания вины, осознав тем самым противный характер своих действий при исполнении обязанности налогового агента.

В заключение хотелось отметить, что по своей правовой природе санкция штрафного характера должна отвечать вытекающим из Конституции Российской Федерации принципам справедливости и соразмерности, ее дифференциации в зависимости от тяжести содеянного, иных обстоятельств, обуславливающих при применении публично-правовой ответственности принципов индивидуализации и целесообразности применения наказания.

Несоразмерно большой штраф может превратиться из меры воздействия в инструмент подавления коммерческой и гражданской самостоятельности и инициативы, что в силу Конституции Российской Федерации недопустимо. Установление смягчающих обстоятельств при назначении наказания должно приводить к снижению штрафной санкции, что будет соответствовать не только частным интересам лица, привлеченного к ответственности, но и публичным интересам, а именно: предупредить нарушителя о недопустимости совершения

подобных нарушений впредь. Тем самым достигаются и реализуются все цели и принципы наказания: справедливость, неотвратимость, целесообразность и законность.

Считаем, что позицию законодателя, сложившуюся правоприменительную практику и юридическую доктрину в данном вопросе правильной, позволяя в исключительных случаях не превращать меру воздействия в инструмент карательного насилия.

Список литературы

1. Гришаев А.Н. Содержание принципа законности на стадии назначения административного наказания // Административное право и процесс. 2007. № 2.
2. Кодекс об административных правонарушениях // СПС КонсультантПлюс. 2015.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 № 1-П// СПС КонсультантПлюс. 2015.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 г. № 4-П// СПС КонсультантПлюс. 2015.
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. 2015.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 1) // СПС КонсультантПлюс. 2015.

СЕКЦИЯ №11.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.15)

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД

Январь 2015г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием «**Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях**», г.Санкт-Петербург
Прием статей для публикации: до 1 января 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2015г.

Февраль 2015г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием «**Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом**», г.Новосибирск
Прием статей для публикации: до 1 февраля 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2015г.

Март 2015г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием «**Актуальные вопросы юриспруденции**», г.Екатеринбург
Прием статей для публикации: до 1 марта 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2015г.

Апрель 2015г.

Международная межвузовская научно-практическая конференция «**Теория и практика современной юридической науки**», г.Самара
Прием статей для публикации: до 1 апреля 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2015г.

Май 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения**», г.Омск
Прием статей для публикации: до 1 мая 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2015г.

Июнь 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях**», г.Казань
Прием статей для публикации: до 1 июня 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2015г.

Июль 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции**», г.Челябинск
Прием статей для публикации: до 1 июля 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2015г.

Август 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Теоретические и практические аспекты развития юридической науки**», г.Ростов-на-Дону
Прием статей для публикации: до 1 августа 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2015г.

Сентябрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития**», г.Уфа
Прием статей для публикации: до 1 сентября 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2015г.

Октябрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции**», г.Волгоград
Прием статей для публикации: до 1 октября 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2015г.

Ноябрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы**», г.**Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2015г.

Декабрь 2015г.

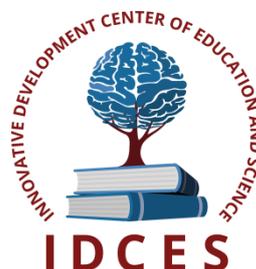
Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции**», г.**Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2016г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Юриспруденция»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(10 августа 2015г.)**

**г. Ростов-на-Дону
2015 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 11.08.2015.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 250 экз. Заказ № 280.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58